

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

А.Л. Южанинова

ИСТОРИЯ САРАТОВСКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В ЛИЦАХ

Саратов
2018

УДК 159.9(091)(470.4)
ББК 88.1(235.54)
Ю17

Рецензенты:

зав. кафедрой психологии личности СГУ,
доктор психологических наук, профессор *Е.В. Рягузова*;
зав. кафедрой правовой психологии,
судебной экспертизы и педагогики СГЮА,
кандидат медицинских наук, доцент *Г.Р. Колоколов*

Южанинова, А.Л.

Ю17 История саратовской психологической школы в лицах / А.Л. Южанинова ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2018. – 352 с.

ISBN 978-5-7924-1411-2

Работа посвящена 100-летию юбилею саратовской психологической школы. Автор исследует особенности составляющих ее научных школ и направлений в советский период, выделяет этапы возникновения и развития саратовской психологической школы, представляет психологические портреты и жизненный путь саратовских психологов, а также основное содержание их научной деятельности.

Для преподавателей и студентов, изучающих вопросы истории развития отечественной психологии и саратовской психологической школы, а также всех интересующихся данной тематикой.

УДК 159.9(091)(470.4)
ББК 88.1(235.54)

ISBN 978-5-7924-1411-2 © ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2018
© Южанинова А.Л., 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. Петербургские истоки возникновения и становления саратовской психологической школы. Саратовские психологи первого и второго поколений	10
1.1. Семен Людвигович Франк	14
1.1.1. Линия жизни	14
1.1.2. Становление ученого в области философской психологии.....	40
1.1.3. Петербургская психологическая школа и С.Л. Франк.....	78
1.1.4. Основатель саратовской психологической школы.....	90
1.2. Август Адольфович Крогиус	144
1.3. Ученики С.Л. Франка и А.А. Крогиуса: саратовские психологи второго поколения ..	180
Глава 2. Советская психологическая школа в Саратове. Саратовские психологи второго и третьего поколений	200
2.1. Вольф Соломонович Мерлин.....	206
2.2. Иван Владимирович Страхов.....	235
Глава 3. Саратовские университетские психологи третьего и последующих поколений	250
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	320
Список научных трудов А.Л. Южаниновой.....	331

**К 100-летию возникновения
саратовской научной психологической школы**

Историю науки можно представить как результирующую судеб ее отдельных представителей-ученых.

Но, пожалуй, не менее правильным будет считать, что в биографии того или иного ученого, как в капле воды, находит свое отражение (конечно, с соответствующим индивидуальности этого ученого «коэффициентом преломления») судьба всей науки.

С.А. Богданчиков

ВВЕДЕНИЕ

Событием, повлиявшим на возникновение условий появления науки психологии в Саратове, явилось открытие 6(19) декабря 1909 г. Саратовского Императорского Николаевского университета, положившее начало высшему образованию в регионе. Первоначально обучение в нем студентов велось лишь в области медицины, однако после Февральской революции 1917 г. началась подготовка к открытию и других специальностей: Постановлением Временного правительства России от 1 июля 1917 г. в Саратовском университете были созданы также физико-математический, юридический и историко-филологический факультеты. Деканом вновь открывшегося историко-филологического факультета стал приват-доцент Петроградского университета С.Л. Франк – ученый в области философии и фило-

софской психологии (идеалистической психологии), впоследствии получивший мировую известность как величайший русский религиозный философ.

Наряду с преподаванием философских дисциплин в первом и единственном в то время саратовском вузе С.Л. Франк учил студентов основам психологии, первоначально – в рамках философии, а с 1918 г. психология стала изучаться будущими философами и психологами как самостоятельная дисциплина. Поскольку С.Л. Франка по праву можно назвать родоначальником саратовской психологической научной школы, его судьбе и научному творчеству в работе отводится особое внимание.

«В почти вековой истории психологии в Саратове выделяются несколько вершин, крупных фигур европейского и российского масштаба», – писала Р.Г. Селиванова¹, размышляя о непростых путях, по которым шло становление саратовской психологической школы.

В 1919 г. С.Л. Франк привлек к работе в Саратовском университете коллегу по кафедре философии Петроградского университета, доктора медицины А.А. Крогиуса, к тому времени уже психолога с европейским именем, родоначальника отечественной тифлопсихологии, специализировавшегося в области экспериментальной психологии, педологии, психофизиологии. Таким образом, Франк и Крогиус, представители дореволюционной петербургской психологической школы, имевшие европейскую

¹ Селиванова Р.Г. К истории психологии в Саратове // Проблемы региональной психологии: теория, практика, эксперимент. Саратов, 2007. С. 4.

профессиональную подготовку, стали саратовскими психологами первого поколения. В их лице саратовская психологическая научная школа соединила одновременно две научные парадигмы психологии: идеалистическую в лице С.Л. Франка и естественнонаучную – в лице А.А. Крогиуса. Появившиеся в Саратове у Франка и Крогиуса ученики (саратовские психологи второго поколения – Э.Л. Беркович, Г.П. Иванов, Н.В. Касаткин) продолжили развитие отечественной психологии в научных традициях своих учителей.

Однако в 1921 г. Франк был вынужден покинуть Саратов, а в 1922 г. и вовсе был изгнан из страны вместе с другими философами-идеалистами. В начале 1930-х гг. в Саратовском университете, как и в других вузах страны, наступил период борьбы со старорежимной профессурой и их последователями. Этот вихрь разметал по стране саратовских психологов первого и второго поколения, воспитанных в духе дореволюционной психологии: А.А. Крогиус покинул Саратов в 1932 г., разъехались и ученики Франка и Крогиуса, и научная преемственность в саратовской психологической школе была прервана. На смену дореволюционной психологии в лице саратовских психологов второго поколения В.С. Мерлина (1932–1938), И.В. Страхова (1937–1982) в Саратов пришла новая, зарождающаяся советская психология, в основе которой лежала уже марксистско-ленинская диалектико-материалистическая методология. Начался второй, советский этап развития саратовской психологической школы, который продолжался и после распада Советского Союза в 1991 г. Окончанием вто-

рого этапа условно можно обозначить 2008 г. – год окончания руководства отделения психологии СГУ Р.Х. Тугушевым и начала новейшей истории саратовской психологической школы.

Саратовские психологи третьего поколения (Л.П. Доблаев, Е.И. Гарбер, А.А. Понукалин, Р.Х. Тугушев, В.В. Козача, А.Ф. Пантелеев, И.Э. Стрелкова, Р.Г. Селиванова) и их ученики (саратовские психологи четвертого поколения) прошли подготовку в уже сложившейся к тому времени парадигме советской научной школы. Они, в свою очередь, подготовили появление психологов следующих поколений, вносящих и сегодня свой вклад в развитие отечественной психологии.

Перефразируя высказывание С.А. Богданчикова, взятое в качестве эпиграфа к работе, можно сказать, что история саратовской психологической школы может быть представлена как «результатирующая судеб ее отдельных представителей-ученых», а в их биографиях «находит свое отражение... судьба всей науки»¹ психологии в нашей стране.

Как видим, появление психологии в Саратове датируется 1917–1918 гг., т.е. ее возникновение по времени совпадает с началом советского периода в истории нашей страны (с 1917 г., когда на смену царской России пришла и существовала до 1922 г. Советская Россия (РСФСР), и 1922–1991 гг. – хронологические рамки существования СССР). Исходя из этого

¹ Богданчиков С.А. Двадцатые годы в судьбе отечественной психологии (к научной биографии профессора И.В. Страхова) // Психологическое исследование: психические состояния, характерология, педагогический такт и творчество: матер. Третьих Страховских чтений. Саратов, 1993. С. 5–6.

можно предположить, что саратовская психологическая школа начала развиваться как ветвь советской психологии, если под этим термином понимать всю психологическую науку в географических и хронологических рамках существования СССР (широкий смысл понятия советской психологии)¹. Однако если под советской психологией в узком смысле подразумевать «идеологическое понятие, являющееся разновидностью более общего идеологического понятия “советская наука” (это наука особая, марксистская, партийная, воинствующая, передовая и т.п.)»², то первый этап развития саратовской психологической школы (1917–1932) следует считать домарксистским, досоветским, содержательно наполненным традициями дореволюционной петербургской университетской психологической школы.

Советскую психологию определяют как «самобытное научное направление, возникшее в СССР в период 1920–1930-х гг. под воздействием марксизма на основе результатов и достижений отечественной и зарубежной психологии; марксистская психология в СССР в 1920-е гг. рассматривается при этом как начальная форма, первая ступень развития советской психологии как определенного научного направления»³.

Отличием развития саратовской психологической школы от развития психологии в СССР является не-

¹ См.: *Богданчиков С.А.* О многозначности понятия «советская психология» // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. М., 2016. С. 61–67.

² Там же. С. 65.

³ Там же.

которое запаздывание появления в ее системе марксистско-ленинского направления: его начало датируется не 1920-ми гг., как в стране в целом, а 1932-м, когда в Саратов прибыл представитель новой советской психологии В.С. Мерлин. В целом же общие тенденции развития психологической науки в нашей стране в советский период нашли отражение и в истории формирования саратовской психологической школы.

Глава 1.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ. САРАТОВСКИЕ ПСИХОЛОГИ ПЕРВОГО И ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЙ

По своей сути период двадцатых годов был возрождением и дальнейшим развитием русской дореволюционной психологии в тесном контакте с зарубежной, мировой психологией...

К началу 30-х годов на сцене не осталось ни одного из действующих лиц, заявивших о себе в полный голос десятью годами ранее...

С.А. Богданчиков

Родоначальник саратовской психологической научной школы С.Л. Франк как психолог сформировался в русле идеалистического направления философской психологии, работая с 1902 по 1917 г. под руководством профессора А.И. Введенского на кафедре философии Петербургского университета. Именно там состоялась защита его магистерской диссертации, написанной во время стажировки в Германии и положившей начало психолого-философской концепции Франка, отраженной в двух книгах – «Предмет знания» (1915) и «Душа человека» (1917).

Франк был психологом третьего поколения петербургской университетской философско-пси-

хологической школы, родоначальником которой был М.И. Владиславлев (1840–1890) – профессор, создавший систему психологического образования в Санкт-Петербургском университете, впервые в России сформулировавший понятие психологии как самостоятельной науки и проследивший историю развития психологических идей у разных философов (Платон, Аристотель, Декарт, Спиноза, Кант, Гегель и др.).

Психологом второго поколения этой школы стал ученик Владиславлева А.И. Введенский, воспитавший следующее поколение ученых в области философской идеалистической психологии (Н.О. Лосский, А.П. Нечаев, И.И. Лапшин, С.Л. Франк).

Знание как отечественной, так и зарубежной философской психологии, разработанная собственная психолого-философская концепция, научное сотрудничество с коллегами, специализировавшимися в области философской психологии (А.И. Введенский, Н.О. Лосский) и экспериментальной психологии (А.Ф. Лазурский), а также психофизиологии (А.А. Крогиус) и патопсихологии (С.А. Суханов), знание и опыт обучения психологическим дисциплинам в Петербургском университете и других столичных вузах, – именно с таким научным и педагогическим багажом прибыл Франк в 1917 г. в Саратовский университет, где проработал до 1921 г.

В 1922 г. С.Л. Франк, а также другие российские философы-идеалисты, или религиозные философы, исследовавшие проблемы души (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Б.П. Вышеславцев, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский

и др.), были выдворены из страны, их имена перестали появляться в советской печати. В результате в Советской России к началу 1923 г. философско-психологическое идеалистическое направление как ветвь интроспективной психологии перестало существовать, было официально запрещено, но оно развивалось за рубежом и жило в сердцах и памяти оставшихся в нашей стране учеников выдающихся ученых.

С 1919 г. к работе в Саратовском университете был привлечен коллега Франка по кафедре философии Петроградского университета, доктор медицины А.А. Крогиус, как уже было сказано, психолог с европейским именем, специализировавшийся в области экспериментальной психологии, педологии и психофизиологии, получивший европейское образование. Однако в 1932 г. и он был вынужден покинуть Саратов в связи с организованной травлей старорежимной профессуры.

Таким образом, дворяне Франк и Крогиус, представители петербургской психологической школы, имевшие европейскую профессиональную подготовку, стали саратовскими психологами первого поколения. Саратовские ученики Франка и Крогиуса (Г.П. Иванов, Н.В. Касаткин, Э.Л. Беркович) продолжили развитие отечественной психологии в русле научных парадигм своих учителей, представителей двух разных направлений петербургской психологической школы, но уже не в Саратове.

Судьбы саратовских психологов и их исследовательская деятельность складывались во многом под влиянием обстановки, сложившейся в те годы в со-

ветской России. «По своей сути, – пишет С.А. Богданчиков, – период двадцатых годов был возрождением и дальнейшим развитием русской дореволюционной психологии в тесном контакте с зарубежной, мировой психологией... К началу 30-х годов на сцене не осталось ни одного из действующих лиц, заявивших о себе в полный голос десятью годами ранее: были раскритикованы и разгромлены в течение двадцатых годов эмпирическая психология (Г.И. Челпанов), рефлексология (В.М. Бехтерев), реактология («марксистская психология») К.Н. Корнилова. Оформившаяся в те годы педология (П.П. Блонский, А.Б. Залкинд), психотехника (И.Н. Шпильрейн), культурно-историческая теория (Л.С. Выготский) ненадолго пережили своих предшественников – в 1936 г. и их не стало... В 30-е годы... психология вместе с другими науками стала частью государственного идеологического аппарата, “служанкой идеологии”»¹.

К началу 1930-х гг. перемены коснулись и психологии в Саратове: первый период развития саратовской психологической школы, начавшийся в 1917–1918 гг. и состоявший в преемственности и поддержании научных традиций дореволюционной петербургской университетской психологии, подошел к концу.

¹ Богданчиков С.А. Двадцатые годы в судьбе отечественной психологии (к научной биографии профессора И.В. Страхова). С. 5–6.

1.1. Семен Людвигович Франк

Главную задачу своей жизни я вижу по-прежнему в научной работе, ...организмически ощущаю это как основное мое призвание...

С.Л. Франк

На философском и житейском знамени С.Л. Франка написан был... девиз: величие и возвышенность...

«Вот наш патент на благородство».

В.Н. Ильин

1.1.1. Линия жизни

С.Л. Франк (28.01.1877–10.12.1950) родился в Москве в еврейской семье, жившей вначале на Пятницкой улице, потом – в Мясницком околотке. Его отец, Людвиг Семенович Франк (1844–1882), переселился в Москву из Виленской губернии во время Польского восстания 1863 г. Выпускник Московского университета (1872), врач, Людвиг Семенович за отвагу и преданность Российской империи в Русско-турецкой войне (1877–1878) был удостоен ордена Станислава и возведен в дворянское достоинство. Когда отец умер, Семену было всего 5 лет. Мужчиной, заменившим на некоторое время отца и духовно его возрадившим, стал дед – Моисей Миронович Россианский, уроженец Ковно, занимавшийся чаеоторговлей, который в 60-х гг. XIX в. был одним из основателей московской еврейской общины. Уже в зрелые

*Родители Семена
Людвиговича Франка –
Людвиг Семенович
и Розалия Моисеевна*

*Семен Франк с матерью.
1877 г. Москва*

годы Семен Людвигович говорил, что обратился к религиозной философии во исполнение желания умирающего деда в 1891 г., который хотел, чтобы внук занялся изучением Библии и Талмуда¹.

На личностное формирование Семена значительное влияние оказала также мать – Розалия Моисеевна Россиянская (1856–1908), родившаяся в Германии и привнесшая особый колорит в воспитание сына: Семен с детства говорил на двух языках – русском и немецком², прекрасно играл на фортепиано и, обладая чудесным баритоном, любил напевать арии из опер.

¹ См.: Буббайер Ф. С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. 1877–1950: пер. с англ. М., 2001. С. 17.

² См.: Там же. С. 18.

В 1891 г. (в год смерти Моисея Мироновича и через 9 лет после смерти Людвиг Семеновича) Розалия Моисеевна вторично вышла замуж за аптекаря Василия Ивановича Зака, в 1884 г. вернувшегося из шестилетней сибирской ссылки, которую он отбывал за участие в «Народной воле». Отчим фактически заменил Семену мужскую родительскую фигуру деда. Результатом появления в семье Зака стало исчезновение религиозности, посеянной в душу ребенка дедом. Ее сменил интерес к общественным наукам и политэкономии, и началась, по словам самого Франка, его «неверующая революционная юность».

Получив прекрасное домашнее начальное образование, в 1886–1892 гг. Семен Франк учился в Лазаревском институте восточных языков (г. Москва), куда был принят сразу во второй класс. После смерти деда, в 1892 г. Семен присоединился к семье матери, проживавшей в Нижнем Новгороде, где успешно учился в гимназии, которую закончил с золотой медалью¹. После этого он поступил в Московский университет на юридический факультет, где проучился с 1894 по 1899 г. В университете он вошел в марксистский кружок и за участие в студенческих волнениях был арестован и выслан в Нижний Новгород, к семье. В эти годы Франк активно занимался революционной деятельностью, принимал участие в либеральном «Союзе освобождения».

Образование Семен Франк продолжил за границей, слушая лекции по политэкономии и философии в Германии. В 1901 г. он экстерном сдал выпускные экзамены в Казанском университете и получил ди-

¹ См.: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 23.

плом первой степени. Примечательно, что по всем предметам стояла оценка «весьма удовлетворительно» и только по полицейскому праву – «удовлетворительно».

Студенческие годы остались позади, марксистский период тоже подходил к концу². В это время Франк окончательно избрал своим призванием научную (занятия философским творчеством) и преподавательскую деятельность. Инициальным же событием, названным Франком «первым толчком» к избранию им философской карьеры, было присутствие Семена Людвиговича 12 октября 1896 г. на публичном заседании Московского психологического общества в честь 300-летия со дня рождения Декарта. Это было первое судьбоносное событие, прошедшее под знаком Декарта в жизни Франка (но не последнее). С докладами на том заседании выступили профессора Московского императорского университета Н.Я. Грот (председатель Общества) – «О жизни и личности Декарта», Л.М. Лопатин – «Декарт как основатель новой философии и научного миросозерцания», Н.А. Умов – «Значение Декарта в истории физических наук»³. В своих воспоминаниях Франк написал: *«С 1896 г. я иду вот уже 40 лет, хотя и с уклонениями и шатаниями, по пути, мне предуказанному самим Богом – по пути мысли»*⁴.

«“В доме Отца Моего обителей много”, – говорит Христос ученикам своим. И не только в Царстве Божием, а и здесь на земле обителей бесчисленное

² См.: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 38.

³ См.: Там же. С. 39.

⁴ Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли // Вестник РСХД – Русский путь. Париж; Нью-Йорк; М., 1986. № 1. С. 112.

*множество, и каждый из нас живет в той из них, которую он сам избрал себе. Если она неприглядна, не на кого пенять, кроме как на самого себя: тут же рядом стоящий человек видит совсем другое царство бытия, блестящее красками, полное жизни, богатой и разнообразной»*¹, – так начинается свои воспоминания Н.О. Лосский, коллега Франка по Петербургскому университету, создавший, как и Семен Людвигович, свою теорию философской психологии.

Если до 1896 г. личностное и профессиональное развитие Франка существенно зависело от внешних факторов – житейских обстоятельств и ближайшего окружения, – то, как видим, в 19 лет властно заявило о себе как о руководящем начале его внутреннее Я, индивидуальность в личности, его духовная предназначенность, определившая его «земную обитель».

Осенью 1902 г. происходит первое знакомство Франка с Петербургом: он получил от декана экономического факультета только что основанного Политехнического института А.С. Посникова, экономиста-народника, на которого большое впечатление произвели работы Франка по теории стоимости Маркса, предложение о подготовке к профессуре². *«Дело расстроилось из-за моего вероисповедания»*³, – признавался позже Франк.

Начинался петербургский период его жизни, благодаря которому Франк стал выдающимся филосо-

¹ Лосский Н.О. Воспоминания: Жизнь и философский путь / предисл. и примеч. Б.Н. Лосского; вступ. ст. О.Т. Ермишина. М., 2008. URL: <http://predanie.ru/losskiy-nikolay-onufrievich/book/92901-vospominaniya/> (дата обращения: 16.03.2017).

² См.: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 47.

³ Цит. по: Аляев Г.Е. Петербургский период жизни и творчества Семена Франка // Соловьевские исследования. 2015. Вып. 2. С. 67.

фом и психологом. Зиму 1902–1903 гг. он провел в Петербурге и Царском Селе⁴. Следующую *«зиму 1904–05 гг., – вспоминал Франк, – провел в Петербурге. Зарабатывал я на жизнь преимущественно переводами немецких философских книг на русский язык («Прелюдии» Виндельбанда, «История новой философии» Куно Фишера, т. II – Спиноза, «Введение в философию» Кюльке и др.)»*⁵.

В петербургский период своей жизни Франк активно занимался публицистической деятельностью: работал в качестве редактора в политических еженедельниках «Полярная звезда» и «Свобода и культура» (1906), журналах «Новый путь» (1904–1905), «Русская мысль» (1906–1917), публиковал статьи в газетах «Речь» и «Слово». Самым духовно близким Франку человеком (третьей мужской ключевой фигурой в его биографии после деда и отчима), духовно питавшим и направлявшим Семена Людвиговича в этот период, стал Петр Бернгардович Струве (1870–1944).

Писал Семен Людвигович в этот период, как, впрочем, и всегда, много, однако большинством статей впоследствии не дорожил. Он признавался в 1935 г.: *«В политической мысли я никогда не был оригинальным и творческим. Единственная статья, которая заслужила бы внимания и теперь, это написанная мною вместе со Струве... “Очерки по философии культуры”»*⁶.

В 1906 г. в Петербурге Франком была начата преподавательская работа на Высших женских историко-

⁴ Цит. по: Аляев Г.Е. Указ. соч.

⁵ Франк С.Л. Указ. соч. С. 114.

⁶ Там же.

филологических и юридических курсах при гимназии М.Н. Стоюниной (тещи Н.О. Лосского) – он преподавал дисциплину «Социальная психология» (*«науку, которую я сам придумал»*, – признавался позже Франк¹). Здесь 13 октября 1907 г. среди слушательниц он встретил саратовчанку Т.С. Барцеву (1886–1984), ставшую вскоре его женой². Так впервые Саратов появился в жизни Семена Людвиговича и стал для него не просто географическим наименованием некоего города на Волге, а местом рождения любимого человека.

О своем первом впечатлении о Франке Татьяна Сергеевна Барцева рассказывала так: *«Я сразу, точно меня кто-то толкнул, поразила лицом Франка. Он был молод, высокий, стройный, с темными густыми волосами, и что особенно поразило – это его глаза, огромные, близорукие, немного выпуклые: он носил очки. Глаза его смотрели как-то удивительно проникновенно и светло»*³.

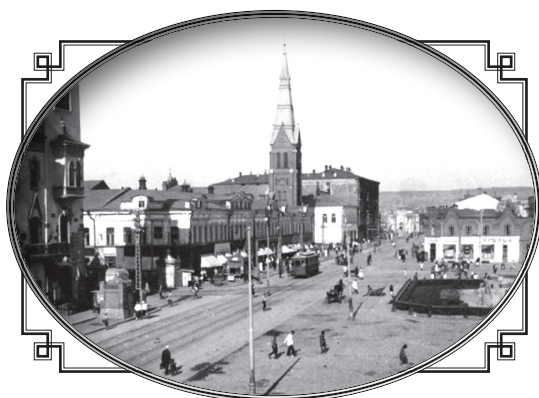
Между молодыми людьми постепенно сложились романтические отношения. Объяснение, по воспоминаниям Т.С. Франк, состоялось 5 декабря 1907 г.: *«Сели на извозчика, и он привез меня в известный, хороший ресторан Палкина, там взял отдельный кабинет, попросил меня выбрать обед, и... вдруг, взяв мою руку, просто, тихо и спокойно мне сказал: “Я ведь люблю тебя”»*⁴. *«Я сняла себе комнатку,*

¹ См.: Франк С.Л. Воспоминания о П.Б. Струве // Франк С.Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 48.

² См.: Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 114.

³ Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк // Франк С.Л. Саратовский текст / сост. А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина ; отв. ред. В.В. Прозоров. Саратов, 2006. С. 195.

⁴ Там же. С. 199.

*В центре – здание лютеранской кирхи на улице Никольской
(ныне – улица Радищева), была снесена в 1971 г.*

*В настоящее время на этом месте находится один
из корпусов Саратовской сельскохозяйственной академии.*

Слева – здание консерватории

– рассказывала далее Татьяна Сергеевна, – *в семье каких-то русских немцев на Пантелеймоновской улице. Семенушка приходил ко мне туда каждый вечер. Продолжалось это до середины марта...*⁵. Молодые люди решили пожениться. Свадьба состоялась 22 июня 1908 г. в Саратове, в доме, где проживали родители Татьяны.

По воспоминаниям Татьяны Сергеевны, поскольку на момент женитьбы Франк официально состоял еще в иудейском вероисповедании, ей пришлось временно принять лютеранство, поэтому венчались молодые в лютеранской кирхе г. Саратова. «Сергей Иванович Барцев – отец Татьяны Сергеевны, в прошлом народник, служил управляющим саратовским отделением волжского пароходного общества

⁵ Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 201.

“Восточное”. К моменту учебы в Петербурге Татьяна Сергеевна уже успела начать и бросить образование в Париже (университет Сорбонны) по медицинскому факультету. Гостеприимный патриархальный дом Барцевых – двухэтажный с мезонином – находился на улице Никольской (Радищева) против здания государственного банка»¹.

Татьяна Сергеевна вспоминала: *«В свое время отец перешел в такое большое пароходное общество, где был директором, и мы провели наше детство в самых благоприятных условиях – в большом казенном доме, с лошадьми, с прислугой и так далее. Кончила я там гимназию»*².

У Сергея Барцева было четверо детей: Сергей, Татьяна, Николай и Мария. Татьяна Барцева закончила Саратовскую 1-ю женскую гимназию в 1904 г. Родительский дом Татьяны Сергеевны стал первым домом, в который молодые Франки вошли как муж и жена, отпраздновали свадьбу и жили в нем первые дни после венчания.

В советские годы дом Барцевых превратился в коммунальный, а в 2006 г. в нем была открыта и существует поныне кофейня «Арабелла». В 1993 г. Саратов посетил Василий, сын Семена Людвиговича и Татьяны Сергеевны, в 2001 г. – их внук Питер Скорер, а в 2010 г. – другой внук, Николай Франк. Приехав в Саратов из Берлина, Николай не без горечи обнару-

¹ Гапоненков А.А. С.Л. Франк в Саратовском университете // Известия Саратовского университета. 2006. Т. 6. Сер.: Филология. Журналистика. Вып. 1/2. С. 4.

² Действительно свободные. Татьяна Сергеевна Франк о первых годах революции // Русская жизнь. 2007. № 15. URL: www.rulife.ru (дата обращения: 30.07.2016).

жил, что в доме предков расположилось кафе. Оказалось, что название саратовской кофейни случайно (!) совпало с названием парка «Арабелла», расположенного в Мюнхене неподалеку от офиса радио «Свобода», где его отец Василий и дядя Виктор когда-то работали. Николай Франк записал: *«Ранней и яркой осенью 2010 г. я впервые поехал в Саратов, в поиске каких-либо следов моей бабушки. Весь бурный двадцатый век отделял тот день от города ее детства. Когда я узнал, что в бабушкином доме открыли кафе, я, честно говоря, слегка расстроился. Но сомнения испарились в первые же секунды после того, как я зашел внутрь... и оказался дома. Приезжего потомка бывших обитателей встретили как своего... Благо-*

В этом доме в 1908 г. жили родители Т.С. Барцевой. С.Л. Франк некоторое время после свадьбы жил в нем с молодой женой, гостил здесь и позже. Саратов, дом на ул. Радищева, 18. Современный вид

дарю “Арабеллу” за дружбу и гостеприимство, за то, что она открыла мне не только былой, но и настоящий Саратов и помогла избавиться от ностальгии мечтателя-эмигранта. Дом, в котором завершилась жизнь моего прадеда и где девочкой баловалась бабушка, не разрушен временем. Наоборот, он дышит историей»¹. В мае 2017 г. Николай Васильевич Франк вновь посетил Саратов, дом предков в связи с участием в работе международной научной конференцией, посвященной 140-летию С.Л. Франка.

В 1908 г. (по другим данным – в 1907 г.) саратовским художником А.И. Савиновым (дядей советского писателя Б. Пильняка, который провел детство в доме Савиновых на Троицком взвозе в Саратове, где была мастерская художника) был написан портрет Татьяны Сергеевны, который в настоящее время экспонируется в саратовском Радищевском музее под названием «Арфистка».

После венчания в 1908 г. Семен и Татьяна Франк из Саратова отправились в свадебное путешествие по Волге на пароходе, а затем уехали на австрийский курорт Грэфенбург², после чего вернулись в Петербург на постоянное жительство. Немного позже, в 1908 г. скончалась горячо любимая Семеном Людвиговичем мать, и центральной женской фигурой для него до конца жизни стала жена.

Семен Людвигович и Татьяна Сергеевна были очень не похожи друг на друга по психологическому складу. Он к моменту женитьбы уже был серьезным,

¹ Цит. по: Петрова Е. Истории из истории дома. URL: <http://om-saratov.ru/publikacii/10-october-2014-i15713-istorii-iz-istorii-doma> (дата обращения: 16.09.2016).

² См.: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 71.

Арфистка.
Портрет Т.С. Барцевой.
Художник А.И. Савинов

зрелым, исключительно замкнутым человеком. В 1903 г. он писал о себе: *«Я и от природы, и от болезненности, и по обстоятельствам жизни совершенно лишен непосредственной жизнерадостности и склонен к ипохондрии и пессимистическому образу мыслей...»*³.

Татьяна Сергеевна была младше Франка почти на 10 лет. В период их встречи это была молоденькая, веселая,

энергичная, пылкая, импульсивная, нетерпеливая и сердечная девушка, мечтавшая о нарядах и не проявлявшая особого интереса к интеллектуальной сфере деятельности⁴. Однако разница между молодыми людьми не помешала им создать счастливую семейную пару. *«Дорогой и единственный друг моей жизни»* – так назвал Франк жену в 1933 г., в день 25-летия их свадьбы, а брак с ней – *«наш союз на всю жизнь»*⁵.

Первые годы его семейной жизни с Татьяной Сергеевной проходили в Петербурге. Здесь у Франков родились трое детей: Виктор (1909–1972, Лондон),

³ См.: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 49.

⁴ См.: Там же. С. 70, 71.

⁵ URL: http://rusliberal.ru/books/Frank-vkleika_demo.pdf (дата обращения: 04.11.2016).

Дом Савиновых на Троицком взвозе, где была мастерская художника А.И. Савинова. Снесен при возведении набережной. 1929–1959 гг. Саратов

Алексей (1910–1969, Мюнхен) и Наталья (1912–1999, Лондон). Со слов дочери Натальи известно, что в этот период *«жизнь их была умеренно благополучна. Татьяна стряпней не занималась, любила развлечения... С мальчиками занимались гувернантки-немки; очевидно, немки обходились дешевле всего... Гувернантки были приходящими, в доме они не жили. Франки держали также няню-эстонку и горничную. Все это было обычно для таких семей в то время и свидетельствовало, что Франки, хоть и были не очень состоятельны, принадлежали к среде с высокими запросами»*¹.

В те годы Франк преподавал социальную философию, историю философии, психологию во многих Петербургских высших учебных заведениях – Бестужевских курсах, Психоневрологическом институте,

¹ Цит. по: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 72.

курсах Раева. Работа же в государственных вузах стала возможной только после смены им вероисповедания на православное: в 1912 г. Франк был принят приват-доцентом Санкт-Петербургского университета по кафедре философии, а в 1914 г. – приват-доцентом Политехнического института².

Крестил Семена Людвиговича священник Константин Аггеев (он же крестил детей Франка), коллега по совместному преподаванию в разных учебных заведениях, 3 мая 1912 г., и уже три недели спустя, как сообщает Ф. Буббайер, Франк подает заявление о принятии на должность приват-доцента Санкт-Петербургского университета, начиная свою автобиографию словами: «Семен Людвигович Франк, православного вероисповедания...»³. С 1 июля 1912 г. Франк был зачислен на эту должность⁴.

*Семен Людвигович
и Татьяна Сергеевна Франк.
Грефенбург, Австрия.
Лето 1908 г.*

² См.: Аляев Г.Е. Указ. соч. С. 70.

³ Буббайер Ф. Указ. соч. С. 94.

⁴ См.: Список лиц, состоящих на службе в С.-Петербургском Учебном округе к 1 апреля 1913 года. СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1913. URL: http://history.museums.spbu.ru/files/deloproisvodstvennaya_dokumentaciya/Peterburgskii_uch_okrug/1913.pdf (дата обращения: 04.11.2016).

Без понимания индивидуального смысла перемены вероисповедания трудно постичь склад личности Франка. *«Возможно, перспектива получения этого места [приват-доцента] отчасти подвигла Франка на принятие православия, и он его действительно получил»*, – предположил биограф Франка Буббайер¹. И хотя смена веры евреями (возможно, только внешне) в прагматических целях в те годы, по свидетельству Буббайера, не была исключительным явлением, все же данный факт использования религии в житейских вопросах не вполне согласуется с образом христианского религиозного мыслителя, каким известен Франк. Нина Струве, жена П.Б. Струве, говорила Семену Людвиговичу, что, изменив веру, он изменил своему народу². Это было тяжелое обвинение, которое не могло не повлиять на душевное и духовное состояние Франка.

Думается, что совсем отрицать элемент прагматичности в этом поступке все же нельзя. Франк, как утверждает Ф. Буббайер, добывал средства на жизнь сам. *«В 1909 г. он писал из Саратова своему другу М.О. Гершензону, настойчиво требуя гонорар за статью в сборнике “Вехи”: “Мои финансовые дела так сложились, что я не могу выехать отсюда, не получив этой суммы [250 рублей]”»*³. Выдержка из письма свидетельствует о финансовых трудностях Франков в 1909 г., когда в семье был один ребенок, и тем более в 1912 г., накануне рождения третьего ребенка, нужда в деньгах, по-видимому, возросла.

¹ Буббайер Ф. Указ. соч.

² Там же. С. 94.

³ Там же. С. 72.

До совершения столь серьезного духовного выбора в 1912 г. судьба дважды посылала Франку возможность сменить вероисповедание: в 1902 г. в связи с предложением поступить в должность в политехническом институте и в 1908 г. при вступлении в брак с православной христианкой. Тогда в обоих случаях он не сменил веры ни ради карьеры, ни ради будущей жены (религиозную жертву, перейдя из православия в лютеранство, принесла ради замужества невеста Франка). Жизненная же ситуация Франка в 1912 г. изменилась. Можно предположить, что пока была жива мать-еврейка, он не смел нанести ей такого удара, но после ее смерти решился поменять веру ради своей семьи, детей. Было ли это сделкой с совестью? Возможно и нет. Быть может, и религиозность, привитая в детстве дедом, была не слишком глубокой: ведь была же у Франка атеистическая марксистская юность, и женился же он не на еврейке, хотя это и *«смуцало мать Семенушки»*⁴. И все же рассуждения только в рамках житейских соображений и мотивов не могут объяснить всего значения поступка перемены вероисповедания Франком, поскольку в работе *«Смысл жизни»* (1926) он показал, что окончательный, удовлетворяющий человека смысл поступка лежит не в бытийной, а в духовной плоскости⁵. Этот вывод не был научной абстракцией, а сделан был им на основании наблюдения за самим собой.

Анализ биографии Семена Людвиговича приводит к ясному пониманию цельности его натуры (единство

⁴ Буббайер Ф. Указ. соч. С. 71.

⁵ См.: Франк С.Л. Смысл жизни. М., 2004.

внутреннего и внешнего, слова и дела, мысли и чувства, мысли и слова, мысли и дела) и подтверждает мнение, высказанное Буббайером: *«Его философский путь являлся личным поиском смысла жизни, а не отстраненным ее анализом. Философия, на глубинном уровне, была его верой»*¹.

Духовник Франка в последние годы его жизни о. Антоний (Сурожский) подтверждает особенность Семена Людвиговича, состоявшую в целостности структуры его личности: *«Я помню, философ Франк мне как-то сказал, что ум – это слуга, он должен прислушиваться к тому, что говорит сердце, и исполнять. И мне кажется, что это очень важно. Семен Людвигович был философ умный, тонкий, образованный, он не стал бы делать какие-то мозговые выкладки, не соответствующие внутреннему опыту»*².

О том, что мотивы Франка при переходе его в православие действительно были глубоко внутренне-личностными и лежали, прежде всего, в духовной плоскости, свидетельствуют воспоминания его жены Татьяны Франк: *«В 12-м году перед Наташиным рождением он мне сказал, что он внутренне созрел для принятия христианства и что хочет креститься. Это было так сокровенно в нем, что он хотел быть в одиночестве...»*³. *«Думаю, однако, – признавался Франк, – что в общем смысле я – и обратившись к христианству, и потеряв связь с иудаизмом – все же как-то остался верен завету*

¹ Буббайер Ф. Указ. соч. С. 50.

² Антоний (Блум), митрополит Сурожский. Быть православным в Англии // Встреча. Киев, 2004. С. 86–87.

³ Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 213.

дедушки, потому что остался верен религиозным основам, которые он во мне заложил; или вернее, я вернулся к ним в зрелые годы. Мое христианство я всегда сознавал как наслоение на ветхозаветной основе, как естественное развитие религиозной жизни своего детства»⁴.

Из формулярного списка о службе С.Л. Франка известно, что Распоряжением Попечителя Петроградского учебного округа от 31 мая 1912 г. № 15178 он был допущен к чтению лекций по кафедре философии с осеннего полугодия 1912 г. по курсу «Основные направления этики» с зачислением с того же срока в число приват-доцентов историко-филологического факультета Петроградского университета⁵.

«В 1911–1912 годах, – вспоминал Франк, – я был всецело поглощен сдачей магистерского экзамена, в следующем году был занят предварительной подготовкой моего большого научного труда и, кроме того, в течение этих двух лет был переобременен большим количеством лекций»⁶.

Постоянных курсов на 1912/1913 учебный год по кафедре философии Санкт-Петербургского университета, первый год работы там Франка приват-доцентом, для него объявлено не было. По-видимому, это было связано с тем, что благодаря должности приват-доцента университета Франк получил научную стажировку в Германии, как это было принято

⁴ Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 109–110.

⁵ См.: Формулярный список о службе и.д. ординарного профессора по кафедре философии Саратовского университета, магистра философии Семена Людвиговича Франка // Архивные находки. URL: <http://istfak-90.narod.ru/docs.htm> (дата обращения: 30.07.2016).

⁶ Франк С.Л. Воспоминания о П.Б. Струве // Франк С.Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 467.

*Дом на Clemen str. 53,
в котором С.Л. Франк писал
«Предмет знания» во время
заграничной командировки.*

*На балконе слева –
Семен и Татьяна Франк.
Зима 1913–1914 гг. Мюнхен*

тогда в отношении молодых российских ученых – для продолжения в Европе их образования и написания магистерской диссертации. В формулярном списке Франка есть запись:

«Распоряжением Министра Народного Просвещения от 28-го января 1913 г. за № 4232 командирован с ученой целью за границу, на один год и четыре месяца, с 15-го апреля 1913 г. по 15 августа 1914 г., с содержанием 2000 рублей в год из сумм Министрства с 1913 Апреля 15 по 1914 Августа 15»¹.

Заграничная командировка дала Франку возможность подготовить там диссертацию «Предмет знания», изданную в 1915 г. в «Записках Историко-филологического факультета Императорского Петроградского университета» и явившуюся первой большой философской работой Франка. Кроме того, в ней им были впервые воплощены методологические принципы всеединства и системности.

¹ Формулярный список о службе и.д. ординарного профессора по кафедре философии Саратовского университета, магистра философии Семена Людвиговича Франка // Архивные находки. URL: <http://istfak-90.narod.ru/docs.htm> (дата обращения: 30.07.2016).

В 1914/1915 учебном году преподавательская нагрузка Франка на кафедре философии университета определилась. Он читал курс «Введение в философию (гносеология и онтология)» 2 часа в неделю и 2 часа в неделю проводил семинар по «Этике» Спинозы. В 1915/1916 учебном году Франк читал всего 2 часа в неделю курс «Социальная философия», а в 1916/1917 учебном году, последнем для его работы в Петроградском университете, Франк вновь преподавал курс «Введение в философию» 2 часа в неделю². 15 мая 1916 г. на историко-филологическом факультете Петроградского университета состоялась успешная защита магистерской диссертации С.Л. Франка «Предмет знания».

Февральскую революцию 1917 г. Франк встретил восторженно. Однако после нее в Петрограде постепенно начали воцаряться хаос и голод. В городе стал хозяйничать тот русский народ, о котором И.А. Бунин в «Окаянных днях» сказал: *«Из нас, как из дерева, – и дубина, и икона, – в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев»*.

В статье «Размышления о русской революции», написанной уже в эмиграции под впечатлением пережитого личного опыта, Франк назвал революцию крестьянской. *«Это была необузданная, страшная, распущенная, вшивая, серая масса, которая как-то олицетворялась с моментом, – вторила ему Т.С. Франк. – Россия принимала такой облик. Это было что-то страшное. Мы уже себя чувствовали изгнанниками, еще не будучи изгнанниками. Наше*

² См.: Аляев Г.Е. Указ соч. С. 77.

уже ушло. То, к чему стремилось интеллигентное общество – земцы, ученые, профессора – к какой-то новой, обновленной России, это лопнуло, этого больше не было. Чувствовали, что хозяевами положения стали уже крестьяне, даже не крестьяне, а крестьяне в солдатской форме. Это было самое страшное. Отчего, собственно, и удалась эта революция. Потому что крестьянство было вооружено»¹.

В Петербурге становилось и голодно, и холодно, и опасно, и Франки перебрались в Саратов. Вполне благополучный Петербургский период жизни Франков закончился, начался Саратовский, продолжившийся всего 4 года – с 1917 по 1921 г. Здесь у Франков родился сын Василий (1920–1986, Мюнхен). За этот небольшой, четырехлетний период хлебосольный, изобильный и сытый Саратов, так же как и Петроград, постепенно превратился в голодный и грозящий гибелью город, и Франк решил покинуть волжский край и уехать с семьей в Москву.

Татьяна Сергеевна вспоминала: *«У нас никого в Москве не было, и Семен Людвигович начал хлопотать о какой-нибудь работе... Был какой-то собес, в переводе на русский язык это социальное обеспечение. То есть Семену Людвиговичу предлагалась роль советчика в планах обеспечения рабочих, учителей и так далее. В чем его роль должна была выражаться, он не знал. Но ему дали, что было самое главное, две комнаты в огромном доме, таком старом барском особняке, который был целиком наполнен, как*

¹ Действительно свободные. Татьяна Сергеевна Франк о первых годах революции.

я потом узнала, коммунистами [большая коммуналка в Медвежьем переулке²].

Мы, уже списавшись, решили ехать туда же. Началась обычная по тем временам жизнь – с вечными заботами о еде, о топливе, о детских школах. Все это было мучительно, трудно, почти что невозможно. Детей устроили в хорошую школу Хвостова, которая еще в то время сохранилась, несмотря на 21-й год. Кажется, директор этой школы повесился из-за большевиков»³.

С продуктами в то время в Москве было скудно, но Франков выручали посылки сестры Семена Людвиговича Софьи Желтовской, сумевшей уехать с мужем за границу сразу после революции.

В 1935 г. Франк вспоминал: *«Осенью 1921 г., в расцвет НЭПа, вернулся в Москву, где устроился членом “Философского института” при московском университете (философия тогда была выделена из общей университетской программы в особый “институт”, нечто вроде академии, но при университете). Читал в университете лекции студентам последнего курса закрывавшегося философского отделения. Одновременно, вместе с Бердяевым, основал и вел в качестве декана вольный факультет гуманитарных наук под именем “Академия духовной культуры” – серию публичных курсов, имевших тогда большой успех...»⁴.*

Для работы в Вольной академии Н.А. Бердяеву в тот период удалось собрать лучшие умы России:

² См.: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 134.

³ Франк Т.С. Действительно свободные. URL: http://krotov.info/lib_sec/21_f/fra/nk_ts.htm (дата обращения: 01.11.2016).

⁴ Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 117.

А. Белый, Вяч. Иванов, Ф.А. Степун, Б.П. Вышеславцев и др. Франк был избран ординарным профессором Московского университета по кафедре философии, читал курс «Введение в философию»¹, приобрел себе прекрасную аудиторию, среди которой был будущий знаменитый философ А.Ф. Лосев.

Уже будучи в эмиграции, Франк говорил: *«Главную задачу своей жизни я вижу по-прежнему в научной работе... органически ощущаю это как основное мое призвание... Наряду с этим меня очень увлекает педагогическая деятельность. В Москве в последнем году... деятельность в университете и академии духовной культуры доставляла мне глубочайшее удовлетворение; я сознавал, что вдохновляю своих слушателей и создал целую группу учеников»*².

На лекции в Вольной академии *«вход был доступен всем – солдатам, матросам, крестьянам, интеллигентам, – вспоминала Т.С. Франк. – Все это проходило страшно мирно и даже под восторженные одобрительные возгласы слушающих. Настроение у Семена Людвиговича было бодрое, и мы считали, что должны уже устраиваться как-то на следующую зиму»*³. Однако судьба распорядилась иначе. «Осенью 1922 г., – вспоминал Франк, – я был арестован и вместе с большой группой ученых и писателей из Москвы, Петербурга и других университетских городов выслан за границу, и поселился в Берлине. Отселе начинается последний (насколько можно

¹ См.: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 135.

² Цит. по: Там же. С. 150.

³ Франк Т.С. Действительно свободные.

предвидеть) – именно эмигрантский период моей жизни»⁴.

Выдворение интеллигенции в 1922 г. происходило в основном двумя группами на «философских» пароходах: первая состояла главным образом из москвичей, а вторая – из петроградцев. Франк был в первой группе. Среди высланных вместе с Франком были Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, А.С. Изгоев, Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, Ф.А. Степун и др. Они прибыли в Германию в конце сентября.

В 1910 г. Франк откликнулся на книгу В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», составившую теоретическую основу материалистической методологии большевизма: «...более отвратительного сочетания отвлеченных понятий с бранными эпитетами трудно себе представить», «любому разумному человеку» понятно, что «эта манера отношения к философским проблемам свидетельствует о внутренней несостоятельности автора»⁵. Поэтому нет ничего удивительного в том, как определил судьбу Франка в 1922 г. В.И. Ленин, вождь мирового пролетариата и главный философ марксистско-ленинской науки.

Студенты Московского университета, учившиеся у Франка, написали ему: *«Грустно и тяжело нам думать, что прекратились наши занятия под Вашим руководством. Всего только год работали мы с Вами, а между тем за это короткое время Вы сумели захватить нас Вашими лекциями, в которых*

⁴ Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 117.

⁵ Цит. по.: Кантор В. Семен Людвигович Франк: «Существо человека века лежит в его свободе...» // Российский либерализм: идеи и люди / общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 853–862.

*Профессор С.Л. Франк
с детьми на пароходе,
плывущем в Германию. 1922 г.
Рис. И.А. Матусевича*

за пределами проблемы
отвлеченного знания
виделся нам живой лик
Божественного Все-
единства, к жизненно-
му слиянию с которым
Вы так вдохновенно зо-
вете в Ваших трудах.
Нам хочется сказать
Вам, что Ваше философ-
ствование, соединяющее
в себе строгость науки
с вдохновенным искани-
ем жизненной правды,
Ваш идеал конкретного
знания будет всегда све-
тить нам в наших даль-
нейших стремлениях
проникнуть в царство

истины. Будем верить, что придет время, когда сно-
ва сможем мы работать с Вами, дорогой Семен Люд-
вигович»¹.

В Германии Франки нашли 4-комнатную квартиру на Карл-Шраду-штрассе в Шенебурге. Вести хозяй-
ство помогали немка-горничная и русская няня для
младшего сына Василия². Семен Людвигович уча-
ствовал в работе Русского научного института в Бер-
лине, основанного группой эмигрантов из России.
В последний год существования института (1932) был
его директором. Работал также в Религиозно-фило-

¹ Буббайер Ф. Указ. соч. С. 137.

² См.: Там же. С. 139–140.

софской академии, основанной группой эмигрантов во главе с Бердяевым. С 1931 г. читал лекции на немецком языке в Берлинском университете при кафедре славянской филологии, руководимой М.Г. Фасмером, хорошо знавшим Франка по Петроградскому и Саратовскому университетам. Приглашался также читать лекции в Чехии, Италии, Голландии, Швейцарии, Сербии, Болгарии, Литве, Латвии, Эстонии³.

В 1937 г. из опасения нацистских преследований Франк переселился во Францию, откуда в 1945 г. переехал в Лондон. В эти годы он подготовил и опубликовал книги «Непостижимое», «С нами Бог. Три размышления», «Свет во тьме», «Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия», в которых получили окончательное оформление его религиозно-философская и психологическая системы.

Последние месяцы жизни Семен Людвигович тяжело болел. Близким он говорил: *«Живу Живым источником. Все, выраженное, – уже не то»*⁴.

С.Л. Франк умер 10 декабря 1950 г. и похоронен близ Лондона. На его надгробии помещено любимое им изречение из Книги Премудрости Соломона: *«Премудрость возлюбих и поисках от юности моей. Познав же, яко не инако одержу, аще не Господь даст, приидох ко Господу»*⁵.

Прожив долгую жизнь, полную страданий и скитаний, называя ее «бродячей», Семен Людвигович пришел в итоге к важному духовному и психологи-

³ См.: Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 117.

⁴ Цит. по: Арсеньев Н.С. Памяти Франка // Вестник РСХД. 1955. № 1. С. 35.

⁵ См.: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 255.

ческому выводу: *«Человек тем более становится собой, чем более служит Богу»*¹.

В статье В.Н. Ильина, посвященной памяти Франка и опубликованной в религиозном, философском и литературном журнале русской эмиграции, отмечалось, что законченные философские системы после себя оставили только три русских мыслителя – Н.О. Лосский, С.Л. Франк и о. С.Н. Булгаков. В жизни Франк был учителем *«в деле основного условия подлинного философского творчества. Условие это – пребывание в древних традициях и прилежное изучение классиков. <...> Есть что-то величавое, библейски грандиозное во всем моральном облике С. Франка, – писал В.Н. Ильин. – На философском и житейском знамени С.Л. Франка написан был... девиз: величие и возвышенность... “Вот наш патент на благородство”, – сказал Фет о Тютчеве – одном из величайших поэтов-мыслителей в мире. Можно сказать и С.Л. Франк является таким нашим “патентом на благородство”»*².

1.1.2. Становление ученого в области философской психологии

Как в биографии человека, так и в появлении и истории развития любого события нет ничего случайного, и одно явление становится причиной другого, предопределяющего в свою очередь появление следующего, и т.д. Волей providения на пост пер-

¹ Буббайер Ф. Указ. соч. С. 210, 217.

² Ильин В.Н. Памяти Франка // Вестник РСХД. 1951. № 1. С. 18–23.

вого декана историко-филологического факультета в Саратове в 1917 г. был назначен именно философ Франк, который специализировался в области философской психологии. Если бы был назначен другой ученый-философ, не сведущий в психологических знаниях, то рождение науки психологии в нашем регионе могло задержаться на неопределенное время. В лице Франка психология в Саратове началась именно с такой своей отрасли, как идеалистическая философская психология.

Как философ и психолог Франк сформировался, работая на кафедре философии Петербургского университета, где состоялась защита его магистерской диссертации, положившей начало его психолого-философской концепции.

Защита диссертации Франка на тему «Предмет знания» проходила 15 мая 1916 г. в Петрограде, в здании университета при большом стечении публики и затянулась на несколько часов. Председательствовал декан историко-филологического факультета университета Ф.А. Браун, официальными оппонентами выступили коллеги Франка по кафедре философии – профессора А.И. Введенский и И.И. Лапшин, а также приват-доцент Н.О. Лосский; неофициальным оппонентом выступил близкий друг Франка П.Б. Струве.

Татьяна Франк вспоминала: *«Помню хорошо этот торжественный день, помню мою радость и гордость за него. Он, высокий, во фраке, как всегда сосредоточенный и спокойный, защищал свою книгу, помню его оппонентов – Лосского, Введенского, Лапшина и как бы “вольного” П.Б.Струве. Все, кроме*

Введенского, требовали сразу присуждения степени доктора, но Введенский сказал, что пусть напишет еще одну книгу. Вечером мы были одни и оба радовались, что этот большой день так хорошо прошел»¹.

В 1935 г., пройдя нелегкий жизненный путь и приближаясь к концу своего шестого десятилетия, Франк назвал «Предмет знания» главной работой своей жизни². Не мог не понимать оригинальности содержания представленной Франком на защиту диссертации и ее теоретического, явно не магистерского уровня и профессор А.И. Введенский, философ широкой эрудиции, обладающий большим профессиональным опытом, но *«человек весьма сурового нрава, который конфликтовал чуть ли не со всеми своими младшими коллегами»³*, как правило, внешне — на мировоззренческой почве. Возможно, признаться даже самому себе А.И. Введенскому было трудно, что рядом с ним вырос ученый явно не магистерского масштаба, потому что у самого Александра Ивановича докторской степени не было.

Однако Франк не был единственным учеником А.И. Введенского, столкнувшимся с характерологическими особенностями патрона. Так, например, известно, что Александр Иванович препятствовал карьерному росту своего ученика и сотрудника подведомственной ему кафедры философии, окончившего кроме философского еще и естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петер-

¹ Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк.

² См.: Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 121.

³ Маслов К.С. В свете незримого: жизнь и судьба А.А. Крогиуса. Таллин, 2014. С. 171.

бургского университета, Н.О. Лосского, приват-доцента кафедры философии с 1903 г., который был даже вынужден защищать свою докторскую диссертацию, в которой проявилась его естественно-научная подготовка в понимании волевой и интуитивной сторон психической жизни, не в Петербурге, а в Москве, несмотря на то, что Николай Онуфриевич активно сотрудничал с Введенским и даже был его ассистентом при создании в 1903 г. в Петербургском университете психологической лаборатории⁴.

Напрочь испортились отношения между Введенским и другим его учеником и младшим коллегой А.П. Нечаевым, который, как это было заведено в вузах царской России, был отправлен в заграничную командировку для подготовки магистерской диссертации на тему о Гербарте, но там, ознакомившись с работой психологических лабораторий В. Вундта в Лейпциге, Г.Э. Мюллера в Геттингене, Э. Крепелина в Гейдельберге, Э. Меймана в Цюрихе, А. Бине в Париже, разочаровался в интроспективной философской психологии, в рамках которой прежде работал под руководством идеалиста Введенского, и решил стать психологом-экспериментатором⁵.

По-видимому, был у Введенского и методологический повод быть недовольным Франком. Если Лосский и Нечаев стали в некотором смысле «отступниками» от интроспективной философской психологии, отдав предпочтение экспериментальному или естественно-научному направлению, то Франк

⁴ См.: *Лосский Н.О.* Воспоминания: жизнь и философский путь. СПб., 1994.

⁵ См.: *Маслов К.С.* Указ. соч. С. 169–171.

сохранил свою приверженность философской интроспекции. Различия, на наш взгляд, в мировоззрении Введенского и Франка касаются не философской методологии, а в большей мере теории: в научной системе Франка можно обнаружить так называемый метафизический компонент, который, по мнению Введенского, не может быть включен в научную систему, а должен быть лишь элементом веры.

Однако, как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло: Семен Людвигович последовал совету Введенского, высказанному на защите его диссертации, и за один год написал и издал в 1917 г. еще одну большую монографию «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию», подготовленную для получения степени доктора¹. Однако желания пройти защиту опять в ученом Совете, членом которого состоял Введенский, у Франка, по-видимому, не было. Предполагалось, что защита его докторской диссертации состоится не в Петроградском, а в Казанском университете (так же как поступил когда-то Лосский, чтобы избежать, быть может, столкновения с Введенским). Однако стать доктором Семену Людвиговичу было не суждено в связи с отменой 1 октября 1918 г. Декретом СНК РСФСР ученых степеней и званий.

Таким образом, можно констатировать, что к 1917 г. в двух книгах – «Предмет знания» и «Душа человека» – получает свое первое оформление философская система С.Л. Франка, одним из элементов которой стала философская психология. Именно

¹ См.: Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М., 1917. С. 8.

с таким научным багажом прибыл Франк в Саратов в 1917 г. по окончании петербургского периода своей жизни.

Философская психология возникла на стыке двух наук – философии и психологии. С одной стороны, она является подсистемой в системе философского знания, а с другой – одной из отраслей психологии. Ее объектом выступает душа человека. Для философа психологическое исследование сопряжено, прежде всего, с изучением специфики и эволюции представлений о душе разных философов – от античности до современности. Для психолога такой подход в изучении психики составляет фрагмент научной психологической отрасли «История психологии», причем как раздел, связанный с рассмотрением вопросов природы и структуры психики на этапе, когда психология еще не была самостоятельной наукой и развивалась в рамках философии.

Изучение души человека российскими философами на рубеже XIX–XX вв. велось главным образом в Петербурге и Москве. Философ Франк сформировался как психолог в рамках петербургской психолого-философской школы. Он не был первым российским ученым, выделившим психологию в общей системе научного философского знания. Одним из родоначальников российской философской психологии был «глава петербургской психологической школы» (по терминологии одного из ведущих методологов советской психологии Е.А. Будиловой²) **Михаил**

² См.: Будилова Е.А. Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 1960.

Иванович Владиславлев (1840–1890) – профессор Санкт-Петербургского университета, философ, психолог, логик, создавший систему философско-психологического образования в Санкт-Петербургском университете, прошедший в нем путь от приват-доцента историко-филологического факультета (1866–1869) до экстраординарного профессора (1869–1871), ординарного профессора (1871–1879), а с 1879 г. – сверхштатного ординарного профессора философии.

Успешно продвигался Владиславлев и по административной лестнице: в 1878 г. он избирался на должность секретаря историко-филологического факультета, в 1885 г. был утвержден деканом этого факультета, а с 1887 по 1890 г. был ректором Санкт-Петербургского университета¹.

Став основоположником русской дореволюционной идеалистической психологии, Владиславлев первым в истории российских университетов в 1866 г. защитил диссертацию по философии на тему «Современные направления в науке о душе», посвятив ее исследованию проблемы проявлений психики. В ней он, рассмотрев различные концепции в современной ему науке о душе, сделал также обстоятельный анализ истории данной проблемы – от Демокрита до философов середины XIX в. и решительно выступил «против творцов новейшего материализма»². В рамках именно такой методологии в 1881 г. в Санкт-Петербурге Владиславлевым были изданы 2 тома тру-

¹ См.: Тихонова Э.В. У истоков создания школы философской психологии в Санкт-Петербургском университете: Михаил Иванович Владиславлев (к 170-летию со дня рождения) // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, вып. 2. С. 100–114.

² Там же. С. 105.

дов по психологии «Психология. Исследование основных явлений душевной жизни», написанные необыкновенно талантливо и не утратившие во многом актуальности для нашего времени.

М.И. Владиславлев первым в России сформулировал понимание психологии как самостоятельной науки, представил «философскую почву» и историю развития идей психологии у разных философов (Платон, Аристотель, Локк, Декарт, Спиноза, Кант, Гегель, Герберт и др.). Он писал, что философия как наука состоит из философии природы и философии души (психологии). Предметом психологии выступают внутренние душевные явления, которые могут осознаваться, духовное бытие, достоверно известные факты, через которые человек получает знание о внешнем бытии, не соизмеримом с душевными явлениями³. В качестве явлений души им рассмотрены познавательные процессы (ощущения, память, рефлексия, воображение), а также чувствования и воля. Именно воле, по его мнению, принадлежит главенство во всей психической области⁴.

Психология как система, по мнению Владиславлева, может быть представлена как наука описательная, объяснительная и истолковательная. Как и другие реальные науки, психология преследует задачи описания и классификации изучаемых явлений (в данном случае душевных), отыскивает законы, управляющие развитием, связью исследуемых явлений, а также раскрывает смысл и значение форм

³ См.: *Владиславлев М.И.* Психология. Исследование основных явлений душевной жизни. СПб., 1881. Т. 1. С. 1.

⁴ См.: Там же. С. 4.

*М.И. Владиславлев
(1840–1890).
Русский философ,
основоположник российской
идеалистической
философской психологии*

душевной жизни. Как наука истолковательная, она обозначает смысл и значение психологических явлений, а следовательно, является наукой идеальной, или философской, поскольку именно философия занимается изучением сущего, истолковывает фактический мир с точки зрения смысла и значения. Как философская наука психология выводит сами законы и порядок явлений из целей и смысла ду-

ховной жизни, поэтому ее можно назвать «дедуктивной наукой по преимуществу».

По мнению Владиславлева, психология, предмет которой суть душевные явления, как наука философская применяет законы дедукции и индукции, логические приемы анализа и синтеза. Психологические сведения исследователь получает через наблюдение над другими людьми, животными и собой, а также с помощью опросников, эксперимента, анализа языка и искусства¹.

Будучи пионером в области научной психологии, Владиславлев в предисловии к первому тому «Психологии» (1881) выразил надежду на то, что его работа *«вызовет к научному труду на мало еще разработанное научное поле новых работников»*². Так

¹ См.: Владиславлев М.И. Указ соч. С. 45–52.

² Там же. С. 5.

*А.И. Введенский
(1856–1925, Ленинград).
Русский философ-неокан-
тианец, психолог, ученик
М.И. Владиславлева*

и случилось. Вслед за Владиславлевым диссертацию по философской психологии защитил в 1867 г. М.М. Троицкий на тему «Немецкая психология в текущем столетии». По оценке Б.Г. Ананьева, М.И. Владиславлев в Санкт-Петербургском университете и М.М. Троицкий в Московском Императорском университете были «первыми официальными главами пореформенной университетской философии и психологии»

(если сказать точнее, философской психологии). Последующие университетские психологи, по мнению Б.Г. Ананьева, были в той или иной мере учениками Владиславлева или Троицкого³, российских психологов первого поколения.

Психологи второго поколения в России защитили следующие диссертации по философии⁴:

– 1870 г. Г.Е. Струве (ученик М.И. Владиславлева) «Самостоятельное начало душевных явлений: психофизиологическое исследование» – докторская диссертация, г. Москва;

³ См.: Ананьев Б.Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М., 1947. С. 150.

⁴ См.: Тихонова Э.В. Указ. соч. С. 106.

– 1880 г. Н.Я. Грот (ученик М.И. Владиславлева) «Психология чувствований в ее истории и главных основах» – магистерская диссертация, г. Киев;

– 1894 г. Н.Н. Ланге (ученик М.И. Владиславлева) «Психологические исследования: Закон перцепции. Теория волевого внимания» – докторская диссертация, г. Одесса;

– 1896 г. Г.И. Челпанов «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. 1. Представление о пространстве с точки зрения психологии» – магистерская диссертация, г. Москва.

В начале XX в. в России состоялись защиты диссертаций философов по психологии в третьем поколении¹:

– 1903 г. Н.О. Лосский (ученик А.И. Введенского) «Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма» – магистерская диссертация, г. Санкт-Петербург;

– 1904 г. Г.И. Челпанов «Представления пространства с точки зрения гносеологии» – докторская диссертация, г. Киев;

– 1905 г. И.С. Продан «О памяти. Психологическое исследование» – магистерская диссертация, г. Юрьев;

– 1906 г. А.П. Нечаев (ученик А.И. Введенского) «Ассоциация сходства. Психологическое исследование» – магистерская диссертация, г. Одесса;

– 1907 г. И.И. Лапшин (ученик А.И. Введенского) «Законы мышления и формы познания» (присуждена докторская степень, минуя магистерскую), г. Санкт-Петербург;

¹ См.: Тихонова Э.В. Указ. соч. С. 106.

– 1907 г. Н.О. Лосский «Обоснование интуитивизма» – докторская диссертация, г. Москва;

– 1910 г. В.Н. Ивановский «Ассоцианизм психологический и гносеологический: Историко-критическое исследование» – магистерская работа, г. Казань;

– 1914 г. С.А. Алексеев (Аскольдов) «Мысль и действительность» – магистерская работа, г. Москва;

– 1915 г. В.В. Зеньковский «Проблема психической причинности» – магистерская диссертация, г. Москва;

– 1915 г. С.Л. Франк (ученик А.И. Введенского) «Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания» – магистерская диссертация, г. Санкт-Петербург;

– 1917 г. С.Л. Франк «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию» – докторская диссертация (не защищалась).

Таким образом, Франк не был первопроходцем в области философской психологии. Появлению его теории философской психологии предшествовала работа в этом направлении, по крайней мере, трех поколений российских философов. Однако Семену Людвиговичу удалось создать собственную оригинальную психолого-философскую концепцию, актуальность которой сохраняется и поныне.

Первой же работой Франка, в которой отчасти обсуждались элементы философской психологии, была магистерская диссертация **«Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания» (1915)²**.

² См.: Франк С.Л. Предмет знания. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/predmet-znaniya/ (дата обращения: 08.09.2016).

В ней Семен Людвигович касается не столько понимания философом сущности психического, сколько методологических принципов, позволяющих по-новому взглянуть на предмет философского исследования познания (гносеологии). В дальнейшем разработанная здесь методология легла в основу исследований не только познавательной части души человека, но и системной организации всей душевной деятельности.

В «Предмете знания» Франком впервые была представлена новая оригинальная гносеологическая позиция в философии, а также был сформулирован центральный в его философской концепции методологический подход – принцип всеединства.

В этой работе прежде всего была показана несостоятельность широко распространившейся к тому времени в гносеологии теории отображения (ленинская теория отражения была методологической основой советской психологии, с обсуждения этого вопроса начинался любой курс психологических дисциплин в вузах СССР), основывающейся на противопоставлении познающего сознания и его предмета. Франк назвал такой концептуальный подход «наивным дуалистическим реализмом». В соответствии с теорией отображения предмет и его образ – две реальности: реальность внешнего физического мира и реальность душевной жизни, и восприятие предмета есть своеобразная копия самого предмета. На самом деле, по мнению Франка, они не тождественны по содержанию, из чего следует, что данный нам при восприятии образ фактически не отображает предмет, и все, что мы знаем о реальности, есть лишь наши представления, а сама реальность недоступна познанию (логический вывод,

к которому и пришли субъективные идеалисты Локк, Юм). Мысль о невозможности познания оригинала неизбежно приводит к выводу, сделанному Кантом в формуле «вещь в себе». Таким образом, по Франку, теория отображения оказывается ложной, так как для сравнения оригинала с копией надо знать сам оригинал, что либо невозможно, либо делает измененной копию, а это фактически означает идеализм.

Уяснение взаимной связи «представлений» и «предмета» приводит Франка от идеализма к имманентному объективизму: предмет знания есть не вещь, отделенная от сознания и трансцендентная (неизвестная) ему, а особая черта, момент в строении самого сознания. Сознание возвышается над противоположностью «субъективизм – объективизм» и в качестве одного из своих моментов включает в себя черту объективности, или предметности. Происходит не сужение всего бытия до пределов субъективного сознания (как в идеализме), а расширение сознания до всего мыслимого бытия. Предмет (истина) есть не абсолютная реальность вне сознания, а имманентное содержание сознания, только не индивидуального, а идеального.

Такое понимание вытекает из методологического принципа единства, сформулированного Франком: единство есть понятие, объемлющее отношение сознания к бытию, начало, из которого проистекает как категория «предмет», так и соотносительная ей категория «только субъективного», т.е. непредметного представления. «Единство сознания» с таким же правом может быть понимаемо и как «сознание единства». Тогда теория Канта принимает следующий

характер: сознание не исчерпывается «субъективными представлениями»; за пределами этих представлений ему ведомо (эмпирически, т.е. в самом потоке представлений, не данное) единство, через отнесение представлений к этому единству сознание упорядочивает их, устанавливает в них связь, выраженную в понятиях, и тем самым от «представлений» доходит до «предметов».

Эта идея была первоначально сформулирована Франком на основе пережитого им мистического опыта, связанного с трансформацией формулы Декарта «*Cogito ergo sum*». Так, за несколько месяцев до смерти в 1950 г. Семен Людвигович признался сыну: *«У меня было одно настоящее философское откровение. Это было в 1913 г. в Мюнхене, когда я писал “Предмет знания”. Я дошел до известного предела и попал в тупик. Я бросил писать и целую неделю ходил по комнате и думал. Потом у меня было прилитие крови к голове, и я решил бросить все и отдохнуть. И вот, ночью голос мне сказал: “Неужели ты не понимаешь простой вещи? Зачем начинать с сознания? Начинай с бытия!” “Sum ergo cogito?” – спросил я. “Нет, – ответил папа, – скорее cogito ergo est esse absolutum”»*¹.

Сознание, следовательно, не есть нечто только субъективное, чему можно было бы противопоставить «предмет»; напротив, оно по самой своей природе возвышается над противоположностью между субъективным и объективным и, таким образом, в качестве одного из своих моментов включает в себя черту объективности, или предметности. Монисти-

¹ Цит. по: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 103–104.

ческий замысел идеализма, последовательно продуманный, требует не сужения всего бытия до пределов субъективного сознания, а напротив, расширения сознания до пределов всего мыслимого бытия. Поэтому, по Франку, понятие сознания не может быть высшим понятием, последней основой теории знания.

По словам Франка, великим вкладом в философию, внесенным Декартом (опять Декарт!), было не выведение собственного существования из мысли, а открытие, что сознание относится к бытию. Мысль есть. Если мысль – часть бытия, то можно сказать, что два мира – бытия идеального и бытия объективного – составляют всеобъемлющее бытие². Декартовская формула «*Cogito ergo sum*» есть ключ, с помощью которого открывается доступ к самому *бытию*. Самодоверность сознания вместе с тем означает его неустранимость, т.е. необходимость и достоверность его *как бытия*. Но как возможен вообще такой подход к бытию? Если бы мы сами стояли вне бытия, если бы «сознание» означало только сферу, *противоположную* бытию, то никакой анализ и вообще никакие средства не могли бы раскрыть и сделать достоверным бытие. Напротив, великий, озаряющий смысл этой формулы заключается в том, что в лице сознания открылось бытие, которое «дано» уже не косвенно, не через посредство его сознания, а совершенно непосредственно – бытие, которое мы «знаем» именно в силу того, что мы сами *есть* это бытие. Если бы это бытие было нам доступно только косвенно, через посредство сознания же, то в лучшем случае мы могли бы только

² См.: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 104.

сказать: «Cogito ergo cogito me esse» (или «cogitationem esse»); и само сознание оказалось бы одним из мыслимых содержаний, равноправным всем другим. На самом же деле уясняется, что, по крайней мере, в одной малой сфере – в лице «нашего сознания» – мы имеем бытие не только познаваемое, но и подлинно сущее – бытие, которое не противостоит нам, а есть в нас и с нами.

Различие между идеализмом и реализмом, по мысли Франка, состоит не в том, что первый отрицает бытие, а второй его признает – «отрицание бытия» есть вообще словосочетание абсолютно бессмысленное; это различие лишь в том, что идеализм признает *только бытие сознания*, реализм же – и *бытие вне сознания*. Этим самым признано, что противоположность между идеализмом и реализмом не затрагивает их общей высшей предпосылки, т.е. всякое гносеологическое направление, осознавшее себя до конца, есть *абсолютный реализм*: бытие абсолютное, бытие как первая, неустранимая исходная точка всех теорий и всех сомнений есть очевидность, которая, правда, легко может не замечаться, но которая никогда ни одним человеком в здравом уме не подвергалась и не могла подвергаться сомнению.

Что познание есть деятельность синтеза, объединения, включения имманентного материала в систему сверхвременного всеединства – это с полной ясностью показано еще Кантом. По мнению Франка, единство есть, следовательно, абсолютное начало, не вмещающееся ни в какую *часть* гносеологического комплекса: оно есть выражение самой природы абсолютного, непосредственного бытия как такового.

Абсолютное, сверхвременное бытие и всеединство – тождественные понятия. И поскольку сверхвременное единство есть лишь иное обозначение для вечности, к нему относятся слова Плотина: «Вечность есть жизнь сущего в *бытии*, в его полной, непрерывной, безусловно неизменной целостности».

В «Предмете знания» Франк обозначил несколько уровней знания. Первый – когда содержанием знания является именно непосредственно воспринятое в момент его восприятия (интуиция предметности, по Франку). Франк приводит пример: человек видит красную розу и говорит об этом. Содержание такого знания уже не есть простое невыразимое «это»; оно предполагает знание о том, что не содержится в отдельном восприятии – вечную неизменность самой «красноты», т.е. отвлеченное знание, а также память о том, какие бывают розы или красные предметы. Таким образом, чистого восприятия не бывает, а в постижении предмета участвуют и другие психические процессы: мышление, память, ощущения, речь. Основой суждения на этом уровне является не одно данное как таковое, а данное в его связи с неданным расширением, т.е. внепространственное и вневременное. Что «здесь есть что-то красное», мы знаем, следовательно, потому, что «данный» нам материал мы связали с необъятным полем не данного.

Другой уровень получения знания о предмете – это знание, выражаемое в понятии или системе понятий, или знание, которое выделяет из предмета его *содержание*. Абстрактное, вневременное и идеальное по своей природе, оно основывается на интуиции предметности. В известном смысле всякое отвлечен-

ное знание только *символично*, т.е. неадекватно своему предмету, так как подразумеваемый им предмет оно выражает через посредство отвлеченных определенностей, т.е. лишь частных моментов предмета. Отвлеченное знание о предмете и сам предмет соотносятся так же, как карта местности и сама местность.

Все, что мы видим, слышим, обоняем, мы можем назвать, но слова (понятия-абстракции) не отражают всего содержания видимого, как видимое – содержание предмета. Мы можем видимое поместить в контекст времени (что было, что есть, что будет), актуализируя и память, и знание-понимание, и воображение. Акт познания неразрывен. Все, что *дано*, дано только на фоне двух бесконечностей – пространственной и временной. Все, что дано, есть *здесь* и *теперь*. Но вместе со всяким «здесь» и «теперь» мы непосредственно *имеем* бесконечное *там* и *тогда*. «Здесь» и «теперь» даны только как часть, как незавершенный, подразумевающий и требующий продолжения отрезок этого абсолютного «там» и «тогда», как точка, определенная координатами бесконечной системы. Это непосредственное обладание *единством* всей бесконечности времени и есть не что иное, как *вневременность*.

Идеализм и эмпиризм, реальное и идеальное, факт и закономерность, временное и вневременное, единое и множественное, индивидуальное и общее, воспринятое и мыслимое, мыслимое и переживаемое, данное и имеющееся, наличность актуального и потенциального – единства этих противоположностей раскрывают возвышающееся над ними понятие всеединства. В лице «абсолютного бытия», считал

Франк, мы имеем последнюю основу отношений между ними как соотносительных частей этого абсолютного бытия. Поэтому Франк давал своей философии такие названия: абсолютный реализм, интуитивизм, идеал-реализм, новый монистический реализм¹.

Третий уровень знания, выделенный Франком, – живое знание (переживание), знание-жизнь, в отличие от знания-мысли. Всюду, где мы смотрим на объект со стороны, мы имеем разрыв между формой мыслимости (идеальности) и формой наличности (реальности), и тем самым реальная необходимость как таковая ускользает от нас. Напротив, где мы сами есть бытие, т.е. в той мере, в какой мы непосредственно имеем объект в форме мыслящего переживания, мы обладаем и сознанием реальной необходимости.

Живое знание (вчувствование) соединяет жизнь и рефлексию над жизнью, предмет и знание о нем, субъект и объект соединены живой связью самосознающего бытия как живого знания или мыслящего переживания. Область живого знания – личная жизнь, художественное переживание, понимание чужой душевной жизни, историческая интуиция, научные открытия. Все великие прозрения, считал Франк, во всех областях знания основаны на таком умении вжиться в объект, пережить его самого, чтобы изнутри почувствовать его природу, живое знание, знание-жизнь, в отличие от знания-мысли.

Переживание – это погружение в миг настоящего, знание – обладание временным единством и бытием, но всякое погружение в миг настоящего есть вместе с тем потенциальное бытие в вечности, приобщение

¹ См.: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 109.

к вечности, потенциальное ее присутствие. Наше знание есть приобщение нас самих к абсолютному бытию. Всякое вообще адекватное знание жизни, по Франку, есть необходимо живое знание. Всеединство означает жизнь.

Следующая мысль подводит к выделению в знании духовного компонента. Так, чем больше человек живет чувственной жизнью, считал Франк, тем более его живое знание будет ограничено душевной жизнью. Всякое развитие воображения, памяти, мышления, сознания вообще обогащает сферу живого знания и возводит человека от душевного к духовному уровню жизни.

«Чем больше мы живем чисто чувственной жизнью, тем большее значение приобретает для нас узкий круг *ближайшего* нам настоящего; и поскольку мы вообще не живем вневременной мыслью, а погружены бессмысленно в поток времени, эта "актуальность для нас" превращается в единственную *подлинную действительность* – действительность, которая имеет, однако, для нас неприятное свойство никогда не быть, а всегда лишь проходить, вечно ускользать. Чем больше мы, напротив, отрешаемся от нашей чувственной жизни и интересуемся тем, что нам достижимо во времяобъемлющем сознании, тем более ценность ближайшего настоящего как такового ослабляется и сознается в своей субъективности; настоящее сначала расширяется для нас, начиная охватывать все большие отрезки прошедшего и будущего; с развитием памяти и предвидения то, что интересует нас и представляется нам подлинной действительностью, объемлет все большее время как нашей собственной жиз-

ни, так, далее, жизни наших детей и предков, жизни народа, государства, человечества. Сосредоточение на самом всеобъемлющем бытии как таковом показывает нам в конечном итоге, что ту же подлинную реальность мы должны приписать и всей бесконечности времени и тем самым времяобъемлющему бытию общего и непреходящего»¹, – к такому научному обоснованию значения для человека бескорыстного практического служения истине (переходу от душевного к духовному уровню развития) пришел Франк в работе «Предмет знания». И, как заявил Семен Людвигович, «основной задачей» философского просвещения является объяснение существования надвременного всеединства реальности подлинного бытия.

Эта мысль получила свое развитие в книге Франка «С нами Бог» (1946)². В ней Семен Людвигович писал, что расширенная перспектива бытия во всей ее широте и полноте не совпадает с содержанием нашей собственной жизни (искусственно суженная картина бытия). Способность дополнять видимый, чувственно данный, физически затрагивающий небольшой отрезок мира (чувственное непосредственное познание) картиной его невидимого, только мысленно познаваемого бытийного целого (отвлеченное знание) отличает мыслящего человека от животного. Естественным продолжением, по Франку, основной тенденции самого существа человеческой мысли как способного сознать невидимое – только в ином измерении – является вера (религиозное познание), или

¹ Цит по: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 104.

² См.: Франк С.Л. Сокровище на небесах // Вестник русского студенческого христианского движения. Париж, 1952. № 2. С. 3–12 (глава из книги «God with us»).

способность сознать «иной», чувственно не данный мир. Вера состоит в том, что человек прозревает позади и в глубине видимых явлений некие незримые силы и реальности, ими управляющие, находящиеся в невидимом мире, невидимом слое бытия.

Человек, по мнению Франка, имеет сознание своей внутренней связи со своей незримой родиной. Все это меняет его сознание. Он становится способным к признанию внутренней ценности другого человека совершенно независимо от его внешней полезности для нашей жизни, что является показателем благородства и подлинности самосознания человеческого духа.

Таким образом, онтологическое бытие и идеальное бытие, выделенные в «Предмете знания», были позднее дополнены Франком невидимым слоем духовного бытия в книге «С нами Бог», вместе составляя законченное системное понимание бытия.

В «Предмете знания» Франк пришел к формулированию также методологического принципа системности в теории знания. Он писал, что знание представляет «систему всеединства»: «Точное научное знание любой частной области предполагает не только обозрение полноты подчиненных ей содержаний, но и постижение места этой области во всеединстве как целостной системе, – писал он. – Все знания частных соотношений приобретают подлинную обоснованность лишь в единстве системы, объемлющей всю полноту однородных с ними содержаний, а единство системы вытекает, в свою очередь, из ее укорененности во всеобъемлющей системе всеединства»¹.

¹ Франк С.Л. Предмет знания.

Сформулированный таким образом принцип системности был далее положен Франком в основу его философских представлений о составных частях души человека и месте самой души как системно-структурного компонента в нематериальном и материальном бытии.

Следующей крупной работой Франка в области философской психологии стала книга **«Душа человека. Опыт введения в философскую психологию»** (1917)². В предисловии к ней Франк сообщил, что эта работа примыкает к предыдущему исследованию – «Предмет знания» (1915) и может рассматриваться как его дополнение и продолжение.

Франковская реформа гносеологии, приведшая к общей онтологии в философской концепции познания в первой работе, поставила на очередь вопрос о философской психологии как развитии общеонтологического учения о природе индивидуальной души и ее отношении к индивидуально-объективному бытию. В свою очередь, работа «Душа человека» была задумана как отправная основа для написания третьей книги, развивающей философское познание уже в плоскости не индивидуальной, а общественно-исторической жизни человечества, или социальной философии. Таким образом, в этой трилогии предполагалось изложить основное целостное содержание и строение авторского философского мирозерцания. Однако написание третьей книги отодвинулось на долгие годы, и намерение Франка воплоти-

² См.: Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М., 1917. URL: http://www.odinblago.ru/dusha_cheloveka/ (дата обращения: 07.07.2016).

лось лишь в 1930 г. в работе «Духовные основы общества», подготовленной уже в эмиграционный период его жизни.

В конце XIX в. М.И. Владиславлев, придерживавшийся идеалистической философской платформы, предложил считать предметом психологии внутренние душевные явления, которые могут осознаваться. В качестве явлений души им были рассмотрены познавательные процессы, чувствования и воля. Поскольку психология должна, по мнению Владиславлева, классифицировать душевные явления, отыскать законы душевной жизни и раскрыть смысл и значение форм душевной деятельности, соответственно, она выступает описательной, объяснительной и истолковательной наукой. В последнем случае – философской психологией. В связи с этим он включил в структуру психологии как философской дисциплины и метафизику, изучающую духовные явления. Более того, он считал возможным привлечь в психологию знание законов, по которым живет душа, описанных в святоотеческой литературе¹. Традиция рассматривать в качестве предмета психологии душевные явления была продолжена учеником Владиславлева А.И. Введенским (1856–1925), профессором философии Петербургского университета, читавшим курсы логики, психологии, истории философии, под началом которого работал Франк в Петербургском (Петроградском) университете. В своей самой известной работе «Психология без всякой метафизики» (1914)², пе-

¹ См.: Владиславлев М.И. Психология. Исследование основных явлений душевной жизни.

² См.: Введенский А.И. Психология без всякой метафизики. СПб., 1914.

реизданной в 1917 г.³, Введенский поставил вопрос о необходимости вывести учение о душе, сущности психического и духовного за пределы психологии. Он полагал, что душевная жизнь не подчинена объективным законам, признание чужой духовности диктуется человеку только нравственным чувством, которое связано с нравственным долгом, постулирующим принцип свободы воли, бессмертия души, существования Бога.

В названной книге Введенский охарактеризовал современную ему психологию не как науку о душе, а как естественную науку о душевных явлениях (т.е. душевные явления объяснимы лишь законами природы, которым подчинены; некоторыми учеными такая психология называлась психологией «без души») или как историю душевных явлений.

Задачами такой психологии Введенский считал: 1) и учение состава душевных явлений; 2) исследование влияния явлений друг на друга; 3) обнаружение видоизменений душевных явлений в зависимости от разных условий (возраст, пол, индивидуальность, коллектив, животное происхождение, психопатии), порождающих наряду с основной (общей) психологией такие ее области, как возрастная психология, психология мужчины и женщины, психология человека, коллективная психология, зоопсихология, психопатология. Кроме того, Введенский рассмотрел в работе предметы разных психологических отраслей: физиологической психологии, психофизики, психометрии, экспериментальной психологии.

³ См.: *Введенский А.И.* Психология без всякой метафизики. 3-е изд., испр. и доп. Пг., 1917.

Когда психология была учением о душе, считал А.И. Введенский, она была частью философии и имела философское значение. Психология же начала XX в. стала «психологией без души», т.е. без тех философских знаний, которые определяли бы природу души. А «без всякой метафизики» психология бывает тогда, когда в ней отсутствует любое учение о каких бы то ни было трансцендентных явлениях (Бог, душа), являющихся предметами не научного знания, а веры. Франк же считал, что история философии показала: подлинные успехи в процессе развития психологии были обусловлены обостренным религиозно-нравственным сознанием ученых, ее создающих.

В 1930 г., находясь в эмиграции, Франк вернулся к этому теоретическому вопросу в статье, посвященной памяти Л.М. Лопатина (1855–1920), профессора Московского университета, русского философа-идеалиста и психолога, многолетнего председателя Московского психологического общества и редактора журнала «Вопросы философии и психологии». Л.М. Лопатин, по мнению Франка, был первым русским философом, который в европейской философской литературе и за несколько десятилетий до соответствующих достижений немецкой философской психологии ниспроверг кумира «психологии без души», показав, что непредвзятому анализу душевной жизни она всегда предстоит как живое единство и творческая глубина, а не как комплекс «психических процессов». Лопатин впервые выделил ту сторону психологии, которая затем стала именоваться «описательной психологией» или «феноменологией

душевной жизни»¹. Для Франка психологическое знание «без души» и «без всякой метафизики», называемое эмпирической или экспериментальной психологией, с самого начала представлялось недостаточным, неполным. Поэтому Семен Людвигович считал своей главной задачей в работе «Душа человека» восполнить недостающее звено в современной ему психологической науке, помочь вернуться к принципиальному признанию философского учения о душе, существо которой было незаслуженно предано забвению и пренебрежению. *«Мы хотели бы прежде всего содействовать вообще восстановлению прав психологии в старом, буквальном и точном значении этого слова [наука о душе] – науки столь же древней, как вся философия, и столь же законной и необходимой, как она»,* – писал он. Франк считал, что *«общей задачей философской психологии является познание не единичных душевных явлений, а природы “души”»*².

«Душа человека» была ответом Франка на сложившееся положение в современной ему науке о душе. Старые философские воззрения, добытые логикой и самонаблюдением, к тому времени большинством психологов были отброшены. Однако это не означало смены одних учений о душе другими, а стало фактом совершенного устранения учений о душе и замены их учениями о закономерностях так называемых «душевных явлений», оторванных от их внутренней почвы и рассматриваемых как явления внешнего

¹ См.: Лопатин Л.М. Психология. Лекции ординарного профессора Л.М. Лопатина. 1901–1902 ак. год. М., 1902; Франк С.Л. Памяти Л.М. Лопатина // Путь. Париж, 1930. № 24. С. 11–114.

² Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию.

предметного мира. Такая психология сама себя стала называть естествознанием (в то время как содержание психики идеально), что фактически означало: современная Франку так называемая психология была вообще не *психологией*, а *физиологией*. Она превратилась из учения о душе как сфере некой внутренней реальности, которая непосредственно, в самом опытном своем содержании, отделяется от чувственно-предметного мира природы и противостоит ему, в учение о природе, о внешних, чувственно-предметных условиях и закономерностях сосуществования и смены душевных явлений. Прекрасное обозначение «психология – учение о душе» было, по его мнению, просто незаконно похищено и использовано как титул для совсем иной научной области. По крайней мере, три четверти так называемой эмпирической психологии и еще большая часть так называемой «экспериментальной» психологии, считал Франк, были не чистой психологией, а либо психофизикой и психофизиологией, либо же – исследованием явлений хотя и не физических, но вместе с тем и не психических. При этом отсутствовало именно научное, чисто теоретическое познание существа человеческой души.

Более того, работа Франка стала своеобразным ответом А.И. Введенскому, выпустившему книгу «Психология без всякой метафизики», и его единомышленникам. Франк был убежден, что учение о душе и человеческой жизни – то, что обычно зовется метафизикой, искаженным ложными, лишь исторически накопившимися ассоциациями, – есть не искусство, не проповедь и не вера, а знание или что оно, по крайней мере, возможно и нужно также

и в форме *точного научного знания*. «Философская психология, – писал Франк, – есть *не естествознание, а философия*; она изучает не реальные процессы предметного бытия в их причинной или какой-либо иной ”естественной” закономерности, а дает общее логическое уяснение идеальной природы и строения душевного мира и его идеального же отношения к другим областям бытия»¹.

В начале XX в., в процессе формирования научного понимания состояния психологической науки Франк пришел к выводу о существующем кризисе психологии или, точнее говоря, философской проблемы человека как *субъекта*. Развитие так называемой эмпирической психологии как естественно-научного исследования душевных явлений в рамках общего предметного мира, т.е. как частной науки о явлениях объективной природы, привело к признанию душевной жизни только как частной области *мира объектов* и игнорированию внутреннего мира самого живого субъекта. Субъект как живая человеческая личность или душа сперва утончился, превратившись в чистую абстракцию «гносеологического субъекта», «сознания вообще» и т.п., а потом и совсем испарился, сменившись «царством объективной истины», внесубъектным содержанием знания.

Главное в книге – стремление вернуть понятие души в психологию. По Франку, психология должна дать понимание человеку о цельности его личности и формировании смысла жизни. Эмпирическая психология, или психология «без души», в основе

¹ Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию.

которой лежит естественно-научная парадигма, не способна на решение этих задач.

Таким образом, Франк считал, что основой психологии должна являться философия, а не естествознание. Общей задачей философской психологии выступает, по Франку, познание не единичных душевных явлений, а природы «души». Под душой же разумеется общая, родовая природа мира душевного бытия как качественно своеобразного целостного единства. В качестве характеристик души, идеальной по своей природе, Франк назвал бесформенность, слитность, непротяженность, вневременность.

В качестве главного метода философской психологии Франк считал самонаблюдение в подлинном смысле *как живое знание*, т.е. как имманентное уяснение самосознающейся *внутренней жизни субъекта* в ее родовой «эйдетической» сущности, в отличие от внешне-объектного познания так называемой «эмпирической психологии». Коротко говоря: философская психология есть научное *самопознание* человека, а не познание отделенных от внутреннего существа человека как субъекта и понятых как предметные процессы единичных душевных явлений.

Франк совершенно справедливо отметил, что фактически философская психология лишь в скудной и по своему внутреннему смыслу неосознанной форме всегда существовала в учениях о душе. Существовала она и в период подготовки книги «Душа человека» (1915–1917), но была рассеянной во вступительных или заключительных разделах учебников и исследований по эмпирической психологии, в рассуждениях «о задачах и методах психологии» («*часто наивно*

воображающих, что можно говорить о задачах и методах науки, не имея обобщающего, философского знания о ее предмете»¹, – с горечью замечает Франк), во всякого рода «введениях в психологию» и рассуждениях об общих вопросах психологии. В таком качестве философская психология представлена и в советское время в теоретико-методологических разработках психологических исследований, имеющих, как правило, в своей основе атеистическую ленинскую теорию отражения. Можно даже подчеркнуть, что именно для отечественной психологии философский (методологический) ее аспект всегда – и в советский, и постсоветский периоды – рассматривался как основополагающий, однако содержательно он был материалистическим. Несмотря на мировоззренческую разницу, советская психология была солидарна с Франком в мысли о необходимости философских теоретико-методологических обобщений частных эмпирических результатов, или метапсихологии.

В самом широком смысле под понятием «душа» Франк подразумевал просто *общую природу душевной жизни как таковой*. И под учением о душе, или *философской психологией*, понимал именно общее учение о природе душевной жизни и об отношении этой области к другим областям бытия, в отличие от так называемой эмпирической психологии, имеющей своей задачей изучение того, что называется закономерностью душевных явлений.

Душевная жизнь человека противостоит не только области его телесного (материального) бытия,

¹ Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию.

но и, будучи идеальной, идеальной области духа (математические содержания, религиозность, нравственность, социальная жизнь и др.). Ядром душевной жизни, которое вместе с тем служит руководящим и господствующим началом, является сторона души, называемая нашим Я.

Таким образом, по убеждению Франка, душевная жизнь человека есть не механическая мозаика из каких-то *«душевных камешков»*, называемых ощущениями, памятью и т.п., как это представлено в психологии *«без души»*, *«не сгребенная кем-то куча душевных песчинок, а некоторое единство, нечто первично-сплошное и целое»*¹, так что, когда мы употребляем слово «Я», этому слову соответствует не какое-либо туманное и произвольное понятие, а явно сознаваемый (хотя и трудно определимый, по Франку) факт.

Вместе с тем под душой понимают не только непосредственно данную целостность душевной жизни, но и какое-то глубже лежащее и не столь явственное и бесспорное начало, лишь производным проявлением которого выступают душевные явления. Переход от «поверхности» души к ее «глубине» есть переход постепенный. Итак, выделяя центральную и периферические части души – основание душевной жизни (глубина) и производные ее следствия (душевные явления), – Франк дополняет существующее в его время понимание предмета психологии.

На своей периферии душа соприкасается с предметным миром и становится носителем знаний о нем, субъективным знанием (предметное созна-

¹ Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию.

ние). Однако по своим внутренним каналам она соприкасается также и с чистым разумом и таким образом обретает не относительное, а абсолютное знание.

Франком предложено выделять следующие уровни душевной жизни:

1. Смутная душевная жизнь, связанная с эмоциями и чувствами, – низший уровень, тесно связанный с телом.

2. Высший уровень, несущий отпечаток Бога. Истинное познание является откровением, поскольку возрождает связь с целым.

Франк разводит понятия души и сознания. Душевное, по Франку, может быть сознательным и бессознательным, в свою очередь, сознание может быть предметным и самосознанием.

В самом широком и общем смысле слова «сознанием» называют всякое душевное явление человека. *Второй, узкий*, смысл, в котором употребляется слово «сознание», касается определенного состояния человека. Быть *сознательным* существом в определенный отрезок времени, по Франку, означает наличие у человека внимания, произвольности, памяти, связи настоящего с прошлым. Эти же признаки осознанности мы находим в работе советского философа, теоретика советской психологии Е.В. Шороховой, представившей в 1961 г. диалектико-материалистическое учение о сознании².

Третий существенный смысл слова «сознание» означает область, сопутствующую «предметному сознанию» и вместе с тем в известном смысле прямо

² См.: Шорохова Е.В. Проблема сознания в философии и естествознании. М., 1961.

противоположную ему. Когда мы требуем от человека, чтобы он «сознательно отнесся» к чему-либо, когда мы говорим о развитии «сознательности», то мы подразумеваем обыкновенно двоякое: с одной стороны, возникновение, как бы выделение предметного сознания из состава сознания-переживания, с другой стороны, выделение, как бы на противоположной стороне душевной жизни, того ее ядра или средоточия, которое вместе с тем служит руководящим и господствующим началом и которое мы называем нашим Я. Сознание в этом смысле, с одной стороны, тождественно предметному сознанию, а с другой — *самосознанию*.

Таким образом, трем основным смыслам понятия «сознание» соответствуют и три вида, или области сознания в широком смысле слова.

За пределами бодрствующего сознания и наяву продолжает действовать *не замечаемое* человеком душевное состояние, аналогичное сну, работа которого может быть легко обнаружена. Бессознательное и подсознательное есть лишь *бесконечно мало сознаваемое*, предел ослабления сознания-переживания, особый, своеобразный тип душевных явлений.

Из вышесказанного видно, что душевная жизнь отличается от сознания. «*В лице душевной жизни, — писал Франк, — можно видеть совершенно особый мир, — вернее, особую стихию, отличную от всего объективного, предметного бытия и противостоящую ему, — и вместе с тем не идеальное начало чистого сознания, света разума, а вполне реальную и могущественную силу и сферу бытия. Будучи связана и с предметным бытием, и с моментом сознания,*

она является нам конкретно лишь как придаток, с одной стороны, предметного мира и, с другой стороны, разумного предметного сознания, оставаясь, однако, сама в себе особым и совершенно самобытным миром»¹.

Основной чертой бытия душевной жизни, выделенной Франком в «Душе человека», является *переживание или непосредственное бытие*. «Если сознание есть бытие-для-себя, то, кроме момента этого «для-себя», этой самоявственности, есть и момент самого бытия как его очевидное условие. «И вот мы утверждаем, – писал Франк, – что этот момент непосредственного бытия есть более существенный и первичный признак душевной жизни, чем момент сознания. В той мере, в какой жить важнее и первее, чем сознавать, в какой действительность предшествует созерцанию, душевная жизнь есть, прежде всего, реальная сила и лишь производным образом идеальный носитель сознания»².

В начале XX в. психолог Франк одним из первых настаивал на духовном начале в человеке, доказывая, что психология должна быть прежде всего наукой о душе, а не только о психических процессах. В душе он различал слой рассудочной культуры (сознание), за которым тлеет жар стихии страстей (бессознательное).

Обсуждая проблему бессознательного в книге «Душа человека», Франк ссылается на работы З. Фрейда (глубинная психология), положительно

¹ Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию.

² Там же.

оценивая опыт психоаналитической терапевтической деятельности. Однако в 1930 г. он опубликовал статью¹, в которой подверг учение Фрейда остракизму, поскольку *«умственное богатство в нем сочетается с духовной нищетой»*². Сущность ортодоксального психоанализа Фрейда Франк обозначил как *«сексуальный материализм»*, *«биологический материализм»*. Сосредотачиваясь на внутреннем содержании душевной жизни, фрейдовский психоанализ тем не менее представляет собой натуралистическое мировоззрение, которое всю душевную жизнь рассматривает как игру витальных сил природы, отрицая соприкосновение души с силами духовного порядка. Преобладание низших (чисто животных или демонических) сил человеческого существа, отрицание высших Божественных начал духовной жизни придает фрейдовскому психоанализу, по мнению Франка, облик цинического мировоззрения.

«Чисто феноменологическое рассмотрение душевной жизни, основных характерных ее черт и ее отношения к высшим и низшим областям бытия подводит нас к определению сущности душевной жизни, т.е. ее места в системе бытия как целого. Конкретная душевная жизнь как единство, или “душа” – под душой мы понимаем здесь... именно конкретное единство центральной духовно-формирующей инстанции душевного бытия с формируемой ею стихией душевности – есть своеобразное начало,

¹ См.: Франк С.Л. Психоанализ как мирозерцание // Путь. Орган русской религиозной мысли / под ред. Н.А. Бердяева, Б.П. Вышеславцева. Париж, 1930. № 25. С. 22–50.

² Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию.

промежуточное между временным потоком эмпирического телесно-предметного мира и актуальной сверхвременностью духовного бытия и в силу этой промежуточности соучаствующее в той и другой сфере бытия. Этим мы приближаемся к древнему, по существу, платоновскому пониманию души как посредника между идеальным миром духовного бытия и чувственно-эмпирическим миром временной жизни. “Голова души, – говорит Плотин, – находится на небе, ноги ее – на земле”, и в этом единстве, связующем необъятную бесконечность, полноту, актуальную прозрачность и единство абсолютного бытия с ограниченностью, темнотой, разобщенностью и изменчивостью эмпирического бытия и состоит существо человеческой души»,³ – этой идеей Франк заканчивает свою работу «Душа человека».

С таким научным психологическим багажом, выраженным в книгах «Предмет знания» и «Душа человека», прибыл С.Л. Франк в Саратов, став основоположником саратовской школы психологии.

³ Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию.

1.1.3. Петербургская психологическая школа и С.А. Франк

На психологических воззрениях Франка как ученого и педагога отразились не только идеи, излагаемые в научной литературе, но и знания, которые он получал в общении и совместных трудах с коллегами в Петербургском университете и за его пределами.

Общая научная школа вуза определяется как психологической наукой, так и содержанием и организацией психологического образования.

Во времена Франка преподаваемые дисциплины на историко-филологическом факультете Петроградского университета делились на общие, обязательные на всех отделениях (классическом, славяно-русском, историческом и романо-германском), и специальные. Для лиц, избравших свой специальностью философию, обязательными предметами были логика, психология, введение в философию, введение в языкознание, греческий и латинский языки¹. Таким образом, психология относилась к циклу общих обязательных учебных дисциплин и изучалась как философский предмет. Право последующего преподавания логики и психологии предоставлялось окончившим курс историко-филологического факультета «при наличии в дипломах их отметок по логике, психологии и истории древней и новой философии»².

¹ См.: Обзорение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Петроградского университета в 1914–1915 гг. URL: http://history.museums.spbu.ru/files/Obosreniya/1914-1915_Ist.pdf (дата обращения: 01.09.2016).

² Там же.

В те годы, когда Франк работал в Петербургском (Петроградском) университете, преподавание психологии там велось в рамках философской подготовки студентов и осуществлялось несколькими сотрудниками кафедры философии. Ведущим лектором был профессор Александр Иванович Введенский, психолог-идеалист. В книге «Психология без всякой метафизики» он остроумно заметил: *«Материализмом называется отрицание самостоятельности духовного начала, т.е. существования души, вследствие чего материализм утверждает, что все душевные явления – продукт одной только материи, организованной в виде головного мозга. Он подтверждает себя указанием на связь душевных явлений с материальными, на то, что возникновение первых зависит от возникновения вторых, причем эту зависимость он истолковывает как причинную. Этим-то истолкованием материализм и объясняет тот факт, что всякое душевное явление оказывается в связи с материальным. Но как объяснить случаи обратной зависимости – телесных явлений от душевных?»*³.

О том, каким был **А.И. Введенский** и каково было его коллегам (в том числе и Франку) и студентам рядом с ним, можно судить по воспоминаниям его ученика Н.О. Лосского⁴. Авторитет А.И. Введенского в научных кругах был очень высок. Кафедра философии в Петербургском университете довольно

³ Введенский А.И. Психология без всякой метафизики. Пг., 1917. С. 1.

⁴ См.: Лосский Н.О. Воспоминания: Жизнь и философский путь. URL: <http://predanie.ru/losskiy-nikolay-onufrievich/book/92901-vospominaniya/> (дата обращения: 16.03.2017).

долго обслуживалась одним профессором Введенским. Он читал все обязательные для студентов общие курсы: логику, психологию, историю древней и новой философии, введение в философию. Специальные курсы он читал редко. У него не было времени вырабатывать их: нуждаясь в средствах, он читал лекции в множестве высших учебных заведений Петербурга. Даже докторскую диссертацию он не имел времени написать и до конца жизни имел только степень магистра философии. По причине властного характера профессор не хотел, чтобы рядом с ним при кафедре философии было учреждено еще одно или два штатных профессорских места.

И тем не менее штат кафедры философии постепенно расширялся. О том, как это обычно происходило, узнаем из воспоминаний Н.О. Лосского. К осени 1900 г. Николай Онуфриевич сдал экзамены и прочел две пробные лекции в заседании факультета, после чего был зачислен в состав приват-доцентов по кафедре философии. Первый курс, объявленный Лосским, — «Психология воли и чувствований». В то же время в гимназии Стоюниной уже с 1898 г. он преподавал в VIII классе логику и психологию. В 1902/1903 учебном году он читал в университете лекции по «Философии психологии».

В это же время (1900) в штат кафедры был принят И.И. Лапшин. Оставаясь приват-доцентами и не имея ученой степени, Лосский и Лапшин в скором времени завоевали право читать общие курсы и стали участвовать в ведении экзаменов, так что их работа отличалась от профессорской лишь тем, что у них не было обязанности посвящать лекциям и практи-

ческим занятиям шесть часов в неделю. Обыкновенно они отдавали университету только четыре часа в неделю: два часа лекций и два часа семинария или просеминария. Факультет, признавая работу приват-доцентов необходимой для обслуживания кафедры, назначил Лапшину и Лосскому постоянное жалованье – 1200 рублей в год¹ (один царский рубль соответствует примерно 1000 рублям по современному курсу). Таким же стало положение и С.Л. Франка с 1912 г., когда он был зачислен в штат кафедры на должность приват-доцента. По-видимому, он также прошел подобные испытания по чтению пробных лекций в заседании факультета.

Сдавать экзамен на степень магистра у профессора Введенского было нетрудно: как человек умный, ценящий прежде всего логическую связность мысли, он никогда не задавал мелочных вопросов, требующих усвоения одною лишь памятью. Однако его отношения с молодыми преподавателями были непростыми.

Будучи противником научного направления, выбранного Лосским, Введенский как-то однажды заявил: «Пока я жив, Лосский не будет занимать кафедры в Петербургском университете». В 1907 г., когда И.И. Лапшин представил диссертацию на степень магистра «Законы мышления и формы познания», он получил сразу степень доктора, что случилось весьма редко в российских университетах того периода, только в случае особенно выдающихся достоинств труда. Тем не менее Введенский и Лапшина

¹ См.: Список лиц, состоящих на службе в С.-Петербургском Учебном округе к 1 апреля 1913 года. СПб., 1913. С. 12. URL: http://history.museums.spbu.ru/files/deloproisvodstvennaya_dokumentaciya/Peterburgskii_uch_okrug/1913.pdf (дата обращения: 30.03.2017).

не допускал до получения профессуры вплоть до 1913 г. (в течение шести лет).

На заседаниях философского общества, когда Лосский выступал с докладом или когда читались доклады о нем, Введенский называл его своим талантливым учеником; он говорил иногда, что Лосский занимает в русской философии место, равное положению Соловьева. Однако в то же время концепцию Лосского Александр Иванович подвергал на своих лекциях чрезвычайно резкой критике. Да и звание профессора философии Петербургского университета было получено Лосским поздно, только во время войны в феврале 1916 г., т.е. спустя 9 лет после защиты докторской диссертации.

С 1 июля 1912 г. штат кафедры философии расширился: на должность приват-доцента были приняты также доктор медицины А.А. Крогиус и С.Л. Франк¹.

В конце 1913 г. А.И. Введенский оставил должность заведующего кафедрой философии Санкт-Петербургского университета, передав ее своему ученику И.И. Лапшину. Деятельность на кафедре Введенский продолжил в качестве профессора, читая курсы по логике, психологии, истории философии. Как лектор он был неподражаем. Был он и тонким методистом: руководствуясь педагогическими соображениями, предпочитал давать студентам для самостоятельной работы темы по истории философии, посвященные анализу и сопоставлению каких-либо двух учений.

¹ См.: Список лиц, состоящих на службе в С.-Петербургском Учебном округе к 1 апреля 1913 года. СПб., 1913. С. 12. URL: http://history.museums.spbu.ru/files/deloproisvodstvennaya_dokumentaciya/Peterburgskii_uch_okrug/1913.pdf (дата обращения: 30.03.2017).

Введенский полагал, что студенту, занимающемуся философией, полезнее всего получать знания только от одного учителя и находиться под его исключительным руководством. Поэтому он рекомендовал студентам не разбрасываться, а сосредоточивать свои занятия или у него, или у Лапшина, или у Лосского. Как педагог Введенский был необычайно популярен в студенческой среде. Безусловными педагогическими достоинствами Александра Ивановича, по свидетельству одного из его студентов, И. Геллера, были следующие: *«...уважение к личности и к самостоятельному мнению учащихся; ... умение придать практическим занятиям истинно “свободный” характер – что, как известно, есть явление очень редкое в философских семинарах. Он [Введенский] не подавлял учеников своей ученостью, не давил на них своим авторитетом, не навязывал им во время прений своей точки зрения и не стремился во что бы то ни стало убедить их в своей правоте, а старался лишь в том, чтобы они научились правильно мыслить, чтобы они поняли его и самих себя и сумели критически разобраться в своих взглядах»*. Подобный подход проявился позже и у Франка, когда он профессорствовал в Саратовском университете.

Помимо преподавания в университете профессор Введенский обучал философии на Бестужевских высших женских курсах. Его блестящий талант изложения философских проблем и внушительная фигура производили сильное впечатление. Многие слушательницы страстно любили его; другие, наоборот, столь же страстно ненавидели его за то, что он резко

и насмешливо высказывался против крайних революционных увлечений молодежи.

В своих работах «О пределах и признаках одушевления» (1892) и «Психология без всякой метафизики» (1914) Введенский ставил вопрос о выведении за пределы психологии учения о душе и о сущности психического. В 1920-х гг. Александр Иванович активно выступал против материализма и пропаганды массового атеизма.

В научных кругах Санкт-Петербурга 17 февраля 1913 г. отмечалось 30-летие научно-педагогической деятельности А.И. Введенского. Среди прочих поздравлений и подарков особенно символичным выглядел большой портрет Иммануила Канта, выполненный карандашом. На этом портрете в знак уважения и признательности к Александру Ивановичу оставили свои подписи многие известные русские философы и психологи – С.А. Аскольдов (Алексеев), Б.П. Вышеславцев, С.И. Гессен, С.О. Грузенберг, К.Ф. Жаков, Л.П. Карсавин, А.А. Крогиус, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, С.И. Поварнин, В.Э. Сеземан, Ф.А. Степун, С.Л. Франк, Б.В. Яковенко и др. Этот подарок и сегодня бережно хранится потомками профессора Введенского в семье его внука Ильи Михайловича Лихарева и является их главной семейной реликвией. А С.Л. Франк, А.А. Крогиус, В.Э. Сеземан в 1920-е гг. стали преподавателями Саратовского университета, украсив собою рождение и становление Саратовской психологической школы.

В 1914/1915 учебном году психологическую подготовку и преподавание смежных с психологией дисциплин в Петроградском университете осуществля-

Слева: Сергей Алексеевич Суханов (1867–1915, Санкт-Петербург) – русский психиатр, доктор медицины, ученик С.С. Корсакова, основоположник учения о патологических характерах

*Справа: Август Адольфович Крогиус (18.03.1871, Кишинев – 29.06.1933, Ленинград) – психолог, доктор медицины, основоположник российской тифлопсихологии. Начало XX в.
Из личного архива Н.В. Крогиуса*

ли несколько преподавателей кафедры философии. Исполняющий должность ординарного профессора А.И. Введенский вел занятия по психологии по 4 часа в неделю в весеннем полугодии, пособием для чего служила его книга «Психология», изданная в Санкт-Петербурге в 1914 г.

Приват-доцент С.А. Суханов обучал патологической психологии, а также читал клинические лекции с демонстрацией больных в больнице «Всех скорбящих» и вел занятия, посвященные изучению строения и функций мозга. Приват-доцент А.А. Крогиус преподавал физиологическую психологию в обоих полугодиях по 2 часа с опорой на работы Вундта, Мессера,

а совещательные часы по дисциплине проводил после лекций в психологическом кабинете кафедры.

Экстраординарный профессор И.И. Лапшин (с 1913 г. – заведующий кафедрой философии) вел практические занятия по теории познания и психологии мышления, а также по истории педагогических теорий. Приват-доцент Н.О. Лосский преподавал логику. Приват-доцент С.Л. Франк не обучал психологии в Петербургском университете, а вел занятия по философии¹, однако, поскольку после 1915 г. он приступил к разработке проблем философской психологии, можно предположить, что преподавание на его родной кафедре разных отраслей психологии – от общей (основной, по терминологии Введенско-го²) до клинической и физиологической – не могло не отразиться на формировании его научных взглядов.

Помимо работы в Петербургском университете в 1910-е гг. Франк некоторое время преподавал в Петербургском психоневрологическом институте, основанном в 1907 г. В.М. Бехтеревым. В развитии представлений Франка о душе, имевшего философскую подготовку, важную роль сыграло его участие в экспериментальных психологических исследованиях, проводимых там под руководством ученика В. Бехтерева, первого декана основного факультета института профессора Александра Федоровича Лазурского (1874–1917), читавшего общую психологию и руко-

¹ См.: Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Петроградского университета в 1914–1915 гг. URL: http://history.museums.spbu.ru/files/Obosreniya/1914-1915_Ist.pdf (дата обращения: 01.09.2016).

² См.: *Введенский А.И.* Лекции психологии. СПб., 1908; *Его же.* Психология без всякой метафизики. 3-е изд., испр. и доп. Пг., 1917.

Слева: Николай Онуфриевич Лосский (06.12.1870, Креславка, Витебской губ. – 24.01.1965, Париж) – русский философ и психолог, ученик А.И. Введенского

Справа: Иван Иванович Лапшин (23.10.1870, Москва – 17.11.1952, Прага) – русский философ-неокантианец и психолог, ученик А.И. Введенского

водившего студенческим учебно-образовательным психологическим кружком. За плечами Лазурского, автора характерологии, была работа в психологической лаборатории Вундта в Лейпциге (1901–1902), а также в лаборатории экспериментальной психологии в Гейдельбурге.

В экспериментальном анализе личности Лазурский разделял психическое на центр и периферию, душевное ядро и психическую оболочку. Именно к философскому обоснованию такого подхода подключился Франк, приняв участие в разработке второй части «Программы исследования личности в ее отношениях к среде» (1912). Лазурский писал: *«Всякая личность представляет сложное целое.*

Анализируя разнообразные проявления личности, мы с С.Л. Франком нашли возможным подразделить их на два рода: эндопсихические и экзопсихические проявления. Это деление впервые было проведено нами в “Программе исследования личности в ее отношениях к среде”. Под эндопсихикой мы понимаем всю совокупность основных психических функций, таких как восприятие, память, внимание, мышление, аффективная возбудимость, способность к волевому усилию. В понятие эндопсихики входит также и то, что обычно называют характером, темпераментом личности. Одним словом, это есть психофизиологическая основа, ядро личности. Экзопсихика есть отношение личности к различным категориям окружающей действительности. Сюда входят отношения к природе, материальным предметам, к людям, социальным группам, духовным благам: науке, искусствам, религии и также отношение личности к самой себе. Экзопсихика складывается на основе эндопсихики, но не всецело определяется ею – и экзопсихика накладывает свой отпечаток на личность. Так, например, эндопсихические особенности predispose человека к той или иной профессии; постоянные же условия профессиональной деятельности отражаются на общем облике личности»¹.

В предложенной программе Лазурского и Франка подробно описывалось 15 категорий отношений личности: к вещам, к природе и животным, к отдельным

¹ Цит. по: Лазурский А.Ф., Франк С.Л. Программа исследования личности в ее отношениях к среде // Лазурский А.Ф. Избранные труды по общей психологии. К учению о психической активности. Программа исследования личности и другие работы. СПб., 2001. С. 125.

людям, половая любовь, отношение к социальной группе, к семье, к государству, к труду, к материальному обеспечению и собственности, к внешним нормам жизни, к нравственности, к миросозерцанию и религии, к науке и знанию, к искусству и к самому себе.

В книге С.Л. Франка «Душа человека» (1917) отражены идеи многогранности, единства и целостности душевной жизни, сформулированные еще в процессе его совместной работы с Лазурским. Семен Людвигович писал: *«В организме душевной жизни мы различаем центральные части от периферических, хотя во всех частях потенциально присутствует сила и характер целого»*². Таким образом, в «Душе человека», содержащей теоретико-методологические основы философской психологии, отражены также и принципы, почерпнутые им и из экспериментальной психологии.

Знание философской психологии по трудам отечественных и зарубежных философов, разработанная собственная концепция философской психологии, научное сотрудничество с коллегами, специализировавшимися в области философской психологии и экспериментальной психологии, а также психофизиологии и патопсихологии, знание и опыт обучения психологическим дисциплинам в Петербургском (Петроградском) университете и других столичных вузах, – именно с таким научным и педагогическим багажом в области психологии прибыл С.Л. Франк в Саратовский университет в 1917 г.

² Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. С. 16.

1.1.4. Основатель саратовской психологической школы

В Саратове С.Л. Франк бывал неоднократно: в 1908 г. – в связи с женитьбой на Татьяне Барцевой, в 1909 г. молодые навещали родителей Татьяны. Однако не как гость, а с целью работать и жить здесь постоянно он прибыл в Саратов осенью 1917 г. Это был уже зрелый сорокалетний человек с богатым жизненным и профессиональным опытом. Получив признание и как ученый, и как преподаватель Санкт-Петербургского университета, в профессиональном отношении к этому времени он достиг уровня, позволившего создать собственную концепцию гносеологии и философской психологии. К тому моменту в жизни философа уже случились встречи с ключевыми в его судьбе людьми, после которых вектор его жизни менялся. Он обрел личное счастье, создал семью, у него родились дети. Его духовная биография уже содержала и открытия, и разочарования, и прозрения.

Велика роль Франка в судьбе саратовской философской и психологической научных школ, а также гуманитарного высшего образования в регионе. Франк во многом определил направление научной мысли и содержательно наполнил научный и образовательный процессы по философии и психологии, заимствуя традиции как европейской философии, так и своей родной кафедры философии Санкт-Петербургского университета, преломляя их сквозь призму своего научно-преподавательского опыта и местных условий. Однако Саратов также внес свою лепту в судьбу Семена Людвиговича.

*С. Л. Франк – декан
историко-филологического
факультета Саратовского
университета.
1917 г. Саратов*

Летом 1917 г. от Министерства народного просвещения Временного правительства в лице министра С.Ф. Ольденбурга, товарища министра по делам высшей школы В.И. Вернадского, председателя комиссии по устройству новых университетских факультетов И.М. Гревса (*«все трое меня хорошо знали, а И.М. Гревс любил и ценил меня»*, – вспоминал Франк¹) Семен Людвигович получил предложение занять должность декана вновь созданного историко-фи-

лологического факультета в Саратовском университете. Согласие Франка было получено, однако такое решение было принято им не без колебаний и не сразу. П.Б. Струве горячо убеждал Франка в целесообразности переезда в Саратов в связи с карьерным ростом от университетского приват-доцента в Петроградском университете до профессора – в Саратовском. Франк вспоминал: *«П.Б. усердно советовал мне принять предложение, несмотря на мои колебания покинуть столицу, он говорил, что в Петербурге делать нечего, и, кроме того, находил, что пред-*

¹ См.: Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 116.

ложенная мне должность может мне послужить “хорошим трамплином”»¹. Однако не столько честолюбие, сколько стремление к спокойной и обеспеченной жизни его семьи стало, по-видимому, главным побудительным мотивом переезда Франка из Петербурга в Саратов.

Петербургский период жизни Франков был вполне благополучен и комфортен. До 1917 г. они не слишком заботились об экономии денег, не знали, как можно обходиться без прислуги. Февральская революция заставила их приспособливаться к новым условиям. *«В Петербурге становилось голодно, – признавался Франк, – Саратов был родной город моей жены, там жили ее родители – и хотя я совсем не склонен был при нормальных условиях покидать Петербург и уезжать в провинцию, но теперь я принял предложение»*².

В июле 1917 г. С.Л. Франк стал сотрудником Саратовского университета – профессором по кафедре философии и деканом гуманитарного факультета. В его Формулярном списке о службе записано:

«Департамент народного просвещения предложением от 12 сентября 1917 года за № 8136 уведомил Г. Ректора Саратовского университета, что приват-доцент Петроградского университета, магистр философии С.Л. Франк утверждается и.д. ординарного профессора Саратовского университета по кафедре философии, считая с 1-го июля 1917 года, и деканом историко-филологического факультета того же Уни-

¹ Франк С.Л. Воспоминания о П.Б. Струве // Франк С.Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 488.

² Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 116.

верситета, сроком на четыре года»³. В формулярном списке о службе С.Л. Франка также сообщалось:

«И.д. ординарного профессора по кафедре философии Саратовского Университета, магистр философии Семен Людвигович Франк, православного вероисповедания, родился в Москве 16-го января 1877 г. Знаков отличия не имеет.

Содержания получает:

жалованья 3000 р.,

столов<ых> 750 р.,

квартирн<ых> 750 р.,

I пятилетн<ая> прибавка 750 р.,

по должности Декана 1200 р.,

процентной прибавки 984 р. 38 к.

Итого 7434 р. 38 к. в год.»⁴.

В какой-то степени соображения Струве о службе в Саратовском университете как хорошем трамплине в жизни Семена Людвиговича оправдались: на кафедре философии в Петроградском университете профессорской должности его коллеги дожидались 6–9 лет (Лапшин, Лосский) после защиты докторской диссертации, а в Саратове Франк получил должность профессора, будучи лишь магистром. Кроме того, годовое жалованье декана историко-филологического факультета Петербургского университета Ф.И. Брауна составляло 4200 рублей, профессора А.И. Введенского – 3000 рублей⁵. Таким образом, в Саратове

³ Формулярный список о службе и.д. ординарного профессора по кафедре философии Саратовского университета, магистра философии Семена Людвиговича Франка // Архивные находки. URL: <http://istfak-90.narod.ru/docs.htm> (дата обращения: 30.07.2016).

⁴ Там же.

⁵ См.: Список лиц, состоящих на службе в С.-Петербургском Учебном округе к 1 апреля 1913 года. С. 5, 6.

и материальные проблемы Франков решались более успешно, чем в Петербурге, что для их семьи с тремя детьми было существенно.

*«Осенью 1917 г. – вспоминал Франк, – среди всеобщей разрухи мы переселились в Саратов. Работа шла в общем дружно и хорошо, жилось неплохо»*¹. К этому времени Саратовский университет располагал несколькими корпусами: «старым» корпусом, выстроенным еще в 1896 г. по проекту архитектора А.М. Салько для фельдшерско-акушерской школы, расположившимся на пересечении улиц Никольской и Большой Сергеевской (ныне – улицы Радищева и Чернышевского), затем переданным университету, а также университетским городком – четырьмя новыми корпусами, выстроенными за три года (1910–1913) и расположившимися между улицами Большой Казачьей и Московской: два корпуса (I и II) были предназначены для Института экспериментальной медицины, III – для Физического института, IV – для Анатомического института. Вновь созданный в 1917 г. историко-филологический факультет университета разместился в IV корпусе (есть сведения, что факультетские помещения были и во II корпусе²), где ему выделили три большие лекционные аудитории (одну на 250 человек и две на 350 человек), две комнаты для практических занятий (на 30–40 человек) и шесть – для устройства кафедральных кабинетов. Таким образом, факультет занял целый этаж IV корпуса³.

¹ Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 116.

² См.: Аврус А.И. История Саратовского государственного университета: курс лекций. Саратов, 2011. С. 58–59.

³ См.: Соломонов В.А. Исторический факультет Саратовского государственного университета: Время, события, люди // Известия Са-

В течение 1917/1918 учебного года на историко-филологическом факультете было открыто несколько отделений: философское, классическое, историческое, славяно-русское, романо-германское, лингвистическое. *«Первый состав факультета, – вспоминал впоследствии Франк, – состоял из меня (философия), В.М. Жирмунского (германистика), В.А. Бутенко (всеобщая история), В.И. Веретенникова (из Харькова, русская история) и Н.К. Пиксанова (русская литература)»*⁴. Костяк факультета, как можно видеть из приведенного списка, составили первоначально бывшие приват-доценты Петроградского университета⁵ (кроме Веретенникова), ставшие профессорами в Саратовском университете. Чуть позже, в октябре 1917 г., были назначены и прибыли в Саратов на профессорские должности С.В. Меликова-Толстая (классическая философия) и М.Р. Фасмер (сравнительное языкознание)⁶, а также ученые из Петроградского университета. Как видим, новый гуманитарный факультет, открытый в Саратове Франком, начал работу силами ученых в основном дореволюционной петербургской школы.

Т.С. Франк вспоминала: *«Семен Людвигович привез с собой из Петербурга целую группу, человек 15–20 профессоров, которые теперь в России*

ратовского университета. 2007. Т. 7. Сер.: История. Международные отношения. Вып. 2. С. 6.

⁴ Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 116.

⁵ См.: Обзорение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Петроградского университета в 1914–1915 гг. URL: http://history.museums.spbu.ru/files/Obosreniya/1914-1915_Ist.pdf (дата обращения: 01.09.2016).

⁶ См.: Гапоненков А.А. С.Л. Франк в Саратовском университете // Известия Саратовского университета. 2006. Т. 6. Сер.: Философия. Журналистика. Вып. 1/2. С. 5.

либо стали академиками, либо поумирали в лагерях, как Леонид Наумович Юровский, финансист и наш большой друг. Еще Семен Людвигович привез с собой Виктора Максимовича Жирмунского, знаменитого германиста. Потом был такой молодой ученый-филолог Максим Романович Фасмер, русский немец, который потом получил кафедру при Берлинском университете. Много имен могу назвать. Николай Васильевич Болдырев, юрист, брат Дмитрия Васильевича Болдырева, который воевал у Колчака...»¹.

Ординарный профессор С.Л. Франк в 1917/1918 учебном году был единственным сотрудником кафедры философии, имел учебную нагрузку в объеме 6 часов в неделю и читал два лекционных курса – «Введение в философию» и «Логика», вел семинарий «Чтение и толкование “Prolegomena ко всякой будущей метафизике” Канта». Сопровождающий час, а также встречи со студентами на заседаниях научного кружка проводились им после лекции в университете², как и в Петроградском университете.

Став пионером преподавания психологии в Саратовском университете, С.Л. Франк привнес в учебный процесс свой наработанный к тому времени научный опыт в области психологии, а также традиции преподавания психологических дисциплин в Петер-

¹ Франк Т.С. Действительно свободные.

² См.: Обозрение преподавания на историко-филологическом факультете Саратовского университета в 1917–1920 гг. / Вступ. заметка, подготовка текста к публикации А.А. Гапоненкова // Известия Саратовского университета. 2005. Т. 5. Сер.: Филология. Журналистика. Вып. 1/2. С. 25–33.

*IV корпус университета, вид со двора университетского
городка. Выстроен в 1913 г. Архитектор К.Л. Мюфке.
1913–1917 гг. Саратов*

бургском (Петроградском) университете и других столичных вузах, где он работал по совместительству. О содержательном наполнении лекций по философии для саратовских студентов, как отмечал сам Семен Людвигович, можно судить по учебному пособию «Введение в философию», в предисловии к которому Франк написал: «В основу предлагаемого "Введения в философию" положен конспект курса лекций, неоднократно читанного мною сперва в Петроградском, а потом в Саратовском университете в 1914–1921 гг. Этим объясняется намеренная сжатость изложения: книжка имеет своим ближайшим назначением служить пособием студентам при слушании курса»³.

³ Франк С.Л. Введение в философию. 2-е изд., испр. Берлин, 1923.
URL: http://www.odinblago.ru/vvedenie_v_filosofiu (дата обращения: 29.03.1917).

IV корпус университета «Анатомический институт» со стороны ул. Б. Казачьей с пристроенной часовней во имя Св. Николая Чудотворца, в которой отпевали умерших (ныне – здание Медуниверситета, ул. Б. Казачья, 112). Саратов, 1932 г. Выстроен в 1913 г. Архитектор К.Л. Мюфке. Далее виден III университетский корпус (физический)

Поначалу в Саратове Франк с женой, детьми – Виктором, Натальей и Алексеем, а также няней и кухаркой поселился в доме лютеранского общества в большой квартире на Армянской улице.

Дом на Армянской улице напротив северо-восточного угла сада «Липки», в котором поселились Франки, был замечателен тем, что в 1841–1845 гг. в нем проживала семья саратовского губернатора А.М. Фадеева, деда философа Елены Блаватской, которая провела в нем отрочество. Впоследствии дом принадлежал лютеранскому обществу, а в 1960-е гг. был снесен. Сегодня на месте этого дома, стоявшего

на пересечении улиц Соборной и Армянской (ныне Волжской), расположено издательство «Слово».

Татьяна Сергеевна вспоминала: *«Квартиру мы там получили в таком немецком доме, который прежде принадлежал лютеранскому обществу, где собирались на балы и на всякие вечеринки. Из этой квартиры, в которой был большой зал, большие комнаты, мы сделали с помощью мастеров и плотников чудное жилище. Одним словом, устроились все замечательно. И все профессора наняли себе частные квартиры, и жили очень хорошо...»*¹.

Далее Татьяна Сергеевна так высказалась о начальном периоде пребывания их семьи в Саратове в 1917–1918 гг.: *«Жизнь петербургская и провинциальная – это огромная разница. Там [в Саратовском университете] были только медики, был медицинский факультет, и люди, которые жили там по многу лет, это провинциальное хлебосольство, невероятное обилие продуктов, всего, чего хотите. Так что мы катались, как сыр в масле, этот год, зиму, вернее... Семен Людвигович открыл факультет... Первый год был блестящий, в смысле внешних условий...»*².

По случаю начала занятий в университете 13 октября 1917 г. на историко-филологическом факультете состоялась открытая лекция профессора С.Л. Франка о важности гуманитарных наук для общества. Алексис Бэбин, американский преподаватель английского языка в Саратовском университете, записал в своем дневнике впечатление об этом выступлении Франка: *«... Говорит скудно. На лекции присутствовало*

¹ Франк Т.С. Действительно свободные.

² Там же.

*Дом на Армянской улице, где поселились Франки в 1917 г.
1926 г. Саратов*

довольно много народу, раздавались всплески аплодисментов. Смысл ее был здравый и консервативный – призыв к распространению культуры, дабы спасти страну от условий, подобных нынешним»¹.

Однако в своих воспоминаниях Т.С. Франк, слушавшая в начале 1900-х гг. лекции Семена Людвиговича в Петербуге, описала его особую манеру преподнесения учебного материала, состоявшую в единстве содержательного наполнения лекции с переживаниями лектора. Она говорила: *«Глаза его смотрели как-то проникновенно и светло. И когда он читал, то всякий слушающий его знал и чувствовал, что он читает не просто, а как-то особенно, вкладывая в свои лекции не только свои мысли, но и “какие-то” чувства, не*

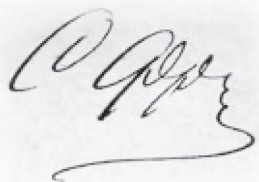
¹ Цит. по: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 129.

в смысле сентиментальности, а в смысле того, что проникало все его существо. Читал он тихо, спокойно, не повышая голоса, ровно, убежденно»².

Как же можно объяснить резкую перемену лекторского стиля у Семена Людвиговича, произошедшую в Саратове? Говорить «скучно» означает отсутствие в душевном состоянии лектора единства внешнего и внутреннего, озвучиваемой аудитории информации с истинным отношением к высказываемому содержанию, личное самоустранение лектора от происходящего: лектор сам по себе, а передаваемое содержание, процесс говорения и слушающая аудитория – сами по себе. Для Франка, и в науке и в жизни всегда стремившегося к единству и целостности, такое расщепление и несоответствие было не свойственно и могло означать переживаемое им особое состояние души.

Попробуем разобраться. Семен Людвигович признавался, как было выше сказано, что жилось им первое время в Саратове *«неплохо»*. Действительно, семья не нуждалась и была обеспечена жильем, работа по содержанию во многом совпадала с прежней, круг общения составили приглашенные им коллеги из Петроградского университета. Как видим, на первых порах в Саратове Франку удалось в некоторой степени калькировать петербургский образ жизни. Вместе с этим его внутреннее состояние изменилось.

Содержание первой публичной саратовской лекции не было для Франка вновь созданным. Тремя

² Цит. по: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 69.

месяцами раньше, в июле 1917 г., находясь еще в Петрограде, он в предисловии к своей книге «Душа человека» написал: *«Русскому обществу среди тягчайших испытаний родины – казалось бы – не до науки вообще, а тем более не до отвлеченных философских рассуждений. Но ... в чем бы ни заключался конкретно выход из переживаемого нами кризиса, не подлежит сомнению, что единственный путь к нему – повышение духовного уровня нашей культуры, углубление плоскости обсуждения всех жизненных вопросов, преодоление всяческого невежества, варварства и одичания. В этом смысле и философ имеет право верить, что своей независимой мыслью он посылно содействует духовному и общественному возрождению своей родины»*¹.

Неизменность содержания, выражаемого публично как летом 1917 г. в Петрограде, так и осенью того же года в Саратове, может свидетельствовать о перемене самого Франка, точнее – его системы отношений и переживаний, сформированных уже в Саратове. По-видимому, приехав в Саратов с верой на возрождение родины, здесь он начал приходить к мысли, что его надежды на преодоление кризиса через духовное и общественное возрождение родины, быть может, тщетны, а следовательно, и усилия философа в этом направлении, возможно, лишаются смысла. Несмотря на то, что он продолжал вести беседу о содействии возрождению родины на публичной лекции в Саратовском университете, глубокой веры в то, о чем говорил, по-видимому, уже не было, поэтому вполне

¹ Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. С. 5.

убедительным быть не мог и аудитория это тонко почувствовала.

Из внешней же канвы событий фактором, повлиявшим на душевное равновесие Франка, могла быть забастовка более 200 служащих университета, состоявшаяся 4–11 октября и сорвавшая многие практические занятия². Случившееся нарушение естественного хода университетской жизни накануне его первой, инициальной лекции в новом качестве в другом университете могло быть воспринято Франком как одно из знаковых событий, означавшее начало разброда и разрухи, которые он уже видел в Петрограде и от которых стремился скрыться в Саратове. Возможно, ему, как интуитивисту, человеку мистического склада, уже предчувствовались будущие трудности и опасности, подстерегавшие его и семью уже в провинции.

Обстановка в Саратове и университете осенью 1917 г. становилась все более непростой. После Октябрьского переворота занятия во многих саратовских учебных заведениях прекратились. Однако 12 ноября 1917 г. состоялось общее собрание преподавателей высших учебных заведений Саратова с представителями студенчества, которое осудило захват власти большевиками и решило возобновить чтение лекций. Вместе с тем позиция непринятия свержения Временного правительства в вузовской среде не была всеобщей. Так, в один и тот же день, 19 ноября 1917 г., состоялось два собрания студентов Саратовского университета – одна часть студентов подтвер-

² См.: СГУ в годы революции и гражданской войны. URL: <http://www.sgu.ru/en/node/3160> (дата обращения: 02.12.2016).

дила свое решение бороться с большевиками вплоть до академической забастовки, а другая высказалась за сотрудничество с новой властью¹.

Известно, что Февральская революция и приход к власти Временного правительства были встречены Франком с радостью. В феврале 1917 г. он писал: *«Первые дни революции были ярко окрашены духом благородства. Народная душа, после пронесшейся грозы, прояснилась, подобрела, облагородилась; стало легко дышать, люди стали внимательнее и вежливее друг к другу... Во главе России стали лучшие русские люди, дорогие, всеми ценимые имена»*². В связи с этим личная политическая позиция Франка осенью 1917 г. не вызывает сомнений: он был на стороне тех, кто осудил Октябрьский переворот.

Подтверждение находим в письме Франка М. Гершензону от 12 декабря 1917 г.: *«Живем, мы, конечно, очень плохо (в сентябре того же года оценка, высказанная Франком, была положительная: «живем неплохо». – Прим. авт.) во власти темной озлобленной толпы, как и всюду. При нормальных условиях здесь можно было бы ужиться, найти 2-3 человек, с которыми можно потолковать и плодотворно работать в университете, но теперь (выделено нами. – А.Ю.) действительно тяжело во многих отношениях. Как-то теряется всякий вкус и интерес к творчеству и к самой жизни. Мысль по привычке работает – многое хотелось бы сказать, но кому и для чего? Кроме того, все слова, на которые мы способ-*

¹ См.: СГУ в годы революции и гражданской войны.

² Цит. по: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 124.

ны, кажутся ничтожными перед лицом пережитого. Не для того, чтобы помочь и спасти, – это уже поздно, – но чтобы осмыслить и оценить свершившееся, нужно иметь язык пророков. Мне кажется, что наши слабые интеллигентские души просто не приспособлены к восприятию мерзостей и ужасов в таком библейском масштабе, и могут только впасть в обморочное оцепенение. И исхода нет, п<отому> ч<то> нет больше родины. Западу мы не нужны, России тоже, п<отому> ч<то> она сама не существует, оказалась ненужной выдумкой. Остается замкнуться в одиночестве стоического космополитизма, т<о> е<сть> пытаться жить и дышать в безвоздушном пространстве. Так когда-то жил Герцен. Невесело!»³

По опубликованным выдержкам можно проследить эволюцию отношения Франка (от восторженного в феврале 1917 г. до печально-разочарованного в декабре 1917 г.) к переменам в общественно-политическом строе России и понимания им своего положения, а также положения научной российской интеллигенции:

– Петроград, февраль 1917 г., переход власти от царского к Временному правительству: *«Стало легко дышать...»*;

– Петроград, июль 1917 г., власть Временного правительства: *«Русскому обществу среди тягчайших испытаний родины – казалось бы – не до науки вообще»*, но все же живет надежда, что еще есть *«выход из переживаемого нами кризиса»*, и поэтому

³ Франк С.Л. Из писем М.О. Гершензону / публ., подготовка текста, вступ. ст. и коммент. М.А. Колерова // De visu. 1994. № 3/4. С. 29.

«философ имеет право верить, что своей независимой мыслью он посылно содействует духовному и общественному возрождению своей родины»;

– Саратов, осень 1917 г., власть Временного правительства: *живется «неплохо»;*

– Саратов, декабрь 1917 г., власть большевиков: *«Живем, мы, конечно, очень плохо, во власти темной озлобленной толпы», и «исхода нет, потому что нет больше родины... Невесело!»*

Итак, к декабрю 1917 г. Франк постепенно пришел к пониманию того, что *«родины больше нет»*.

Первоначально Франк намеревался работать деканом историко-филологического факультета Саратовского университета, по крайней мере, 4 года (в соответствии с формулярным списком, с 1917 г. по 1921 г.), в реальности же в должности декана он проработал с 1 июля 1917 г. по 22 сентября 1918 г.¹, т.е. всего один учебный год. Однако сделано в этой должности им было немало.

Историко-филологический факультет Саратовского университета постепенно рос и развивался. Так, в 1917 г. на первый курс нового факультета было принято 183 человека (в том числе 121 вольнослушатель), а в 1918 г. факультет был подготовлен к обучению уже 810 человек². Постепенно увеличивался и преподавательский состав: в 1917/1918 учебном году общее число преподавателей составило 9 человек (из них 7 были профессорами), а в 1918/1919

¹ См.: Соломонов В.А. Исторический факультет Саратовского государственного университета: Время, события, люди // Известия Саратовского университета. 2007. Т. 7. Сер.: История. Международные отношения. Вып. 2. С. 19.

² См.: Там же. С. 6.

учебном году в обучении стали участвовать уже 17 преподавателей (в том числе 13 профессоров)³.

Франк активно занимался поиском преподавателей на новый факультет. Так, 12 декабря 1917 г. он писал М.О. Гершензону: *«У меня мечта перетянуть сюда как можно больше культурных сил. Если Вы знаете молодежь, заслуживающую в этом отношении внимания, то рекомендуйте нам, пожалуйста...»*⁴. Работа в этом направлении дала результат уже в самом скором времени: с апреля по сентябрь 1918 г. в преподавательский состав вошли ученые из Московского университета, ставшие профессорами в Саратовском университете – Н.Н. Дурново (кафедра русского языка), Ф.В. Баллод (кафедра теории и истории искусства), по личной рекомендации Франка Н.С. Арсеньев (кафедра романо-германской филологии), а также из Воронежа – Г.А. Ильинский (кафедра славяноведения)⁵ и др.

Поначалу на вновь созданном факультете была принята предметная система преподавания, введенная Франком, с возможностью свободного выбора студентами предметов и разрешения перехода с одного отделения на другое в рамках факультета (с набором обязательно сданных испытаний)⁶, как это было

³ См.: Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Саратовского университета в 1917–1920 гг. / вступ. заметка, подготовка текста к публикации А.А. Гапоненкова // Известия Саратовского университета. 2005. Т. 5. Сер.: Филология. Журналистика. Вып. 1/2. С. 25–33.

⁴ Цит. по: Гапоненков А.А. С. Л. Франк в Саратовском университете // Известия Саратовского университета. 2006. Т. 6. Сер.: Филология. Журналистика. Вып. 1/2. С. 6.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Саратовского университета в 1917–1920 гг. С. 25.

в Петербургском (Петроградском) университете¹. По инициативе С.Л. Франка по отдельным вновь появившимся кафедрам начали работу научные студенческие кружки, были открыты кабинеты со специальными библиотеками².

По инициативе Семёна Людвиговича при университете было создано Саратовское философско-историческое общество, целью которого было научное гуманитарное просвещение населения. 24 марта 1918 г. состоялось первое собрание общества, на котором выступили профессора С.Л. Франк с докладом «О научно-просветительских задачах нашего времени» и Н.К. Пиксанов. Председателем общества был избран С.Л. Франк, товарищами председателя – профессора В.А. Бутенко и В.И. Веретенников, секретарем – профессор В.М. Жирмунский, казначеем – профессор Л.Н. Юровский. Более чем за год состоялось 12 заседаний общества, было сделано 17 докладов в корпусе «старого университета» на ул. Б. Сергеевская, организовано лекционное бюро.

Докладчиками на заседаниях общества были С.Л. Франк (выступил с лекциями «О сущности искусства», «Происхождение науки»), В.М. Жирмунский, Б.М. Эйхенбаум (с лекцией «О мелодике русского лирического стиха», был приглашен в Саратов из Петрограда), Н.Н. Дурново и др. Удивительным было то, что на фоне потрясений в общественно-поли-

¹ См.: Обзорение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Петроградского университета в 1914–1915 гг. URL: http://history.museums.spbu.ru/files/Obosreniya/1914-1915_Ist.pdf (дата обращения: 01.09.2016).

² См.: Гапоненков А.А. С.Л. Франк. URL: <http://www.sgu.ru/structure/philological/history/history/frank> (дата обращения: 02.09.2016).

тической жизни, голода, холода, всеобщей разрухи и криминального разгула публичные лекции и диспуты, организуемые обществом, привлекали в нетопленные аудитории университета сотни горожан³.

И все же, по свидетельству Т.С. Франк, *«17–18-й годы, до весны 18-го, прошли благополучно...»*⁴. С наступлением же весны стали происходить события, которые заставили Семена Людвиговича уйти с поста декана историко-филологического факультета. Так, известно, что именно весной 1918 г. произошли принципиальные изменения в системе университетского администрирования: если до этого времени правление университета состояло из ректора, проректора и деканов, то реформой правления, начатой большевистским Советом народного образования, была инициирована демократизация правления через введение в администрацию представителей различных университетских слоев вплоть до низовых структур. В начале мая 1918 г. прошли 2 заседания делегатов университетских групп Саратовского университета, на которых было решено пополнить правление университета представителями служащих, студентов, лаборантов⁵. Понятно, что при таком положении вещей роль декана в управлении факультетом резко снижается, т.к. окончательное решение по возникающим вопросам (организационным, кадровым, учебным, научным) ему принадлежать

³ См.: Гапоненков А.А. С.Л. Франк в Саратовском университете. С. 7; 1918 год. 24 марта. Первое собрание философско-исторического общества Саратовского университета. URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/chronograph/439282/> (дата обращения: 02.12.2016).

⁴ Франк Т.С. Действительно свободные.

⁵ См.: СГУ в годы революции и гражданской войны.

*Корпус «старого» университета,
расположенный на пересечении улиц Никольской
и Б. Сергеевской (Чернышевского).
Архитектор А.М. Салько.*

В настоящее время – Саратовский медицинский колледж.

не может. По этой или по какой-либо иной причине, однако, предположительно, к окончанию весеннего семестра и началу летнего отпуска Франк подал заявление о досрочной отставке с поста декана. К этому выводу приводит сопоставление дат следующих событий: к 22 августа он в документах именуется только как ординарный профессор¹, а 22 сентября деканом историко-филологического факультета уже избирается В.А. Бутенко².

¹ См.: Паспортная книжка // Франк С.Л. Саратовский текст. С. 12.

² См.: Соломонов В.А. Указ. соч. С. 19.

Занятия в университете в 1917/1918 учебном году закончились 27 апреля, а в мае начались экзамены. В эти же майские дни в Саратове был подавлен военный контрреволюционный мятеж, усилились репрессии, начались гонения на церковь³. Летом 1918 г., как сообщила Татьяна Сергеевна, Франки в компании своих друзей переехали на дачу под Саратовом⁴. На дачах, в кругу единомышленников, Франки также проводили летние каникулы и в петербургский период своей жизни.

Таким образом, поменяв в 1917 г. географию, Семен Людвигович попытался в новых саратовских условиях сохранить прежнее содержание своей работы, привычный круг общения и петербургский образ жизни, другими словами – воссоздать свой Петербург в Саратове. И поначалу многое ему удалось. Однако с приходом к власти большевиков надежды и мечты рухнули.

В следующем 1918/1919 учебном году на кафедре философии трудились уже два профессора: С.Л. Франк и А.Ф. Преображенский. Семен Людвигович по два часа в неделю читал лекции по курсам «Психология» и «Социальная философия», а также вел семинарий (2 часа) по основным вопросам психологии. Алексей Феоктистович вел курс «Основные проблемы философии религии» (2 часа)⁵.

³ См.: Гапоненков А.А. С.Л. Франк в Саратовском университете. С. 7.

⁴ Франк Т.С. Действительно свободные.

⁵ См.: Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Саратовского университета в 1917–1920 гг. / вступ. заметка, подготовка текста к публикации А.А. Гапоненкова // Известия Саратовского университета. 2005. Т. 5. Сер.: Филология. Журналистика. Вып. 1/2. С. 25–33.

Актом огромного мужества было принятие Франком на курируемую им кафедру философии священника Преображенского, к тому времени безработного, поскольку с принятием 23 января 1918 г. большевистского Декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви кафедра православного богословия, возглавляемая Преображенским в Саратовском университете, была ликвидирована, а служба в университете Алексея Феоктистовича стала проблематичной.

Протоиерей, ученый-богослов, **Преображенский Алексей Феоктистович**¹ (14(26).08.1875, Ярославская губерния – 1920, Саратов) родился в семье заштатного священника. В 1898 г. он окончил Ярославскую духовную семинарию и был удостоен степени кандидата богословия с правом преподавания в семинарии и с правом получения степени магистра богословия без нового устного испытания. Продолжил образование в Казанской духовной академии, которую закончил в 1898 г. со степенью кандидата богословия. С 1898 г. он состоял профессорским стипендиатом при кафедре общей церковной истории Казанской духовной академии. Был направлен в командировки сначала в Санкт-Петербург, где собирал материал в Синодальном архиве, а затем в Стамбул и Афины для добывания сведений в зарубежных архивохранилищах. После возвращения из командировки приказом обер-прокурора Святейшего Синода от 15 октября 1899 г. был на-

¹ См.: Соломонов В.А. Профессор православного богословия Саратовского университета Алексей Феоктистович Преображенский (1875–1920). URL: <http://kds.eparhia.ru/bibliot/konferencia/cerkovnaiaistoria/solomonov/> (дата обращения: 20.02.2018).

значен преподавателем основного, догматического и нравственного богословия в Орловскую духовную семинарию. С 10 июня 1902 г. возобновил службу в родной Казанской академии, заняв место исполняющего должность доцента по кафедре гомилетики и истории проповедничества.

В 1906/1907 учебном году Преображенский вновь был командирован в Стамбул для завершения диссертации на тему «Григорий V, патриарх Константинопольский. Обзор его жизни и деятельности». Защита диссертации состоялась 1 декабря 1906 г., и А.Ф. Преображенский получил ученую степень магистра богословия. В том же году его утвердили в звании доцента. С 19 ноября 1909 г. его назначили экстраординарным профессором кафедры гомилетики и истории проповедничества Казанской духовной академии.

Вся дальнейшая судьба Алексея Феоктистовича с 1910 г. и до смерти в 1920 г. была связана с Саратовом. В Саратовском Императорском Николаевском университете в 1910 г. он был утвержден в должности профессора, заведующего кафедрой православного богословия. Являясь членом правления Саратовского университета, А.Ф. Преображенский всегда принимал самое живое участие во всех университетских общественно значимых начинаниях и мероприятиях.

8 ноября 1911 г. Саратовский университет широко отметил двухсотлетие со дня рождения М.В. Ломоносова. В актовом зале было устроено торжественное заседание с тремя докладами, первый из которых, посвященный Ломоносову как поэту, был поручен

*Профессор
А.Ф. Преображенский
(в центре),
слева – профессор
В.Д. Зёрнов
(фрагмент фото)
1914 г. Саратов*

профессору богословия А.Ф. Преображенскому. Алексей Феоктистович, человек высокообразованный, церковный историк по специальности, сделал очень хороший обзор деятельности Ломоносова в области литературного творчества.

Деятельность Алексея Феоктистовича не ограничивалась активной университетской жизнью. В 1910 г. он был рукоположен в сан диакона, затем священника, а с марта 1912 г. возведен в сан протоиерея. Помимо преподавания в университете занимался духовно-педагогической деятельностью в Саратов-

ской духовной семинарии, с августа 1912 г. преподавал Закон Божий в 1-й мужской гимназии, с августа 1913 г. – в учительском институте, а с 1914 г. – в Саратовском Мариинском институте благородных девиц.

От Саратовского университета протоиерей, профессор богословия А.Ф. Преображенский принял участие в работе Поместного Собора Православной российской церкви 1917 г. по избранию патриарха.

В октябре 1917 г. произошел перелом в российской общественной жизни, отразившийся и на судьбе про-

фессора А.Ф. Преображенского. После принятия Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, вступившего в силу 5 февраля 1918 г., кафедра богословия в университете была ликвидирована. Алексей Феокистович лишился основного места службы и остался фактически с женой и тремя детьми без средств к существованию. С.Л. Франк рискнул и добился, несмотря на гонения на церковь, принять профессора-богослова на университетскую кафедру философии на 1918/1919 учебный год. Однако потом Преображенский вновь оказался безработным. В марте 1919 г. Алексей Феокистович попытался устроиться университетским библиотекарем, но его не приняли¹.

На заседании ученого совета Саратовского университета от 28 апреля 1920 г. ректор университета профессор В.Д. Зёрнов счел своим долгом известить членов совета о преждевременной смерти на 45 году жизни от сыпного тифа бывшего профессора Саратовского университета по кафедре православного богословия А.Ф. Преображенского и предложил почтить его память вставанием, что и было сделано.

Преподавание психологии не в рамках философии, а как самостоятельной учебной дисциплины началось Франком в Саратовском университете в 1918/1919 учебном году: Семен Людвигович по 2 часа в неделю читал лекции по курсу «Психология», а также вел семинарий (2 часа) по основным вопросам психологии. Содержательное наполнение курса можно понять

¹ См.: URL: <http://baza.vgdru.com/1/25950/all.htm> (дата обращения: 15.12.2016).

по названным к курсу пособиям: Джемс «Психология»¹, Геффдинг «Очерки психологии»², Введенский «Психология без всякой метафизики»³.

Вильям Джемс (1842–1910) – первый американский профессор, начавший преподавать психологию в Гарвардском университете – разрабатывал психологию как естественную науку, однако в книге «Психология» содержался материал, относящийся как к экспериментально-лабораторной модели психологии, так и к гуманитарной психологической традиции. Автор считал, что к моменту написания книги (1892) психология еще не была научной дисциплиной, а была неким обещанием в будущем стать наукой.

В книге «Очерки психологии, основанной на опыте» Г. Геффдинг (1843–1931), датский философ, психолог и теолог, определил отношение психологии к философии; рассмотрел проблемы соотношения души и тела, сознания и бессознательного; выделил три рода психических явлений: познание, чувства и воля.

А.И. Введенский, русский философ, психолог, в работе «Психология без всякой метафизики» ставил вопрос о выведении за пределы психологии учения о душе и о сущности психического, а предметом психологии считал психические явления. Признавая существование экспериментальной психологии, психофизики, физиологической психологии, он все

¹ См.: Джемс В. Психология. URL: http://www.goldbiblioteca.ru/online_psihologiya/online_psistr6/536.php (дата обращения: 15.12.2016).

² См.: Геффдинг Г. Очерки психологии, основанной на опыте. М., 1896.

³ См.: Введенский А.И. Психология без всякой метафизики. СПб., 1914.

же полагал, что научная психология возможна лишь как описательная наука.

Из приведенных данных можно сделать вывод, что в курсе «Психология», открывшем преподавание психологии в Саратове, Франк учитывал опыт американской, европейской и российской наук. Специализируясь в области философской психологии, он не ограничивался исключительно гуманитарной традицией, но и обращался к обсуждению других подходов (экспериментальный, материалистический), существующих в психологическом знании. Вместе с тем он представлял слушателям как психологию, включающую в свой предмет душу (философская психология), так и психологию «без всякой метафизики» (по А.И. Введенскому). Наконец, отметим, что названные Франком авторы, чьи работы составили основу его курса, не были атеистами и в свои научные парадигмы включали теологический компонент, что, несомненно, было близким мировоззренческой позиции Франка.

Кроме того, из воспоминаний ученика Франка Г.П. Иванова известно, что в 1918/1919 учебном году Семен Людвигович проводил семинар «Современные теории познания» по своей книге «Предмет знания», семинар по психологии он проводил на основе другой своей книги «Душа человека». «В этой книге, – вспоминал Г.П. Иванов, – он резко отрицательно оценил современную эмпирическую психологию и особенно экспериментальную психологию и утверждал правомерность идеального учения о душе»⁴.

Можно утверждать, что в преподавании психологии в Саратовском университете Франк сохранил

⁴ Цит. по: Маслов К.С. Указ. соч. С. 380.

традиции, заложенные философскими психологами петербургской школы – Владиславлевым и Введенским – и сложившейся к 1917 г. практикой преподавания психологии в Петербургском (Петроградском) университете. Так, если обратиться к работе А.И. Введенского «Лекции психологии»¹, используемой в преподавании психологии в Петербурге, то можно видеть, что автор рекомендовал обучающимся свои работы, а также «Психологию» Джемса, работы Владиславлева, Челпанова, т.е. труды психологов идеалистической школы. Вместе с тем в число рекомендаций вошли книги Штернинга «Психопатология в применении к психологии (перевод А.А. Крогиуса), Вундта «Основания физиологической психологии», Сеченова «Рефлексы головного мозга», Бехтерева «Психика и жизнь», т.е. труды представителей естественно-научного направления в психологии. В разделе «Сочинения, представляющие исторический интерес» Введенский выделил работы философов Гегеля, Гербарта, Канта, Локка, Лейбница, Лотца и др. Таким образом, собственно философская психология также была представлена в работе, но только в историческом аспекте.

Историко-философский принцип в психологии был реализован Франком при работе со студентами в Саратове в рамках научного кружка. Так, в отчете о деятельности кафедры философии за 1918 г., представленном заведующим кафедрой профессором С.Л. Франком, названы имена студентов, подготовивших научные доклады, а также их тематика: «Студ. Крупянская написала доклад на тему “Поня-

¹ См.: Введенский А.И. Лекции психологии. СПб., 1908.

тие психологии по Ганникену”; студ. Богданов “Понятие психологии по Пфендеру”; студ. Руднянский “Учение Штумпфа о явлениях и психических функциях”; студ. Советов, Беркович, Кортнев писали о классификации и анализе психических явлений у Пфендера; студ. Логинов “Самопознание ощущений и чувства по Липпсу”; студ. Никольская “Учение Пфендера о самосознании и личности”; Степанов – “Основные учения психологии Н.О. Лосского”...»².

Как видно из обозначенной тематики научной работы студентов, руководимой Франком, ее содержание составили исследования в области истории психологической мысли в философских учениях, или философской психологии, в то время как преподавание общего психологического курса не ограничивалось только философской психологией.

К началу нового учебного года начал меняться образ жизни саратовской профессуры. Осенью 1918 г. решением саратовских городских властей было проведено уплотнение жилищ, квартиры профессоров превращались в «постоялые дворы» с множеством временных жильцов³, что, безусловно, не давало возможности вузовским работникам трудиться плодотворно ни как преподавателям, ни как ученым. Коснулась эта беда и семьи Франка. В письме к М.О. Гершензону от 5 октября 1918 г. Семен Людвигович так описал быт того периода: *«Разгром, которому мы подверглись, состоит в том, что власть тут выселила чуть не полгорода из квартир и все-*

² Цит. по: Гапоненков А.А. С. Л. Франк в Саратовском университете. С. 8.

³ См.: СГУ в годы революции и гражданской войны.

лила их в другие. К нам перебрались выселенные родственники Татьяны Сергеевны в количестве 10 чел. и кроме того семья Н.В. Болдырева (5 чел.), итого с нами и прислугами 23 чел. Квартира представляет собой соединение постоянного двора с мебельным магазином. К этому присоединяется возможность быть выселенными и из этой квартиры, из-за чего приходится жить на бивуаках, не раскладываясь»¹.

Совместное проживание Франков с семьей Н.В. Болдырева (30.04.1883–25.09.1929, Ленинград) не было случайным. Семена Людвиговича и Николая Васильевича объединяла прежняя общая служба приват-доцентами в Петроградском университете (Николай Васильевич трудился там на кафедре государственного права с 1915 г., а затем – кафедре энциклопедии права и истории философии права), а в 1917 г. они оба стали профессорами и деканами вновь открытых факультетов Саратовского университета, Николай Васильевич – юридического факультета (с 1 июля 1917 г. до конца 1917 г.). Таким образом, если Франк основал в Саратове философскую и психологическую научные школы, то Болдырев – юридическую. Кроме того, Франка и Болдырева сближало общее православное мировоззрение. Жена Болдырева, Елизавета Васильевна, и Татьяна Сергеевна Франк стали близкими подругами на долгие годы.

Об этом периоде их жизни Татьяна Сергеевна вспоминала так: *«И тут уже начались ужасные трудности. Есть было нечего, топить квартиру, хотя*

¹ Цит. по: Гапоненков А.А. С.Л. Франк в Саратовском университете. С. 6–7.

было центральное отопление, тоже было трудно. Все это легло уже на нас, не было никаких ни консервов, ни сторожей. Жена Николая Васильевича Болдырева взяла на себя обучение детей, я же взяла на себя хозяйство, то есть находить продукты и кормить всю эту огромную семью. Присоединился еще приятель моего мужа, профессор естественных наук Елпатьевский, племянник писателя Сергея Яковлевича Елпатьевского, со своими сыном и дочерью. То есть за стол садилось 12–15 человек. Обычно на тухлую селедку и на картошку. И эту зиму дело дошло до того, что просто часто вставал вопрос, что кормить нечем. Наверху, в том же доме, умирал мой отец от паралича, моя сестра получала карточки больного. Часто по этим карточкам она получала спички и орехи. Это был лишний паек на больного человека. И к Новому году я спрятала какой-то кусок соленой рыбы, приправила его мерзлой морковкой и отнесла папе наверх, чему он был страшно рад. Описывать день за днем не стоит, потому что становилось все хуже и хуже...»².

Осенью 1918 г. «все хуже и хуже» становилось и в университетской жизни. 1 октября 1918 г. СНК РСФСР принял Декрет об отмене ученых степеней и званий. В связи с этим предполагавшаяся в Казани защита Франком докторской диссертации не могла состояться.

Работать со студентами в то время было не просто. Профессура в большинстве осуждала октябрьский переворот в стране и его последствия, а вот студенческая среда в политическом самоопределении не была такой

² Франк Т.С. Действительно свободные.

же однородной. Так, на общем собрании первокурсников историко-филологического факультета, состоявшемся 31 октября, большинством голосов было постановлено признать празднование годовщины Октябрьской революции необязательным, однако 3 октября в первом корпусе университета состоялось собрание студентов, стоявших на платформе советской власти. Конфликт позиций студентов не мог ограничиться только внутренним противоборством в среде молодежи, он неизбежно должен был порождать столкновения между преподавателями «старой» школы и студентами левого толка. Тем более, что 10 ноября Народный комиссариат просвещения принял постановление об отмене государственных экзаменов в вузах, упразднении дипломов, круглогодичном приеме текущих экзаменов, а 18 ноября было принято Постановление Наркомпроса «О заведовании студенческими делами и об участии студентов в управлении вузами». В результате в феврале 1919 г. произошла реорганизация Правления Саратовского университета: в него вошли 7 представителей преподавателей и других сотрудников и 7 представителей студентов, причем все наделялись правом решающего голоса¹.

Со стороны властей начиналась явная травля профессорско-преподавательского состава университета. Так, в декабре 1918 г. коллегия отдела народного образования Саратовского совета решила заменить лекционную систему преподавания в университете на дискуссионную ввиду «контрреволюционного направления профессорских лекций и рекомендованных ими пособий». А в начале февраля 1919 г.

¹ См.: СГУ в годы революции и гражданской войны.

в «Саратовских известиях» появились статьи против конкретных преподавателей историко-филологического факультета, коллег Франка – профессоров В.М. Жирмунского и А.Ф. Преображенского с обвинениями их в мистике и черносотенстве (!)².

В сентябре 1918 г. П.Б. Струве обратился к Франку с просьбой подготовить статью для социально-политического философского сборника, в котором бы давалось понимание судеб России и революции. Название сборнику было предложено Франком – «Из глубины» (М., 1918). Авторами стали С.А. Аскольдов (сын философа А.А. Козлова), Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В. Иванов, Д.С. Изгоев, С.А. Котляревский, В.Н. Муравьев, П.И. Новгородцев, И.А. Покровский, П.Б. Струве, С.Л. Франк. Сразу же после выхода сборника в свет он был запрещен большевиками к распространению.

Название «Из глубины» было и прочувствовано, и заимствовано Франком из Псалма 129, начинающегося первым стихом: *«Из глубины воззвах к тебе, Господи; Господи, услыши глас мой»*, и заканчивающегося шестым стихом: *«Яко у Господа милость, и многое у него избавление; и Той избавит Израиля от всех беззаконий его»*.

Выражение «из глубины» в качестве названия сборника может означать «из глубины души», и в то же время – «из глубины России» (глубинка – провинция). Содержание 129 Псалма раскрывает сквозную идею статьи Франка в этом сборнике “De profundis”³,

² См.: СГУ в годы революции и гражданской войны.

³ См. Франк С.Л. De profundis // Из глубины. Сборник о русской революции. URL: <http://www.vehi.net/deprofundis/frank.html> (дата обращения: 27.11.2016).

наполненную глубокой надеждой на избавление, с Божьей помощью, России от постигших ее бед. *«Бездной падения»*, в которую провалилось и беспомощно барахтается *«некогда могучее, ныне агонизирующее государственное тело»* и российское общество назвал Франк переживаемое Родиной состояние. Анализируя причины *«головокружительной быстроты падения всего лучшего и возвышения всего худшего»* в ходе русской революции, он пришел к выводу, что главная находится в общей слабости духовных начал в России. Поэтому и преодоление *«национальной болезни»* возможно только при помощи идеала *«религиозной осмысленности и национально-исторической обоснованности общественной и политической культуры»*.

В этой единственной написанной в Саратове работе Франк еще выражал надежду на «выздоровление» России. *«Крушение кумиров»*¹ произойдет немного позже, когда придется поскитаться по саратовской глубинке, посидеть в московской тюрьме и быть изгнанным со своей Родины. В 1926 г. в книге *«Смысл жизни»* он напишет: *«Жизнь являлась нам спокойной и устойчивой, когда у каждого из нас было наше естественное и разумное дело...»*. Однако *«прежние, благополучные времена»* прошли, произошло *«ужасающее потрясение и разрушение всей нашей общественной жизни»*... И *«мы... с горьким и бесполезным раскаянием осуждаем наше собственное легкомыслие, небрежность и слепоту, с которой мы дали разрушить в России все основы нормальной, счаст-*

¹ См.: Франк С.Л. Крушение кумиров. URL: http://lib.ru/HRISTIAN/FRANK_S_L/krushenie.txt (дата обращения: 27.11.2016).

ливой и разумной жизни», и «в наши дни великих катастроф, великой кары Божией... все мы снова впали в руки Бога Живого», чтобы «научиться отличить истинную жизнь от жизни, которая есть смерть, понять... то слово Божие, которое есть истинный, насыщающий нас хлеб жизни»².

Итак, по смыслу названных работ, именно в Саратове Франк начал осознавать и свою лепту в расклевывании прежнего российского благополучия, а позднее, за границей, испытал глубокое раскаяние и в своей революционной юности, и в содействии своей публицистикой свержению законной власти и водворению на российском престоле мятежников. Однако не только этот урок был извлечен им. Его духовная эволюция шла от понимания своего предназначения как философа в *«повышении уровня культуры и преодоления всяческого невежества»* (июль 1917 г.) к постижению смысла переживаемой катастрофы, страданий как урока (1926 г.), научающего жить не только в плоскости земной (горизонтальной), с ее деловым, идеологическим, политическим наполнением, но и небесной (вертикальной), наделяющей вместе с горизонталью понимание смысла жизни как несения креста, если горизонтальная плоскость перечеркивает тягу к небу.

В 1919 г. адрес Франка в Саратове изменился: семья переехала на ул. Аничковскую (ныне – Рабочая), д. 14 (в настоящее время на этом месте расположен III корпус Саратовской государственной юридической академии). Существует предположение, что этот, ныне утраченный, дом был общежитием препода-

² Франк С.Л. Смысл жизни. М., 2004. С. 8, 9, 11, 17.

вателей Саратовского университета. Прожить в нем Франкам суждено было всего несколько месяцев.

Несмотря на дороговизну продовольствия в Саратове (а многих продуктов просто не было), Франки не голодали даже в самые тяжелые годы, потому что Татьяна Сергеевна время от времени ездила в деревню за продуктами¹. Однако положение становилось все хуже, и семья решила покинуть Саратов.

Библиотеку и архив Франка студенты перевезли на сохранение в здание университета на ул. Московская². Ныне коллекция книг из библиотеки С.Л. Франка хранится в фонде Зональной научной библиотеки им. В.А. Артисевич Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского³.

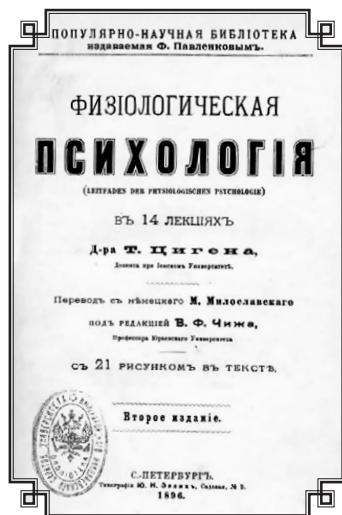
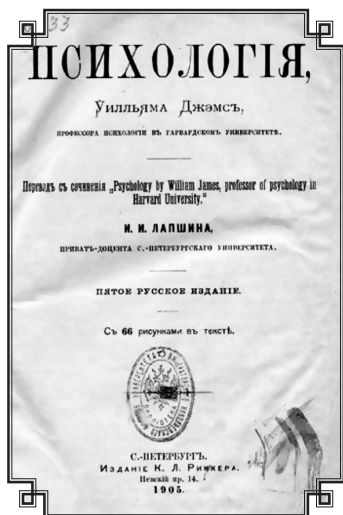
Лето 1919 г. Франки провели вместе с группой интеллигентов в небольшом селе Вольское (Жуккус) в области немецких колоний на берегу Волги⁴. Татьяна Сергеевна вспоминала: *«Нам удалось с помощью моих саратовских связей найти в немецкой колонии три избы, куда поселилась наша семья, в другой – семья погибшего Леонида Наумовича Юровского, и в третьей – семья молодого профессора Александра Борисовича Ельяшевича, брата того, с которым мы дружили в Петербурге. И тут началась новая эпопея в поисках еды, смены вещей, вечных поисках то яиц, то молока, то хлеба. Спасали нас рыбаки. Мы жили на берегу Волги. Туда приезжали к нам гости, приезжал академик Жирмунский. Мы часто делали*

¹ См.: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 131.

² См.: Гапоненков А.А. С.Л. Франк в Саратовском университете. С. 7.

³ См.: Профессорская библиотека. URL: http://library.sgu.ru/vytrvyst/31_01_12.pdf (дата обращения: 27.11.2016).

⁴ См.: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 131.

Книги У. Джемса «Психология» (1905 г., в переводе И.И. Лапшина) и Т. Цигена «Физиологическая психология» (1896 г., в переводе М. Милославского) из библиотеки С.Л. Франка

прогулки на берег Волги, где за материальные блага мы меняли рыбу, устраивали там уху, как-то старались жить по-человечески. Приезжал туда еще такой Николай Сергеевич Арсеньев, который здравствует теперь и преподает во Владимирской семинарии в Нью-Йорке»⁵. «В это время, – вспоминала далее Татьяна Франк, – профессор Ельяшевич выдумал следующую комбинацию. Он у нас был великим комбинатором, спасал нас от всех тяжелых положений. Рядом было огромное немецкое село Ровное. То есть оно было не рядом, а 60 верст от этого Куккуса. Где была учительская семинария, которую профессора решили взять в свои руки и предложили

⁵ Франк Т.С. Действительно свободные.

Семену Людвиговичу стать директором этой семинарии. Мы туда переехали. Переехали в самый тяжелый момент. Там нас встретила казенная квартира, казенные лошади и еще нетронутая колония, которая еще жила своими силами. Потому что еще большевики не трогали колонии, дело до них не дошло... Попали мы в эту семинарию, у нас была внизу квартира из четырех комнат, наверху помещался большевистский клуб. Теперь, когда я оглядываюсь на всю эту жизнь, это было, конечно, безумное предприятие. Уехать вглубь, в такую незащищенную ни от кого и ни от чего область, что это можно было только в погоне за куском хлеба для детей...

Это такой тяжелый перелом в нашей жизни, третий перелом – Петербург, Саратов, деревня и еще деревня, где наша жизнь чуть не закончилась трагически...»¹.

Франк вспоминал: «Большевистское разрушение продолжалось. С осени 1919 г. я переселился в немецкую колонию Ровное (100 верст к югу от Саратова на левом берегу Волги) под видом организации педагогического института для немцев, на самом деле – чтобы в деревне прокормить семью»².

Село Ровное с населением около 8 тыс. человек находилось в двух днях езды на лошадях от Саратова, однако связи с университетом Семен Людвигович не терял, бывая в Саратове наездами³. Оставаться же заведующим кафедры в таких условиях уже не было возможности.

¹ Франк Т.С. Действительно свободные.

² Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 116.

³ См.: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 132.

Весной 1919 г. кафедра философии Саратовского университета была переименована в кафедру философии и психологии. Число сотрудников кафедры в 1919/1920 учебном году увеличилось до четырех человек: профессора А.А. Крогиус (в прошлом приват-доцент Петроградского университета, специализировался в области психофизиологии, с 13 мая 1919 г. – заведующий кафедрой философии и психологии, вел занятия по психологии), С.Л. Франк (вел занятия по философии) и Н.С. Арсеньев, а также преподаватель В.Э. Сеземан⁴.

Талантливый человек, Франк и сотрудников кафедры подбирал одаренных интеллектуально и духовно. О ярком психологе А.А. Крогиусе будем говорить отдельно. О других сотрудниках также нельзя умолчать в силу их научной и личностной неординарности, высокой духовности.

Сеземан Василий Эмильевич (11.06.1884, Выборг – 23.03.1963, Вильнюс) известен как российский, литовский, советский философ-неокантианец марбургской школы. Католик по вероисповеданию, родился в семье врача. Начал высшее образование в Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии, но в 1903 г. со второго курса перешел на классическое отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, где изучал античную и новую философию, стал учеником философа и психолога Н.О. Лосского. В 1909 г. оставлен при кафедре философии Санкт-Петербург-

⁴ См.: СГУ в годы революции и гражданской войны; Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Саратовского университета в 1917–1920 гг. С. 32.

В.Э. Сеземан

ского университета для получения профессорского звания и командирован в университеты Марбурга и Берлина. По возвращении преподавал философию в Петербурге. Магистерская диссертация В.Э. Сеземана «Этика Платона и проблема зла» была опубликована в юбилейном сборнике Г. Когена (1912)¹. В 1914/1915 учебном году служил приват-доцентом кафе-

дры философии Петроградского университета, вел занятия по античной философии².

Во время Первой мировой войны добровольцем ушел на фронт. В 1918 г. переехал с семьей в Вятку, где стал преподавателем психологии и педагогики в Педагогическом институте. В 1919 г. по приглашению Франка прибыл в Саратов и 11 апреля 1919 г. был избран преподавателем кафедры философии и психологии Саратовского университета³,

¹ См.: Die Ethik Platos und das Problem des B sen. – Philosophische Abhandlungen: Herman Cohen zum 70 Geburtstag. B., 1912.

² См.: Обзорение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Петроградского университета в осеннем полугодии 1914 года и в весеннем полугодии 1915 года. URL: http://history.museums.spbu.ru/files/Obosreniya/1914-1915_Ist.pdf (дата обращения: 27.03.2017).

³ См.: Аеврус А.И., Гапоненков А.А. Саратовский университет в годы революции и гражданской войны.

где работал до 1921 г. В 1919/1920 учебном году вел занятия по кафедре философии: 1) общий курс логики, 2 часа; 2) семинарий по логике (для начинающих), 2 часа; по кафедре теории и истории искусств: 1) введение в эстетику (обзор главнейших эстетических учений), 2 часа; 2) семинарий по эстетике: чтение и разбор «Критики способности суждения» Канта в связи с новейшими эстетическими теориями, 2 часа⁴.

Позже по рекомендации Н.О. Лосского Сеземан стал профессором новообразованного Вильнюсского университета. После закрытия университета немецкими оккупантами в 1943 г. стал преподавателем немецкого языка в русских гимназиях и вел философский кружок в еврейском гетто. После войны вновь стал профессором философии. В 1950 г. арестован и отправлен в ГУЛАГ. В 1958 г. был реабилитирован и до конца жизни оставался профессором логики Вильнюсского университета.

Франку Сеземан был знаком по их совместной работе приват-доцентами на кафедре философии Петербургского университета, он был близок ему по философскому мировоззрению. В 1911 г. Сеземан сформулировал принцип коррелятивности⁵, схожий с принципом единства в гносеологической системе Франка (1916). В работе «Рациональное и иррациональное в системе философии» Сеземан подчеркивал, что обычно при обсуждении противоположностей на первый

⁴ См.: Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Саратовского университета в 1917–1920 гг.

⁵ См.: Сеземан В. Рациональное и иррациональное в системе философии // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. 1911. Кн. 1. С. 93–122.

план выступает их различие, двойственность. Он предпринял попытку перейти от различий к единству противоположностей на основании их внутреннего единства. Он считал, что конститутивным началом для объекта выступает, согласно идее Канта, принцип систематичности. Систематичность – основа всех вообще возможных рациональных синтезов и связей.

Рациональным, по Сеземану, является только не-проблематичное, законченное в себе знание, а иррациональным – нерешенное, проблематичное. Таким образом, иррациональное – необходимый коррелят бесконечности и проблематичности объективного знания.

Дихотомии – данность–задание, общее–индивидуальное, форма–содержание, абстрактное–конкретное – сохраняют противоположность, но подчинены высшему единству.

Платон, родоначальник систематической философии, положил начало гипотетическому методу, провозгласившему условную значимость всякого априорного умозрения и требовавшему поэтому согласия его с конкретными данными опыта (проверка знания практикой, по Ленину).

Истинный смысл иррационального, таким образом, есть не что иное, как рациональность высшего порядка, систематического единства.

В эмпирическом смысле рациональное и иррациональное различаются, противопоставляются, в трансцендентальном – они едины, тождественны. Эмпиризм – необходимый коррелят рационализму. Не на преобладании одного из этих аспектов, а только

на их неразрывной взаимной зависимости и коррелятивности зиждется их систематическое единство.

Конечной совокупности рационального и методов положительного знания противостоит бесконечная иррациональная данность действительности. В связи с этим эмпирическая наука не способна одним исчерпывающим рациональным определением объяснить все необъятное многообразие мира объектов.

Иррациональное играет положительную роль в развитии объективного знания, чем оправдывается методологическая правомерность эмпиризма. Он служит необходимым логическим коррелятом систематической философии – рационализму.

Научное знание берет начало из двух разнородных источников: из иррациональной данности (из опыта) и из чистой рациональности (из мышления).

Высшая предельная ступень рационального и иррационального подлежит уже ведению философии. Ее задача – привести к гармоническому единству противоположные начала объективного знания: бесконечное многообразие конкретной действительности и высшие всеобъемлющие принципы отвлеченного мышления. Примером может служить система Менделеева, в которой был преодолен путь от эмпирических фактов к рациональному высшему порядку – единой рациональной закономерности.

Как видим, представленное в «Душе человека» (1917) понимание Франком ограниченности психологии, содержащей только ее эмпирическую часть (элемент иррационального, по Сеземану), и необходимости дополнения общей системы психологии ее подсистемой – философской психологией (элемент

рационального, по Сеземану), а также рассмотрение всех частей психологии в их систематическом единстве могло существенно обогатиться идеями из концепции коррелятивности Сеземана, высказанными в 1911 г.

В другой своей работе¹ Сеземан дал характеристику принципу системности, развиваемому философией идеализма марбургской школы.

Гносеологический смысл систематического построения марбургской школы состоит в следующем: логическая сущность объективного знания заключается в его систематическом единстве. Поэтому и принципы знания, отвечающие своему логическому назначению, должны быть систематическими принципами, т.е. должны устанавливать и определять не отдельные элементы знания, а прежде всего их необходимую связь и их внутренние соотношения. Научный идеализм не знает другого абсолюта, кроме идеи систематического всеединства (реализация принципа всеединства была показана позднее Франком в его концепции гносеологии («Предмет знания») и философской психологии («Душа человека»)).

В настоящее время происходит осмысление значения идей В.Э. Сеземана для отечественной и мировой науки.

Арсеньев Николай Сергеевич (28.05.1888, Стокгольм – 18.12.1977, Си Клифф, близ Нью-Йорка) известен как русский философ, историк религии и куль-

¹ См.: *Сеземан В.Э.* Теоретическая философия марбургской школы // Новые идеи в философии / под ред. Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова. СПб., 1913. № 5. С. 1–34.

Н.С. Арсеньев

туры, поэт, писатель-эссеист. Родился в семье дипломата, в 1905 г. окончил Катковский лицей, а в 1910 г. – историко-филологический факультет Московского университета. Стажировался в Мюнхенском, Фрайбургском и Берлинском университетах.

С 1912 г. Николай Сергеевич работал на кафедре западноевропейской литературы Московского университета. Во время Первой мировой войны был уполномоченным Красного Креста (1914–1916). С сентября 1916 г. возобновил работу в Московском университете. В 1917 г. после октябрьского вооруженного восстания в Москве переехал на Дон (входил в состав отделения Политического отдела Добровольческой армии). В феврале 1918 г., в момент Ледяного похода, покинул Новочеркасск и через Царицын со спутниками (П.Б. Струве, Г.Н. Трубецким и его сыном) пробрался к началу марта в Москву. В сентябре 1918 г. Арсеньев уехал в Саратов (по-видимому, по рекомендации П.Б. Струве, друга Франка), где 27 сентября 1918 г. был избран профессором кафедры романо-германской филологии Саратовского университета². В 1918/1919 учебном году профессор Арсеньев по данной кафедре вел занятия по истории итальянской литературы и просеминарий по исто-

² См.: *Аврус А.И., Гапоненков А.А.* Саратовский университет в годы революции и гражданской войны.

рии религии. В 1919/1920 учебном году он преподавал на нескольких кафедрах: на кафедре философии у Франка вел занятия по раннему христианству и гностицизму, а также манихейству и исламу; по кафедре классической филологии у С.В. Меликовой – семинарий по античной религии; по кафедре романо-германской филологии у В.М. Жирмунского – литературу и культуру Италии Средних веков и начала Возрождения, семинарий по Данте, семинарий по старофранцузскому языку и семинарий по истории западноевропейских литератур¹.

В 1919 г. был дважды арестован. Опасаясь очередного ареста, в марте 1920 г. нелегально перешел польскую границу. После недолгого пребывания в Варшаве и Берлине обосновался в Кенигсберге. С 1920 по 1944 г. преподавал в Кенигсбергском и Варшавском (1926–1938) университетах. В 1944 г. переехал в Париж, преподавал в католической школе Сорбонны, с 1948 г. был профессором Св.-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке. С 1970 по 1977 г. возглавлял Русскую Академическую группу в США.

Важнейшие сочинения: Жажда подлинного бытия. Берлин, 1922; Из жизни духа. Варшава, 1935; Преображение Мира и Жизни. Нью-Йорк, 1959; Духовные судьбы русского народа. Грац, 1966; Жизнь с Богом. Брюссель, 1966; Единый поток жизни. Брюссель, 1973; О красоте в мире. Мадрид, 1974; Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне, 1974.

Свою работу «Единый поток жизни» он начинает

¹ См.: Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Саратовского университета в 1917–1920 гг.

словами «все проходит...», а заканчивает мыслью о том, что всем народам свойственно искать и находить то, что не проходит – это любовь, память, благодарность. Человечеству свойственна жажда подлинного бытия, чувство высшей реальности, что не все проходит. Задача человека – служить тому, что не проходит. Материалисты знают, что тело умирает, жизнь проходит, все разрушается. Но не проходят стремление к высшей реальности, жажда подлинного бытия, «превозмогающей реальности» – имманентность и трансцендентальность Бога.

В эмиграционный период жизни Франка его духовная связь с коллегами Арсеньевым и Сеземаном не прервалась, но продолжалась на страницах журналов русских эмигрантов «Вестник РСХД», «Путь», «Грани». В эмиграции в работе «Дары и встречи жизненного пути» Арсеньев напишет, как радовали его на чужбине встречи с родными и близкими и *«особенно близким еще по Саратову философ С.Л. Франком»*².

Исследования творчества Н.С. Арсеньева российскими учеными еще только начинаются.

В состав кафедры философии Саратовского университета Франк подбирал сотрудников, известных ему по работе в Петербургском университете или рекомендованных друзьями, а кроме того, близких ему по профессиональному и жизненному мировоззрению. Так, А.А. Крогиуса он знал не только по работе на кафедре Введенского, но и по педологическим курсам в Петербурге, руководил которыми А.П. Нечаев

² Арсеньев Н.С. Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт н/М, 1974. С. 190–191.

и где сотрудниками были А.А. Крогиус, А.Ф. Лазурский – хорошие знакомые Франка. Если совместно с Лазурским у Франка родилась идея о центральных и периферических отделах психики, то в учении психолога Сеземана Франку была близка идея иррационального во взаимоотношении с рациональным, разрабатываемая на основе синтеза платонизма русской философии, восходящего к святоотеческой традиции. Иррационализм рассматривался В.Э. Сеземаном, с одной стороны, как негативная (нижняя) граница бытия, а с другой – как высшая, позитивная граница, за которой стоит первооснова космоса, воплощенная в принципах единства истины, добра и красоты. Первоначальные формы подобных характеристик бытия В.Э. Сеземан усматривал в традициях платонизма и в экзегетике отцов Церкви. У Франка в «Душе человека» мы также обнаруживаем эту идею.

По мнению В.Э. Сеземана, европейская культура в 1917–1920 гг. находилась на пороге катастрофы, погрузившись в иррациональные бытийные бездны, построенные на отрицательных началах. Единственный выход из кризиса В.Э. Сеземан видел в сущностной связи духовной культуры с высшим трансцендентным началом¹. С духовным возрождением сограждан связывал выход из разразившегося революционного кризиса и Франк в статье «Из глубины» (1918).

Идеи Арсеньева были близки Франку, который развивался и как религиозный философ, и как религиозный психолог. Однако реалии жизни в то время были далеки от психолого-философских изысков.

¹ См.: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 14.03.2017).

Переехав в деревню в 1919 г., Франки глубоко погрузились в практическую, бытийную сторону жизни: завели крестьянское хозяйство, приобрели свинью, кур, гусей и корову. Семен Людвигович даже пытался сам доить корову, полагая, что пианистические навыки будут ему полезны при освоении дойки, однако вскоре он отказался от этой затеи, переложив сей труд на плечи жены. Дров не было, топили соломой, электричество часто отключали, и темными вечерами родители пели детям арии из опер.

В июле 1920 г. у Франков родился сын Василий. Роды были очень тяжелые – Татьяна Сергеевна чуть не умерла, но оправилась и расплатилась с доктором дюжиной серебряных ложек из своего приданого. *«Мой сын, – рассказывала Татьяна Сергеевна, – родился в совершенно необычайных условиях, в пеленках какого-то чекиста, потому что мы меняли вещи. Мне нужны были пеленки, говорят, что жена какого-то чекиста родила, больше ей не нужно, потому что мальчик вырос. Несешь туда свое старое бальное платье, получаешь. Потом коляска. Выдавался в Саратове, по каким-то неведомым законам, спирт. Как будто нужен спирт для того, чтобы вытирать корешки книг. Этот спирт попал ко мне, я его обменяла на коляску для ребенка. Вообще это было время чудес. Ни логика, ни ум, ни сообразительность не имели никакого значения. Это какая-то комбинация высших и не высших сил, которые нас вывозили. Но до поры до времени. Мы чуть не погибли...»².*

² Франк Т.С. Действительно свободные.

После рождения сына Василия Семен Людвигович вернулся в Саратов¹. В университетском весеннем семестре 1920/1921 учебного года им читался курс «История новой философии». Семинарий Франка в последние годы его пребывания в Саратове назывался «Современные теории познания». «Учелый стремился научить студентов философствовать, творчески подходить к сложившимся теориям. Сочинения Платона, Плотина, Николая Кузанского, Беркли, Спинозы, Канта, Фихте, Лосского, Бергсона, Шпенглера горячо обсуждались участниками семинария, не только философами, но и филологами, историками, юристами»².

Профессор Франк начинал семинарий по истории философии такими словами: *«Я ставлю задачей не давать вам готовых философских выводов и учений, а научить вас философствовать, т.е. приобщить к “философскому мышлению”»*³. При подготовке к семинару по книге философа Беркли Семен Людвигович рекомендовал студентам читать к каждому занятию определенное количество страниц из сочинений Беркли, давать собственную оценку прочитанному, попытаться опровергнуть берклианские взгляды. В результате на семинаре разгорались жаркие споры, а в конце профессор подводил итоги⁴.

Весной 1921 г. в Саратов вернулась с детьми и Татьяна Сергеевна. В марте, когда на Волге уже начал подтаивать лед, привязав к крестьянским саням ко-

¹ См.: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 133.

² См.: Гапоненков А.А. С.Л. Франк.

³ Цит. по: Аврус А.И. Указ. соч. С. 69.

⁴ См.: Там же.

рову, с детьми и нянями, она переехала на другой берег Волги и добралась до Саратова. Это было время, когда после бесснежной зимы, а потом летней засухи в Поволжье начался голод⁵.

В Саратове Франкам дали комнату в университете⁶. С продуктами было туго. Кроме того, *«в Саратове царила холера, умирало бесконечное количество людей, – рассказывала Татьяна Сергеевна. – Мы жили по дороге на кладбище – это вечные процессы с незакрытыми гробами, потому что умерших, по-видимому, куда-то сваливали, и гробы обратно возвращались за новыми жертвами... В это лето [1921 г.] Семен Людвигович окончательно решил расстаться с провинцией и перебраться в Москву. В Петербурге было гораздо хуже. Москва, как центр, была более обставлена в смысле материальном. И они вместе с Юровским [экономист, ученик П.Б. Струве, коллега Франка по Саратовскому университету] решили поехать в Москву, чтобы осмотреться. Для этого им пришлось нанять (тогда еще можно было нанимать) пустой товарный вагон, в котором они поставили по кровати, взяли керосинки, двух своих кухарок и отправились. Путешествие длилось 8 или 10 дней, но они не торопились – отдыхали. Приехав туда, начали устраиваться...»*⁷.

*«Осенью 1921 г., – вспоминал Семен Людвигович, – в расцвет НЭПа, вернулся в Москву»*⁸. Так закончился короткий (всего четыре года), но насыщенный

⁵ См.: Буббайер Ф. Указ. соч. С. 133.

⁶ См.: Там же. С. 134.

⁷ Франк Т.С. Действительно свободные.

⁸ Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 116.

деловыми свершениями, новыми встречами и бесконечными страданиями саратовский период жизни Франка.

Едва ли саратовский период своей жизни Семен Людвигович в житейском (но не духовном) смысле считал успешным. Однако для саратовской психологической школы пребывание ученого такого вселенского масштаба у ее истоков было бесценным.

Главным наследием саратовских психологов (да и всех его учеников), полученным от С.Л. Франка, дворянина во втором поколении, стал пример его беззаветного служения делу жизни – научному творчеству, пронизывающему все существо мыслителя, приближающему Царство истины, повышающему уровень культуры окружающих и преодолевающему всяческое невежество, наполненному идеалом подлинности и осмысленности жизни, строгости науки в соединении с вдохновенным поиском жизненной правды.

Будучи изначально философом, Семен Людвигович выделил основополагающую роль теории и методологии, философских основ для формирования научной концепции современной психологии. При этом он показал необходимость реализации в исследованиях принципов историзма, развития, подчеркивая важность прилежного изучения древних философских традиций, трудов классиков. Кроме того, он осуществил использование опыта и сохранившихся традиций американской, европейской и российской психологии, дополнив эти познания духовным опытом.

Отказавшись от альтернативного мышления в пользу сопрягающего, опираясь на разработанный

им принцип всеединства, Франк показал необходимость развития всех имеющихся направлений и отраслей психологии (философской, экспериментальной, социальной, клинической, физиологической, психофизической и др.).

Используя известный философии принцип системности, Семен Людвигович предложил свое понимание структуры психики человека, выделив центральную (самосознание, Я) и периферическую (предметное сознание) части души. Определив основные характеристики душевной жизни, он описал уровни ее функционирования: душевно-телесный, собственно психический и душевно-духовный, которые бывают осознанными и бессознательными.

Своих учеников он учил критически осмысливать научные изыскания и теории, ничего не брать на веру, проявляя самостоятельность мысли и творчества.

1.2. Август Адольфович Крогиус

Пытливый ученый, честный гражданин и просто доброй души человек.

Н.В. Крогиус

Весной 1919 г. кафедра философии Саратовского университета была переименована в кафедру философии и психологии. Это было связано, прежде всего, с рекомендацией С.Л. Франка пригласить на саратовскую кафедру профессора кафедры философии Петроградского университета, психолога А.А. Крогиуса, с которым они были коллегами (приват-доцентами) философской кафедры в Петербургском университете с 1912 по 1917 г.

Биограф А.А. Крогиуса К.С. Маслов сообщает, что в 1919 г. Август Адольфович подавал заявление о приеме на работу в два университета – Томский и Саратовский¹. Однако с 13 мая 1919 г. профессор А.А. Крогиус был избран заведующим кафедрой философии и психологии именно Саратовского университета². Так, вслед за Франком Крогиус также стал психологом первого поколения саратовской психологической школы.

Представители шведского дворянского рода Крогиусов евангелически-лютеранского вероисповедания, начиная с прадеда Августа Адольфовича – ученого, строителя и архитектора Адольфа Крогиуса (1783–1846), верно служили Российской империи. Из автобиографии, представленной в докторской

¹ См.: Маслов К.С. Указ. соч. С. 400.

² См.: СГУ в годы революции и гражданской войны.

*Адольф Эмануил фон Крогиус,
отец А.А. Крогиуса. 1870 г.
Из личного архива
Н.В. Крогиуса*

*Иоанна-Юлия Зедерштедт
(Юлия Ивановна Крогиус),
мать А.А. Крогиуса. 1870 г.
Из личного архива
Н.В. Крогиуса*

диссертации А.А. Крогиуса³, известно, что Август-Иоганн-Георгий-Адольф Адольфович Крогиус (18.03.1871–01.06.1933), потомственный дворянин, сын коллежского асессора, родился в 1871 г. в Кишиневе. Его отец в 1863 г. закончил Николаевское Высшее инженерное училище, получив звание юнкера, успел послужить нотариусом в Двинске, ревизором дорожного и водного хозяйства Минска. 20 февраля 1870 г. он женился на Иоанне-Юлии Зедерштедт. Их венчание состоялось в Казани, где жили родители невесты. Весной 1871 г. у них родился первенец

³ См.: *Крогиус А.А.* Процессы восприятия у слепых: дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 1909. С. 237–240.

– сын Август, затем в 1872 г. – дочь Алиса, в 1874 г.
– дочь Мария, в 1875 г. – сын Владимир и в 1878 г. –
сын Борис.

В 1881 г. Август Крогиус поступил в 3-ю Казанскую гимназию, а в 1885 г. – в 1-ю Санкт-Петербургскую гимназию, которую окончил в 1889 г. В аттестате зрелости, выданном по окончании им Петербургской гимназии, отмечалось: «...поведение его вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ – постоянная, прилежание неослабное и любознательность похвальная»¹. Из всех предметов отличные оценки у него были по Закону Божию, логике, физике, математической географии, немецкому и французскому языкам².

В 1887 г. семья Крогиусов осталась без кормильца и, по всей видимости, жила скромно, без излишеств³. В 1889 г. Август Крогиус поступил в Николаевское инженерное училище, а по окончании его в 1892 г. продолжил образование в Императорской Военно-медицинской академии, однако в октябре того же года был исключен за организацию студенческих беспорядков⁴. Поэтому для получения дальнейшего образования столицу пришлось покинуть.

В январе 1893 г. Август Адольфович поступил в Императорский Юрьевский (Дерптский) университет, который окончил в 1898 г. со званием лекаря. С марта 1897 г. по 1 апреля 1900 г. он состоял ассистентом при клинике нервных и душевных болез-

¹ Цит. по: Маслов К.С. Указ. соч. С. 30.

² См.: Там же.

³ См.: Там же. С. 55.

⁴ См.: Там же. С. 34.

ней Юрьевского университета. В течение 1899/1900 учебного года сдал экзамен на степень доктора медицины. В 1900 г. поступил в Лейпцигский университет, где в течение трех полугодий занимался философскими науками и специально экспериментальной психологией в лаборатории профессора Вундта. В сентябре–октябре 1900 г. заведовал частной психиатрической больницей профессора Штерринга близ Лейпцига. В эти годы у него и сформировалось намерение посвятить свою деятельность науке.

В Лейпциге окончательно определилось направление всех последующих научных исследований Августа Адольфовича. Профессор Вундт был учеником психофизиолога Фехнера, изучавшего зрительные ощущения. Однако эти занятия спровоцировали серьезную болезнь глаз последнего, и он три года жил в темноте. Улучшение наступило внезапно и вызвало необычайный подъем духа заболевшего. Восхищение Фехнером, общий настрой и характер работы Вундта определили научную сферу интересов Крогиуса: с одной стороны, психофизиология органов чувств, с другой, психологические особенности слепых⁵.

Из-за границы Крогиус приехал в Петербург, где начал активно заниматься преподавательской деятельностью: вел занятия по общей психологии на курсах воспитательниц и руководительниц физического образования профессора Лесгафта с 1901 по 1905 г., а в период 1905–1907 гг. – в Вольной Высшей школе; с 1904 по 1907 г. читал на педологических курсах лекции по психофизиологии органов чувств. В 1907 г. был избран членом Совета Педагогической академии

⁵ См.: *Маслов К.С.* Указ. соч. С. 104.

Лиги Образования и преподавателем Психоневрологического института. С 14 октября 1904 г. по 16 октября 1919 г. Крогиус состоял в должности ординатора 4-й Психиатрической больницы г. Петрограда (бывшая больница Св. Пантелеймона)¹. Состоял также членом Совета Русского Общества нормальной и патологической психологии, действительным членом Философского Общества при Императорском Санкт-Петербургском университете, членом Попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых, редактором Вестника Психологии и Журнала экспериментальной педагогики (на немецком языке)².

В 1909 г. А.А. Крогиус защитил докторскую диссертацию «Процессы восприятия у слепых» в Императорской военно-медицинской академии (цензорами выступили академик В.М. Бехтерев, профессор Л.Г. Беллярминов, приват-доцент А.А. Лазурский)³. Именно петербургская медицинская академия оказалась тем учреждением, которое в 1892 г. исключило Августа Адольфовича из своего образовательного процесса, а в 1909 г. (чисто по-русски) широко распахнуло перед ним дверь в научную и педагогическую сферы.

В петербургский период жизни, в 1904 г. Август Адольфович познакомился со своей будущей женой (саратовчанка, его ученица – слушательница курсов воспитательниц и руководительниц физического образования профессора Лесгафта) Ольгой Александровной Пушкаренко-Овсеенко. Для Августа Адольфови-

¹ См.: *Маслов К.С.* Указ. соч. С. 405.

² См.: *Крогиус А.А.* Указ. соч. С. 237–240.

³ См.: Там же.

ча Ольга Александровна стала не только женой, но и коллегой в научно-исследовательской работе. Так, в предисловии к своей диссертации (1909) он написал: «*Постоянным сотрудником почти во всех моих исследованиях была Ольга Александровна Крогиус*»⁴.

Ольга Александровна родилась в дворянской семье, была дочерью действительного статского советника Александра Семеновича Пушкаренко-Овсеенко (1832–24.07(06.08).1884; похоронен на кладбище Саратовского мужского Спасо-Преображенского монастыря)⁵. После окончания физико-математического факультета Главного педагогического института в Санкт-Петербурге Александр Семенович (его сокурсником был Менделеев) был назначен учителем 1-й мужской Саратовской гимназии. В то же время в Саратове учительствовал (1851–1853) и Н.Г. Чернышевский, с которым Александр Семенович, по рассказам Н.В. Крогиуса (внука А.А. Крогиуса и правнука А.С. Пушкаренко-Овсеенко), находился в добрых отношениях. Во всяком случае в Саратовском Доме-музее Н.Г. Чернышевского имеется фотография, на которой среди других преподавателей Саратовской городской гимназии изображены Н.Г. Чернышевский и А.С. Пушкаренко-Овсеенко⁶.

В 1859 г. в Саратове была открыта Мариинская женская гимназия для девиц из благородных семей, начальником которой был назначен А.С. Пушкаренко-

⁴ См.: *Крогиус А.А.* Указ. соч. С. 11.

⁵ См.: *Жеребцов А.И.* Кладбище Саратовского мужского Спасо-Преображенского монастыря. Саратов, 1911. Перепечатано из: Саратовский духовный вестник. 1911. № 47–49.

⁶ См.: Почему Саратов сохранил свое имя. URL: http://chess-portal.net/interest/1157144052-pochemu_saratov_sokhranil_svoe_imja.html (дата обращения: 05.01.2017).

Овсеенко. Учебное заведение было названо в честь императрицы Марии Федоровны, жены Александра II. Основой Устава Саратовской гимназии послужил Устав Петербургской Мариинской женской гимназии. Полученная Александром Семеновичем должность позволяла иметь чин действительного статского советника, дававший право на потомственное дворянство.

В журнале «Гимназия» в 1888 г. были опубликованы «Воспоминания педагога», перепечатанные в «Саратовском Дневнике» 1888 г., где сообщалось, что *«24 июля 1884 г. умер инспектор классов по учебной части и член совета Мариинского института и начальник саратовской Мариинской женской гимназии Александр Семенович Пушкаренко-Овсеенко. А.С. пользовался большим уважением в обществе и педагогической среде. Ему женская гимназия обязана приобретением своего дома и открытием параллельных классов, а также лучшей постановкой учебного и воспитательного дела»*¹.

В браке у Августа и Ольги Крогиус родилось трое детей – Арсений (1907–26.09.1937), Елена (1912–1991), Эммануил (14.05.1914–27.02.1995). С 1912 г. начался период работы Крогиуса в Петербургском университете: с 1 июля 1912 г. по октябрь 1918 г. Август Адольфович служил приват-доцентом кафедры философии, а затем был избран профессором психологии Петроградского университета.

Особенностью развития отечественной психоло-

¹ История Саратовского края в XIX веке. URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fpredok.moy.su%2F_fr%2F0%2F19.doc&name=19.doc&lang=ru&c=586e65405b78 (дата обращения: 05.01.2017).

*Ольга Александровна Крогиус
(1878–1943)*

*Август Адольфович Крогиус
(1871–1933)
1900 г. Лейпциг*

гии того периода было то, что она разрабатывалась в двух направлениях – на кафедрах философии и медицинских факультетах университетов. Первое направление было преимущественно гуманитарным, второе – естественно-научным. В профессиональной подготовке А.А. Крогиуса пересеклись оба вектора: по базовому образованию он был медиком, а на службе находился на кафедре философии, руководимой идеалистом А.И. Введенским. В своих статьях по общей и экспериментальной психологии Крогиус выступал против физиологического и анатомизирующего направления в психологии, отстаивая тесную связь психологии и философии. По воспоминаниям Г.П. Иванова, ученика профессора А.А. Крогиуса

в Саратовском университете, Август Адольфович спокойно и даже иронично относился к своему знатному происхождению¹. Хотя могло быть данью времени – быть дворянином после Октябрьского переворота 1917 г. было опасно для жизни. Вместе с тем следует признать, что культура шведского быта, аккуратность и самодисциплина, отсутствие склонности к излишествам, трудолюбие и систематическое образование, владение несколькими языками (шведский, немецкий, английский, французский, латинский, русский²), широкий круг интересов, личное достоинство, а также почтительное отношение к людям, свойственные А.А. Крогиусу, несомненно, являлись результатом дворянских и семейнородовых традиций в воспитании.

После получения известия о назначении в Саратовский университет весной и летом 1919 г. Август Адольфович начал готовиться к переезду в Саратов. Этому перемещению с семьей в провинцию могли послужить несколько причин. Во-первых, Петроград стал эпицентром военных действий против советской власти и оставаться в нем было небезопасно: на город наступал Юденич с белоэстонцами; на Балтике активно атаковали англичане; на 2 фортах в Кронштадте, «Красной горке» и «Серой лошади», восстали военспецы, бывшие царские офицеры во главе с Неклюдовым. Все это породило активизацию деятельности Петроградской ЧК, начались репрессии против населения. Отъезд в провинцию мог быть обусловлен пристрастностью ЧК к дворянину Крогиусу.

¹ См.: *Маслов К.С.* Указ соч. С. 524.

² См.: Там же. С. 524.

Кроме того, в бывшей столице Российской империи было не только опасно, но и голодно, и холодно. Поэтому другая причина переезда Крогиусов могла быть связана с поиском более сытой и удобной жизни, поскольку благодаря немецким колониям вокруг Саратова продуктов в регионе было значительно больше, чем в воюющем Петрограде. Между тем в Саратове сохранились родственные и дружеские связи Ольги Александровны. Однако эта причина представляется, исходя из склонности Крогиусов к аскетическому образу жизни, менее вероятной, чем первая. Дело было, скорее, не в поисках более сытой жизни, а в выживании.

Важно отметить, что привлекательность работы в Саратовском университете в те годы была сомнительной: положение дел как в Саратове, так и главном городском вузе было плачевным³. Все вузы Саратова с 1918 г. финансировались только из мизерного государственного бюджета. Вместо стипендий и зарплат вводились продовольственные пайки, однако даже их получали далеко не все. Инфляция обесценила профессорскую зарплату, а преподавательская продуктовая норма все время снижалась, но и такую получали не все члены семьи. Хлебный паек сократился с 400 до 100 граммов черного хлеба. Преподаватели занимались продажей личных вещей в обмен на продовольствие и топливо. Профессора были одеты, как оборванцы. Да и само звание «профессор» к этому времени было дискредитировано: начиная с 1918 г., согласно одному из декретов Советской власти, профессорами стали называть всех преподавате-

³ См.: Аврус А.И. Указ. соч. С. 71–72.

лей, читавших в вузах лекции, независимо от наличия у них до этого научной степени и звания. Лишь в 1934 г. вновь были введены ученые степени и звания, а также защита кандидатских и докторских диссертаций¹.

Переехавшим жить в 1919 г. в Саратов трудно было снять комнату с отоплением и электрическим освещением, а питание в университетской столовой состояло из супа из воблы и пшенной каши без масла. Средств было так мало, что многие студенты вынуждены были совмещать учебу с работой, в результате чего занятия в университете были перенесены на вечерние часы с пяти до десяти часов вечера².

В зимние месяцы отопить все университетские аудитории не удавалось, поэтому некоторые занятия переносились за пределы университета в отапливаемые помещения. В читальном зале университетской библиотеки и лабораториях нередко была минусовая температура. Показательным стал случай, произошедший 6 декабря 1919 г.: при праздновании 10-летия Саратовского университета ректор профессор В.Д. Зёрнов произнес торжественную речь, будучи одетым из-за холода в аудитории во фрак и валенки³.

Однако, несмотря ни на что, решение Крюгиусом о переезде в Саратов было принято, и, как и всякий вновь избранный профессор, 16 июля 1919 г. Август Адольфович прочел вступительную лекцию в стенах Саратовского университета на тему «Принцип индивидуальности в психологии»⁴.

¹ См.: *Аврус А.И.* Указ. соч. С. 69, 87.

² См.: Там же. С. 71–72.

³ См.: Там же.

⁴ *Маслов К.С.* Указ. соч. С. 401.

О том, как он понимал реализацию принципа индивидуальности в психологии и о чем мог говорить с саратовской кафедры, можно судить на основании идей, выраженных в его докторской диссертации, получивших там экспериментальное обоснование, а также подтверждения, обнаруженные психометрическими, психодиагностическими и математическими методами. Так, во введении диссертации буквально с первых слов показано понимание Кругиусом принципа индивидуальности на примере анализа психологического склада слепых.

Август Адольфович начал свою диссертацию с обсуждения двух диаметрально противоположных парадигм исследования слепых. Одни психологи считали, что весь склад душевной жизни слепых не представляет никаких типических особенностей – слепые мыслят и чувствуют так же, как и зрячие, хотя делалась оговорка: безусловно, их познавательная деятельность более ограничена, чем у зрячих. Другие исследователи утверждали, что слепота откладывает на человеке определенный отпечаток, отражаясь не только на познавательной, но и на эмоционально-волевой стороне его жизни. Другими словами, под влиянием слепоты создается особый психологический тип. И тот и другой подходы казались Кругиусу односторонними и неприемлемыми: нельзя не согласиться, что слепота отражается на всей душевной жизни человека, вместе с тем нельзя также считать, что она создает определенный психологический тип. И хотя влияние слепоты на психику и поведение глубоко и сильно, все же, по мнению Кругиуса, *«жизнь не исчерпывается механическим присоединением*

одних элементов к другим. Жизнь есть постоянное творчество, постоянное созидание новых сочетаний. Творческая мощь индивидуальности создает и новые качества, и новые ценности. Признание в человеке творческого начала не позволяет нам приписывать какому бы то ни было внешнему элементу роль решающего фактора в развитии. Тот же самый элемент может войти в самые различные сочетания и в соответствии с этим иметь самое различное значение.

В этом отношении жизнь подобна художественному произведению. Симфония не есть простая совокупность различных тонов, и поэма не есть арифметическая сумма отдельных слов. Всякое произведение искусства проникнуто внутренним единством, и отдельные элементы – тоны, слова, являются дифференциацией единого сложного целого. Каждый элемент получает свой смысл и значение в зависимости от той невидимой и неосязаемой, но непосредственно чувствуемой связи, которую проникнуто целое»¹. В связи с этим, по мысли Кругиуса, можно говорить о слепоте не в смысле фактора, определяющего психический склад человека, а в смысле детерминанты, влияющей на формирование тех или иных предрасположенностей, создаваемых слепотой.

Как видим, Кругиус обозначил в психологии предпочтение не типологическому подходу (весьма распространенному как тогда, так и в настоящее время), а методологическому принципу индивидуальности, понимаемой им в виде целостной системы, включающей в качестве своеобразно сочетаемых элементов

¹ Кругиус А.А. Указ. соч. С. 1–2.

свойства познавательной, эмоционально-волевой, ценностной подсистем.

Из приведенной цитаты видно также, что системный подход, ставший неким откровением в советской психологии в 1970-е гг., а в последующие годы – и главным методологическим принципом отечественной психологии, применялся А.А. Крогиусом (да и С.Л. Франком и другими российскими философами и психологами) в психологических исследованиях еще в начале 1900-х гг., но был отброшен за ненадобностью как буржуазный пережиток, пока не был обнаружен марксистскими методологами в исследованиях К. Маркса.

«Можно сказать, – писал Е.Ф. Земель в 1984 г., ссылаясь на работу В.П. Кузьмина², – что системное знание в его научной форме впервые появилось в XIX в. Марксистская теория и методология включает в себя принцип системности в качестве одного из важных компонентов... Марксистская методология смогла не только диалектически переработать исторический опыт прошлого, но и развить новые положения. Системное, целостное восприятие исследуемого объекта или процесса является внутренне присущей марксистской методологии чертой. Как известно, впервые и вместе с тем в необычайно полном и обоснованном виде пример такого целостного системного анализа исследуемой области продемонстрировал К. Маркс в “Капитале”»³. Оставим выска-

² См.: *Кузьмин В.П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980.

³ *Земель Е.Ф.* Системный подход к методологии науки: дис. ... канд. философ. наук. М., 1984. URL: <http://www.dissercat.com/content/sistemnyi-podkhod-k-metodologii-nauki> (дата обращения: 12.01.2017).

занное без комментариев. После вступления в должность в Саратовском университете А.А. Крогиус вернулся на время в Петроград, чтобы затем уехать в Саратов уже с семьей, но летом 1919 г. в Петрограде он был арестован.

В июне и последующие месяцы 1919 г. ВЧК было арестовано несколько профессоров и преподавателей Военно-медицинской академии, а также других интеллигентов в связи с так называемым делом Национального центра, члены которого якобы «готовили мятеж» на фортах «Красная горка» и «Серая лошадь». В ответ на это академия направила своего президента В.Н. Тонкова в Москву с письмом Горького к Ленину от 6 сентября 1919 г., в котором писатель просил освободить невиновных, больных и истощенных задержанных, среди которых был упомянут и Крогиус. В Москве Тонков встретился с Лениным и Луначарским.

По семейным рассказам, своему аресту Крогиус был «обязан» Я.М. Свердлову, с которым у них произошел спор из-за преследования некоторых ученых. В архиве сохранилось письмо жены Августа Адольфовича некому высокопоставленному большевистскому начальнику:

«17/ IX 1919

Глубокоуважаемый Николай Александрович!

Я, жена Августа Адольфовича Крогиуса, приходила к Вам, чтобы попросить у Вас помощи и совета, куда обратиться и что сделать для его освобождения или скорейшего выяснения причины его ареста. Его арест был для нас как снег на голову.

Встречаясь с ним на курсах, Вы, верно, заметили, что он совершенно не политический деятель

по существу. Политика была всегда для него – чуждое дело, и он протестовал из-за одного чувства порядочного человека и только, а по существу всегда стремился уйти из мира живых людей в мир книг. Последнее время особенно он только и мечтал о переезде в Саратов (его арестовали накануне отъезда), о занятиях в Университете, о том, что там будет возможность бросить и медицину, которой здесь приходилось заниматься из-за заработка, и совершенно уйти в книги.

Т.е. никаких действий политических уж он не предпринимал.

Но если даже допустить законность арестов за убеждения, то и то его арест совершенно невероятен, т.к. он даже идеализировал большевизм и его вождей, старался так или иначе оправдать то, что не мог одобрить, объясняя все неладное тем, что к настоящим большевикам примазалось много темных людей и т.д.

Так что буквально я теряю голову, чей взор на нем остановился, чтобы его избрать из числа других для ареста.

Я лично всегда ему говорила, что он со временем получит золотую медаль за то, что он самый послушный гражданин Советской Республики, п. ч. он исполнял все декреты до смешного, напр. недавно, когда ехал за нами сюда из Саратова, не привез ни пшена, т.к. это было запрещено, хотя прекрасно знал, что его дети далеко не сыты, а он очень любящий и заботливый отец.

Извините, ради Бога, что беспокою Вас, но я испытываю такое чувство недоумения и обиды. Если

бы он был настоящий протестант в делах или хотя в помышлениях, то я видела бы хотя смысл его сиденья, а теперь я ничего не понимаю.

Искренне уважающая Вас

Ольга Крогиус»¹.

Вскоре Августа Крогиуса освободили, и он с семьей переехал в Саратов.

Изначально Август Адольфович *«был утопистом и человеком наивным. Будучи добрым по природе, он свято верил в справедливость и благородство. Ему казалось, что революция принесет на землю чуть ли не рай и что все лозунги обретут реальность»²*. После ареста Крогиус, по-видимому, пересмотрел свое отношение к политической реальности.

К моменту переезда из Петрограда в Саратов Август Адольфович уже был опытным и известным ученым с европейским именем. Он был соратником многих отечественных светил: В.М. Бехтерева и И.М. Сеченова, П.Ф. Лесгафта и А.Ф. Лазурского, Г.И. Россолимо и В.П. Сербского. Он также работал ассистентом и сотрудником в экспериментальных лабораториях европейских столпов науки о психике – рядом с В. Вундтом и Г. Эббингаузом, Э. Крепелином и Ж. Шарко. Им уже было открыто новое направление в отечественной психологии – тифлопсихология, или психология слепых, которое горячо поддерживали крупнейшие представители педологического движения в России того времени: Б.М. Бехтерев, А.Ф. Лазурский, А.П. Нечаев.

¹ *Крогиус Ольга*. Письмо. Петроград, 1919 // Архив Академии Наук СССР. Фонд 543. Опись 4. № 939. URL: http://www.ras.ru/MArchive/pageimages/543/4_0939/000.jpg (дата обращения: 23.12.2016).

² *Маслов К.С.* Указ. соч. С. 405.

Педология, или междисциплинарное, объединяющее подходы различных наук (психологии, медицины, биологии и др.) направление в педагогике, ставившее своей целью интегральное исследование биологического, психического и нравственного развития ребенка, стала сферой научных интересов А.А. Крогиуса. Еще с начала XX в. в России педология развивалась в трудах В.М. Бехтерева, Г.И. Россолимо, А.П. Нечаева, П.П. Блонского и других ученых, однако истинный подъем эта научная дисциплина пережила в нашей стране при поддержке правительства большевиков после 1917 г. Тогда в школах шло активное внедрение практик психологического тестирования в решение многих практических задач: комплектации классов, организации школьного режима и др.

А.А. Крогиус принял активное участие в развитии отечественной педологии. Еще в 1907 г. на летних педологических курсах им были прочитаны «Лекции по психофизиологии органов чувств»³. В целом педологические комплексные (полидисциплинарные и междисциплинарные) методологические подходы были ему близки. Так, в диссертации он не только экспериментировал и представил тестовые измерения психических свойств слепых, но и проанализировал их физическое развитие, состояние здоровья и типичные заболевания.

Если С.Л. Франк был представителем исключительно философского направления в психологии, то Крогиус счастливо обладал поистине энциклопедической подготовкой, сочетая познания как в области

³ См.: Крогиус А.А. Указ. соч. С. 238.

Участники II съезда по педагогической психологии.

В верхнем ряду в центре стоят (слева направо):

А.П. Нечаев, А.А. Крогиус, А.Ф. Лазурский.

Во втором ряду (в центре перед А.П. Нечаевым) –

Ольга Крогиус. 1909 г.

Фотография хранится в фонде музея

Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева

философии, так и в области психологии (экспериментальная психология, психодиагностика, клиническая психология, психофизиология), а также педагогики и педологии. Об этом, в частности, свидетельствует тематика его научных докладов, сделанных на международных психологических конгрессах в Риме, Инсбруке и Геттингене (1905), а также съездах по педагогике и психологии. Так, на V Международном психологическом конгрессе в Риме им были сделаны доклады по психофизиологии, экспериментальной психологии, психопатологии и по психологии в связи с философией¹.

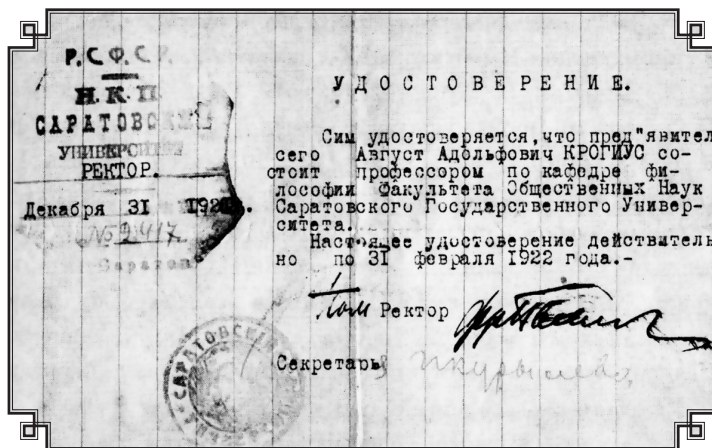
¹ См.: Крогиус А.А. Указ. соч. С. 238.

Известный российский психолог Александр Петрович Нечаев, друг и коллега Кругиуса, живя в 1930-е гг. в Москве, с 1931 по 1935 г. руководил психотехническим сектором Центрального автоэксплуатационного НИИ, был профессором-консультантом в Институте по изучению труда и отдыха при Наркомтруде. В 1931 г. он напишет о Кругиусе (по всей видимости, рекомендательную характеристику для поступления на должность в новое Ленинградское учреждение):

«Профессор Август Адольфович Кругиус, более двадцати пяти лет работающий на поприще академической деятельности, является выдающимся специалистом в области экспериментальной психологии. Его многолетнее исследование слепых, произведенное по разнообразным и часто современным оригинальным методикам, заслужило ему почетную известность не только у нас, но и за границей.

Помимо своих научных работ А.А. Кругиус постоянно принимал самое деятельное участие и в широкой просветительской деятельности в качестве преподавателя новых учебных заведений (Педологических курсов, Психоневрологического института, Педагогической академии)...

Во всех своих печатных работах А.А. Кругиус всегда являлся представителем точного метода исследования психофизиологических проблем, умевшем соединять в своем лице обширную эрудицию с тонким чутьем критика. Из некоторых учеников профессора А.А. Кругиуса многие занимают профессорские кафедры, как напр. М.П. Кутанин (Проф. Гос. Саратовского Университета), Басов (Проф.

Документ, выданный А.А. Крогиусу и удостоверяющий, что он состоит профессором по кафедре философии факультета общественных наук Саратовского университета. 31 декабря 1920 г. Из личного архива Н.В. Крогиуса

Гос. Ленинградского Унив.), Щелованов, Рабинович, Мясищев – профессора Института по изучению мозга в Ленинграде и другие...»¹.

В Саратовском университете в 1919/1920 учебном году, первом году своего преподавания в этом вузе, профессор А.А. Крогиус читал лекции по курсам «Психология» (4 часа) и «Экспериментальная психология» (курс с практическими занятиями – 2 часа), а также проводил семинарий по педагогике (2 часа). В 1920 г. он работал также врачом-психиатром в Саратовской Психиатрической колонии (больнице), которая находилась в нескольких километрах от города².

¹ Цит. по: Маслов К.С. Указ. соч. С. 524–525.

² Там же. С. 433.

В мае 1921 г. в Саратовском университете историко-филологический факультет был ликвидирован. Его филологическое отделение превратилось в словесное отделение факультета общественных наук (ФОН), образованного в 1919 г. и просуществовавшего до 1922 г. В 1922 г. ФОН был преобразован в педагогический факультет, который существовал по 1931 г. Таким образом, кафедра психологии, возглавляемая А.А. Крогиусом, с 1919 г. входила в структуру ФОНа, а с 1922 г. – педагогического факультета Саратовского университета.

С 1919 по 1926 г. Август Адольфович работал профессором кафедры философии (психологии), а с 1926 по 1931 г. – профессором по кафедре педологии Саратовского государственного университета³.

В начальный период работы в СГУ профессор Крогиус познакомился и подружился с талант-

ливыми студентами университета Г.П. Ивановым, Э.Л. Берковичем, Н.В. Касаткиным, которые были привлечены к занятию психологией еще Франком. Они помогали Крогиусу организовывать работу кафедры философии и психологии и университетской психологической лаборатории, а также вести кружок по психологии⁴. По окончании университета эти ученики Августа Адольфовича остались работать на кафедре своего учителя, который передал им свои знания и отношение к деятельности ученого и вузовского преподавателя.

³ Маслов К.С. Указ. соч. С. 533.

⁴ Там же. С. 523.

Примером, раскрывающим направление и содержание научной работы А.А. Крогиуса в саратовский период его жизни, может служить экспериментальное исследование, проведенное им и его ассистентами (бывшим учеником и коллегой Г.П. Ивановым и его супругой В.В. Вормс-Ивановой, дочерью профессора В.В. Вормса, первого заместителя первого ректора Императорского Саратовского университета В.И. Разумовского) в 1924 г. и опубликованное в 1925 г. в четвертом томе (вып. 2) «Ученых записок Саратовского университета» и спустя полвека перепечатанное в Хрестоматии по возрастной и педагогической психологии¹.

Крогиус с ассистентами провел в осеннем полугодии 1924 г. экспериментально-психологическое исследование различных интеллектуальных функций студентов Саратовского университета и слушателей одного из средних учебных заведений, при поступлении в которое требовалось только начальное образование. Исследованию подверглись 264 студента 2-го курса педагогического факультета и 129 слушателей среднего учебного заведения в возрасте от 17 до 30 лет. Методика строилась по схеме, предложенной другом и коллегой Крогиуса А.П. Нечаевым, и состояла из выполнения тестовых заданий 4 типов: запоминание чисел, нахождение слов-антонимов, исполнение команд, восполнение рядов чисел.

При анализе полученных результатов прежде всего бросается в глаза резкое различие во всех пока-

¹ См.: *Крогиус А.А. Экспериментальное исследование интеллектуальных функций студентов // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии: работы советских психологов 1918–1945 гг. / под ред. И.И. Ильясова, В.Я. Ляудис. М., 1980. С. 38–44.*

зателях студентов университета и слушателей среднего учебного заведения. И по запоминанию чисел, и по нахождению слов противоположного значения, и по восполнению арифметических рядов, и по исполнению команд слушатели среднего учебного заведения оказались стоящими существенно ниже студентов университета. При этом максимальные различия между отделениями достигают в каждом исследовании больших размеров, чем различия между мужчинами и женщинами. Думается, что полученные результаты могли не понравиться учащимся и начальникам-простолюдинам.

Несмотря на то, что в исследовании делались отдельно замеры различных психических функций, Кругиус счел нужным оговориться, что в общей теории психологии не следует рассматривать психические функции как самостоятельные элементы, сложением которых могло бы определяться все течение психических процессов: не существует обособленной способности восприятия, внимания, памяти, мышления и т.д. Все эти функции проявляются только в неразрывной связи друг с другом, интенсивность каждой из них зависит от сочетания, в которое она включена, от того окружения, на фоне которого она выступает.

В Саратове А.А. Кругиус подготовил и опубликовал следующие работы:

- Психология слепых и ее значение для общей психологии и педагогики. Саратов: Изд. авт., 1926. 144 с.;
- Бюджет времени студентов педагогического факультета Саратовского Университета // Ученые записки Саратовского государственного университета. Т. VI, вып. 3. Саратов, 1928. С. 83–90;

*Торжественное заседание Совета Саратовского университета. В центре стоит профессор А.А. Крогиус.
7 ноября 1926 г.*

– Психотехнические исследования в ВУЗах // Ученые записки Саратовского государственного университета. Т. VII, вып. 3. Саратов, 1929. С. 5–10;

– Методы исследования умственного утомления: Отдельный оттиск из «Ученых записок Саратовского государственного университета». Т. VIII, вып. 1. Имеется резюме на немецком языке. Саратов: Тип. № 2 Крайполиграфпром, 1929. 16 с.¹

Помимо научной и преподавательской деятельности Август Адольфович вел обширную общественную работу в Саратовском университете. Об этом

¹ См.: URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/770-krogius.html> (дата обращения: 13.01.2017).

свидетельствует характеристика А.А. Крогиуса, выданная в мае 1931 г. Советом народного образования Нижне-Волжского края:

«Об общественной работе профессора Крогиуса А.А.

Профессор Крогиус, Август Адольфович, за период своего пребывания в Саратовском государственном, им. Н.Г. Чернышевского, университете, выявил себя в качестве активного общественного работника. Помимо ряда частных поручений МК и МТСНР им проделана следующая общественная работа:

С 1929 по 1931 г. был председателем комиссии обследования труда и бюджета времени просвещенцев Н.-В. края. С 1929 по 1931 г. был членом комиссии по обследованию учащихся ликбеза и председателем подкомиссии по психофизическому исследованию их. С 1928 по 1931 г. – член бюро Научно-педагогической станции Н.-В. края. С 1924 по 1930 г. Товарищ председателя Общества психологии, неврологии, психиатрии. В 1931 г. был членом бюро Саратовского отделения Всесоюзного Психофизиологического общества. В 1931 г. стал председателем расширенных научных конференций при кафедре педологии и психологии Саратовского государственного университета. С 1929 по 1930 г. консультант по вопросам педологии при Педагогической ассоциации Д.Р.П.

С 1923 по 1931 г. был членом библиотечной комиссии при Саратовском государственном университете.

Профессор Крогиус А.А. с первых же моментов обострения классовой борьбы в вузе примкнул к левой революционной части научных работников. Им проделана большая работа по внедрению в практику вуза активных методов преподавания.

1 Мая 1931 г. проф. Крогиусу А.А. присвоено звание ударника и премирование курортной койкой»¹.

Работа в Саратовском университете сочеталась у А.А. Крогиуса с активной общественной деятельностью в городских и областных масштабах. Он помогал создавать Саратовский губернский отдел Всероссийского общества слепых, организовал кружок в школе слепых г. Саратова и вел там научные занятия. В 1933 г. имя А.А. Крогиуса было присвоено Саратовской школе для слепых, а в 1937 г. его имя из названия исчезло².

В г. Покровске (с 1931 г. – г. Энгельс), расположенном на левом берегу Волги напротив Саратова, 6 января 1930 г. торжественно открыли Немецкий государственный педагогический институт. Трудиться на кафедре педологии был приглашен профессор А.А. Крогиус. В отзыве, выданном за подписью директора института от 11 сентября 1932 г., говорилось:

«Профессор Крогиус А.А. за время работы в немецком Педагогическом институте проделал большую работу по организации кафедры педологии и педологической лаборатории. Под руководством профессора Крогиуса институтом начата научно-исследовательская работа в области педологии. Проф. Крогиус пользовался большим уважением студенчества, его лекции и занятия давали студентам богатый материал»³.

Об особенностях жизни в Саратове семьи Августа Адольфовича можно судить по следующим данным.

¹ Цит. по: *Маслов К.С.* Указ. соч. С. 521–522.

² См.: Там же. С. 530.

³ Там же. С. 519.

Его жена, Ольга Александровна, не только занималась домом и семьей, но и активно трудилась в различных учреждениях. Она работала преподавателем математики на рабочем факультете Саратовского университета. Порботала она и учителем математики в 6-й Саратовской школе (с ноября 1919 г. по 1 сентября 1921 г.), руководила диспансером Саратовского Губздравотдела (28.11.1921–01.10.1922), учительствовала в 7-й школе г. Саратова (01.03.1922–10.09.1924), порботала и в Саратовской Опорной школе водного транспорта (до 01.09.1925)⁴.

В Саратове Крюгиусы жили скромно, без особых излишеств: любовь к роскоши и помпезности – это не те понятия, которые подходили бы для характеристики этих людей⁵.

В декабре 1926 г. в Саратов прибыла Л.К. Чуковская, высланная из Ленинграда на 3 года. Позже она вспоминала:

«Я целыми днями бегала по городу в поисках жилья, и наконец в центре города, на Большой Казачьей, семья Афруткиных (вдова с двумя дочерьми) согласилась сдать мне угол: стол, стул и кровать в комнате, где жила младшая четырнадцатилетняя дочь. Водопровод, электричество, ванная. Но квартира была коммунальная...»⁶.

В письме родителям Л.К. Чуковская писала 26 декабря 1926 г. из Саратова о встрече с семьей А.А. Крюгиуса и впечатлении о городе:

⁴ См.: Маслов К.С. Указ. соч. С. 432.

⁵ См.: Там же.

⁶ Лидия Чуковская в Саратове. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4514961/post378914401/> (дата обращения: 14.01.2017).

«Милая мама и милый папа!

Только что получила первое письмо из дому. На 10-ый день отъезда! Что было бы, если бы я писала вам так же. Утром сегодня пришел ко мне А <рсений Кругиус> и сказал, что письмо от мамы забыл дома. Я пошла с ним к нему домой. Мама его и отец встретили меня чрезвычайно ласково, не знаю уж и почему. Между прочим, оказалось (я вчера это узнала), что отец Арсения – профессор психологии в здешнем университете, человек с европейским именем. Не знаю, правда ли, что у него европейское имя, но впечатление он производит очень интересное. Он дал мне Бергсона, которого до сих пор я здесь тщетно искала. И он пригласил меня в его домашний философский семинарий. Я чрезвычайно довольна... Они прелестные люди, редкой доброты, сияющей... Все семейство как будто специально организовано для оказания помощи окружающим людям...

Саратов хорошо выглядит. Домишки славные, улицы широкие, снег хорошо хрустит. По вечерам страшно выходить на улицу. Уже с 5 ч. пусто, тихо. Но освещен город не плохо. Фонарей много и они высокие, как в Ленинграде на Марсовом поле. Их головы качаются и по улицам ходят большие черные тени, которые иногда напалзает на дома. Трамвайное сообщение отвратительное: одноколесные линии и потому трамваи ходят редко. Да и ходят они как-то так, что всегда удобнее и скорее дойти пешком. Они старые, облезлые. Обыватели ездят в них торжественно, как на поезде...»¹.

¹ Чуковская Л.К. – К.И. и М.Б. Чуковским // Наша биография не в нашей власти. Переписка Л. Чуковской и К. Чуковского (1912–1969).

Дети в семье Крогиусов подрастали. Сын Арсений в 1924 г. поступил в Саратовский университет. О дружбе с ним вспоминала З.И. Митягина: «...*Была группа студентов – В. Патрушев, А. Крогиус, Н. Белов, я и В. Калинин, которые собирались у кого-нибудь, читали научную и художественную литературу, рассуждали об искусстве и музыке. С В.И. мы гуляли по вечерам, он руководил моим чтением, давал книги...*»².

Студентами Саратовского университета вскоре стали и остальные дети Крогиусов: в 1929 г. – Елена, а в 1931 г. – Эммануил.

Однако «в начале 20-х гг. XX в. вузы были втянуты в политическую игру правительства, связанную с борьбой против Л. Троцкого. Весной 1924 г. была проведена “чистка” среди студентов всех отделений СГУ, были отчислены студенты, которые казались буржуазными интеллигентами или выделялись своей индивидуальностью...»³. Покинуть Саратовский университет пришлось и студенту Арсению Крогиусу. Он переехал в родной для его семьи Ленинград, стал студентом Ленинградского пединститута им. Герцена, параллельно преподавал в 97-й школе Володарского района и 2-й железнодорожной школе Ленинграда⁴.

URL: <http://www.chukfamily.ru/Lidia/Proza/perepiska.htm> (дата обращения: 13.01.2017).

² Цит. по: *Соболева А.В.* Воспоминания об отце. URL: http://oldsaratov.ru/sites/default/files/attachs/soboleva_a_v.doc. (дата обращения: 13.01.2017).

³ Там же.

⁴ См.: Крогиус Арсений Августович. URL: <http://rosgenea.ru/?alf=11&r=4&serchcatal=%CA%F0%EЕ%Е3%Е8%F3%F1> (дата обращения: 10.01.2017).

В 1928 г. в дом Крогиусов пришла беда: 1 июня арестовали Арсения, а 15 июня уже был вынесен приговор – 3 года ссылки в Коми АССР по обвинению в шпионаже. После ареста судьба молодого человека была сломана. Освободился он в 1931 г. без права проживания в 12 городах, но вскоре был вторично арестован и заключен в Белбалтлаг (Медвежьегорский район Карельской АССР). Расстрелян 26 июля 1937 г. и похоронен около станции Сегежа¹.

В том же злополучном 1928 г. началась травля профессоров в газете «Правда» с обвинениями их в реакционности. Имя А.А. Крогиуса не было названо, но упоминались имена хорошо знакомых его коллег. Как остроумно заметил А.И. Аврус, основанием, по-видимому, послужило некогда высказанное В.И. Лениным соображение о позоре, что *«после завоеваний политической власти пролетариатом, в его университетах учат (вернее развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу»*².

Партийное руководство Саратовского университета не могло не отреагировать на взятый партией большевиков курс, и 12 ноября 1930 г. университетское партбюро рассмотрело вопрос о «вылазках» правых, обвинив в реакционности профессоров П.Г. Любомирова, А.А. Крогиуса, В.А. Челинцева, В.В. Голубева, К.А. Леонтьева, от которых следовало бы, по мнению партбюро, избавиться³.

Начавшееся в 1928 г. под давлением парторганизации и студенческой общественности, сообщавшей

¹ См.: Крогиус Арсений Августович.

² Цит. по: Аврус А.И. Указ. соч. С. 77.

³ СГУ в годы кризиса университетской системы. URL: <http://sgu.ru/info...> (дата обращения: 11.01.2017).

о якобы антисоветских высказываниях ряда профессоров, вытеснение из университета той части старой профессуры, которая еще сохранилась, все больше усиливалось, в результате чего СГУ покинули многие выдающиеся ученые. Если в начале 1930 г. в Саратовском университете работали 54 профессора, то к началу 1932 г. их осталось всего 13⁴.

С 1929 по 1932 г. Август Адольфович совмещал работу в Саратовском университете со службой на кафедре педагогики Немецкого педагогического института г. Покровска⁵. Работа, проделанная преподавателями этого вуза, была «высоко» оценена ОГПУ:

«...Особым отделом ПП ОГПУ НВ Края в 1930 г. была вскрыта и в определенной мере пресечена к-р националистическая и шпионская деятельность католического и лютеранского немецкого духовенства... Последующие к-р враждебные Соввласти проявления обвиняемых Дингеса, Зиннера и Сынопалова и послужили основанием для привлечения их к следственному делу... Преподавательский состав в пединститут был подобран Дингесом и Сынопаловым и представлял из себя (профессор археологии Рау, профессор Крогиус [Krogius], профессор Штауб [Staub] и др.) полную идентичность, как по идеологии, так и по связям с зарубежом, Дингесу-Сынопалову ... что в двух словах значит игнорирование всего революционного и культивирование всего реакционного и антисоветского»⁶.

⁴ См.: *Аверус А.И.* Указ. соч. С. 85.

⁵ См.: *Маслов К.С.* Указ. соч. С. 534.

⁶ Цит. по: Там же. С. 520, 521.

И хотя профессора Лозингер, Крогиус и Вормс отмечены в материалах заведенного дела как «не привлеченные еще к ответственности», направление весьма вероятного вектора дальнейших событий в их жизни в приведенной цитате прослеживается вполне определенно.

Череда многих событий (арест и ссылка сына Арсения, травля в печати и на службе) подтолкнула Крогиуса к решению уехать из Саратова. Завершив 1931/1932 учебный год в Саратовском университете, осенью 1932 г. он один переезжает в Ленинград, оставив жену с детьми в Саратове. Возможно, предполагалось жить отдельно некоторое время, пока Августом Адольфовичем не будут созданы условия для проживания семьи в Ленинграде.

С 1 сентября 1932 г. Крогиус начал работу в качестве профессора по кафедре тифлопедагогики Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена (по совместительству), в то время как основным местом его работы был медицинский институт. В пединституте он руководил дефектологическим отделом секции научных работников, с октября 1932 г. – член месткома института.

Таким образом, трудовая жизнь Августа Адольфовича в Ленинграде постепенно налаживалась. Однако эпидемия тифа в 1933 г. оборвала жизнь талантливого ученого. Август Адольфович умер 29 июня 1933 г. и был похоронен в Ленинграде на Смоленском лютеранском кладбище рядом с сыном Эммануилом. На могильном камне два имени – Августа Адольфовича Крогиуса и Эммануила Августовича Крогиуса¹.

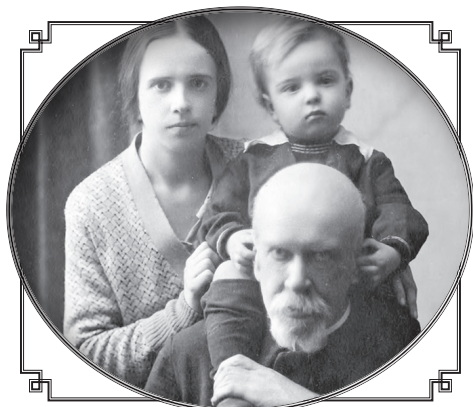
¹ Маслов К.С. Указ. соч. С. 531.

Н.В. Крогиус, внук Августа Адольфовича, написал о деде: *«Жизненный путь Августа Адольфовича Крогиуса иллюстрирует единство высокого уровня профессионализма (ученого, педагога и врача) и человеколюбия как стержневого свойства характера. По-видимому, не случайно, что все люди, которых я просил поделиться воспоминаниями о деде, начинали свой рассказ с описания его доброго, внимательного и уважительного отношения к ним. Причем люди это были разные – от профессоров психологов из Ленинграда и Москвы (В. Мясищева, Б. Теплова, А. Смирнова) до учащихся школы слепых, студентов довоенного немецкого пединститута в г. Энгельсе и соседа по его саратовской квартире.*

Если обобщить отношения А.А. Крогиуса к другим людям и к себе, то нетрудно заметить главное. Во-первых, – это умение слушать и проявление подлинного интереса к собеседнику. Во-вторых, – это не показная, а естественная демонстрация равного и ровного отношения к другим.

Август Адольфович умел общаться со всеми. Он вызывал уважение как у начальства, так и у “простого” народа. Впрочем, иногда дело оборачивалось анекдотом. Так, соседский уличный сапожник приобрел картуз, “чтобы достойно отвечать на приветствия профессора, приподнимавшего при встрече шляпу”. Вместе с тем “мягкотелым интеллигентом” он никогда не был – умел поставить на место нахала и жестко отстаивать свои позиции в принципиальных вопросах.

И, наконец, в-третьих, доброе отношение к людям не ограничивалось разговорами. Нуждающемуся,

*А.А. Крогиус с дочерью Еленой
и внуком Николаем.
1931 г. Саратов.
Из личного архива Н.В. Крогиуса*

*несправедливо оби-
женному, слабому
он всегда был готов
оказать помощь.
Примеров масса.*

*Это, в частно-
сти, устройство
прибывающих в 20-е
годы в Саратов
ссылных из Мо-
сквы и Ленинграда,
хлопоты о зачисле-
нии в студенты лиц
“непролетарско-
го” происхождения,*

*об улучшении быта сотрудников и студентов уни-
верситета, о стипендии для учащихся, об организа-
ции школы для слепых, денежная помощь бездомным
и многое, многое другое.*

*В добрых делах активно участвовала и семья
А.А. Крогиуса...*

*...Пытливый ученый, честный гражданин и про-
сто доброй души человек»¹.*

Узоры судеб Франка и Крогиуса, ученых первого поколения саратовской психологической школы, во многом схожи. Оба были из дворянских семей, рано остались без отцов, вынуждены были самостоятельно обеспечивать жизнь, сначала собственную, затем своих семей, для чего обычно трудились на нескольких должностях в разных учреждениях. Получив

¹ Маслов К.С. Указ. соч. С. 17, 18.

высшее образование в российской провинции, пришли в науку и вузовское образование в Петербурге, стажировались и научно определились в Европе, после чего служили на одной кафедре – философии историко-филологического факультета Петербургского университета, а затем – философии и психологии Саратовского университета. Оба женились на саратовчанках и стали психологами первого поколения в Саратовском университете и вообще Саратовском крае. Психологи с европейскими именами, авторитетнейшие ученые С.Л. Франк и А.А. Крогиус заложили теоретико-методологические основы научной саратовской психологической школы, а также показали образец служения своему делу – делу университетского российского психолога. В научной работе они видели основное свое жизненное призвание. Захваченные научной работой, они своим примером вовлекли ряд своих учеников в профессию психолога, передав им не только свои обширные знания, но и научив основам научно-исследовательской работы и бескорыстной любви к делу своей жизни. С уходом С.Л. Франка и А.А. Крогиуса из Саратовского университета закончился период рождения и становления дворянской саратовской психологической школы, который содержательно был европейским, воплотившимся в традиции петербургской научной школы психологии конца XIX – начала XX в.

1.3. Ученики С.Л. Франка и А.А. Крогиуса: саратовские психологи второго поколения

...Время чистки факультетов от прежней буржуазной профессуры и замены ее новыми, получившими уже советское воспитание кадрами. Правда, и те через некоторое время были отстранены от преподавания.

Н.Ю. Фиолетова

Интерес студентов к личности ученого С.Л. Франка и к его научной деятельности был так велик, что даже после его отъезда из Саратова, а затем и России, его ученики продолжали начатую при нем научную работу. Любимая ученица Франка Надежда Юрьевна Крупянская (Фиолетова) вспоминала о заседании студенческого философского кружка, состоявшегося осенью 1922 г., на котором обсуждались социально-философские взгляды профессора С.Л. Франка, а также его книга «Очерк методологии общественных наук» (М., 1922):

«Доклад на заседании было поручено сделать мне как одной из ближайших учениц С.Л. Франка. Присутствовали как “философы”, постоянные участники семинара Франка (Эмилий Беркович, Г.П. Иванов – в будущем преподаватели психологии в вузах, Соломон Белевицкий – фармацевт, в возрасте далеко за сорок лет, увлекшийся философией и ставший студентом философского отделения), так и юристы с философскими интересами (Борис Николае-

вич Хатунцев, присяжный поверенный П. Лебедев и некоторые др[угие]). На заседание кружка был приглашен только что приехавший в Саратов молодой профессор по теории права и истории политических учений Н.Н. Фиолетов... Доклад носил острый характер, так как незадолго перед этим С.Л. Франк был выслан за границу в числе «100», и мы, студенты, его ученики, с горечью и болью переживали это событие»¹.

Кроме будущих психологов Э.Л. Берковича и Г.П. Иванова, названных Крупянской, учеником Франка в Саратовском университете был и студент Н.В. Касаткин, впоследствии также ученый-психолог.

Приглашенный Франком в Саратовский университет и сменивший в 1919 г. Семена Людвиговича на посту заведующего кафедрой философии психолог А.А. Крогиус продолжил научную подготовку этих студентов в области психологии. *«На своей кафедре, – писала Р.Г. Селиванова, – А. Крогиус подготовил плеяду высокообразованных талантливых психологов: Н.В. Касаткина, Иванова, Э.Л. Берковича, ученики и дети которых и сейчас работают в различных вузах нашей страны»*².

Свою преданность научной психологической школе, основанной С.Л. Франком и поддержанной А.А. Крогиусом, и благодарность учителям бывшие студенты сохраняли всю жизнь. Имя Франка как

¹ Цит. по: Гапоненков А.А. С.Л. Франк в Саратовском университете. С. 8.

² Селиванова Р.Г. К истории психологии в Саратове // Проблемы региональной психологии: теория, практика, эксперимент: матер. регион. науч.-практ. конф. 5 апреля 2007 г. / отв. ред. Р.Х. Тугушев. Саратов, 2007. С. 4.

лица, выдворенного из СССР, долгое время было под запретом, но тематика и характер выполненных впоследствии его учениками диссертаций с очевидностью указывают на преемственность идей Франка в их научных исследованиях. А из воспоминаний дочери Э.Л. Берковича Ирины известно, что Эмиль Львович всегда тепло вспоминал своего учителя А.А. Крогиуса, чей портрет стоял у него на письменном столе в кабинете.

После окончания Саратовского университета ученики С.Л. Франка и А.А. Крогиуса – Касаткин, Беркович, Иванов – остались работать в родном вузе преподавателями, однако продолжалось это не слишком долго. К 1928 г., как вспоминала Н.Ю. Крупянская (Фиолетова), в университете настало *«время чистки факультетов от прежней буржуазной профессуры и замены ее новыми, получившими уже советское воспитание кадрами. Правда, и те через некоторое время были отстранены от преподавания, чтобы уступить место третьему поколению»*¹.

«Кадры второго поколения» саратовских психологов – Иванов, Касаткин, Беркович – были вынуждены покинуть Саратов и разъехались по разным вузам страны.

Психолог **Иванов Георгий Петрович**² (1896 – после 1976) по окончании Саратовского университета в 1922 г. был оставлен для преподавательской работы в родном вузе. Однако после начавшейся травли А.А. Крогиуса, его учителя и непосредственного на-

¹ Фиолетова Н.Ю. История одной жизни. М., 1992. С. 49.

² См.: Маслов К.С. Указ. соч. С. 499.

*Г.П. Иванов. 1932 г.
Из коллекции документов
В.А. Соломонова по истории
СГУ им. Н.Г. Чернышевского*

чальника, в 1931 г. почти одновременно с Августом Адольфовичем он покинул Саратов.

В апреле 1930 г. был открыт Благовещенский государственный педагогический институт для подготовки преподавателей школ колхозной молодежи (ШКМ) и научно-исследовательской работы. Первым заведующим кафедры педагогики и педологии нового института Наркомпрос назначил доцента педа-

гогического факультета Саратовского государственного университета Г.П. Иванова³.

В своих воспоминаниях Георгий Петрович писал, что об открытии нового вуза узнал от товарища по Саратовскому университету, который *«уже около года работал в Благовещенске и в своем письме подробно написал об институте, о городе, о Дальнем Востоке и передал приглашение директора института В.И. Харченко приехать для работы в институте. Мне было тогда 35 лет, не так уже и молод. Но перспективы поработать в таком далеком неизвестном крае, в новом институте, крайне нуждавшемся*

³ См.: Карнаух Н.В. Наставники амурских учителей (к 80-летию кафедры педагогики Благовещенского государственного педагогического университета) // Историко-педагогический журнал. 2011. № 1. С. 120–129.

в преподавательских кадрах, меня очень привлекала. Министерство народного просвещения РСФСР с согласия правления Саратовского университета направило меня для работы в молодой вуз в качестве и.о. профессора психологии и педологии»¹.

Таким образом, Георгий Петрович в некотором роде повторил судьбу С.Л. Франка, «превратившегося» в 1917 г. из приват-доцента Петроградского университета в профессора Саратовского университета. А возглавив кафедру педологии во вновь созданном вузе, Иванов некоторым образом воспроизвел судьбу другого своего учителя – А.А. Крогиуса.

На кафедре педагогики и педологии Благовещенского агропедагогического института, открывшейся 20 ноября 1931 г., преподавались педагогика, педология, физкультура и военное дело. Профессор педологии Г.П. Иванов с энтузиазмом начал работу на новом поприще. Через год из состава кафедры выделилась как самостоятельная кафедра педагогики, которую возглавил А.И. Ельщук.

В жизни Георгия Петровича оптимистическое начало на новом месте сменилось периодом испытаний. В 1936 г. ЦК ВКП(б) было принято постановление «О педологических извращениях в системе наркомпросов». Г.П. Иванову, имевшему ученое звание доцента по кафедре психологии, было отказано в присвоении ученой степени кандидата педагогических наук без защиты диссертации как «не имеющему достаточной квалификации». Георгий Петрович вынужден был вычеркнуть из списка своих научных трудов целый ряд работ по педологии.

¹ Цит. по: Карнаух Н.В. Указ. соч. С. 121.

В то же время ему пришлось попрощаться с административной должностью в качестве заведующего кафедрой: в 1936/1937 учебном году обе кафедры объединились в общую кафедру педагогики и психологии, которую возглавлял с 1937 до 1962 г. А.И. Ельщук. Иванов вел курс психологии, а в предвоенные и военные годы – еще и курсы истории педагогики и педагогики на всех факультетах. Кроме того, он выполнял административные работы в качестве заместителя заведующих кафедр и деканов.

В 1940 г. Г.П. Иванов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Развитие волевых действий и индивидуальных особенностей волевой деятельности школьников в учебной работе». Как видим, объектом исследования были школьники, предметом – особенности их волевой деятельности, главной проблемой – специфика развития воли у школьников в учебном процессе. Из этого можно заключить, что при подготовке диссертации использовались знания и методические навыки как в педологии, так и в экспериментальной психологии, что свидетельствует о продолжении Ивановым развития науки в направлении, открытом своим ученикам, прежде всего, А.А. Крогиусом.

В годы Великой Отечественной войны Благовещенск был прифронтовым городом, но занятия в институте не прекращались. *«В эти дни и месяцы, – вспоминал Георгий Петрович, – мы чувствовали, что фронт, по существу, рядом с нами: на противоположном берегу мы видели японских солдат и знали, что Япония, как союзник фашистской Германии, может в любую минуту начать войну с нами.*

Поздно вечером или ночью мы выходили на строительство укреплений по берегу Амура, в качестве народных ополченцев проходили военную подготовку, много времени уделяли овладению стрелковым оружием»¹.

«В течение 34 лет, работая на общегосударственной кафедре педагогики, – писал Иванов, – в лекциях по психологии и по педагогическим дисциплинам, а также на практических занятиях я стремился развивать у этих слушателей любовь к педагогическому труду, интерес и уважение к личности ученика, к формированию этой личности – человека и гражданина социалистического общества»².

За 5 лет до выхода на пенсию Иванов, как когда-то в далекие 1917–1919 гг. С.Л. Франк в Саратове, организовал студенческий научно-исследовательский кружок по изучению психологии детей младшего школьного возраста. Ряд кружковцев по окончании института вместо сдачи государственных экзаменов по педагогике отлично защищали дипломные сочинения, подготовленные на основе исследований, проведенных во время занятий кружка. Некоторые из кружковцев впоследствии были приглашены на преподавательскую работу на кафедру педагогики Благовещенского пединститута, как произошло когда-то и с саратовскими выпускниками Г.П. Ивановым, Э.Л. Берковичем, Н.В. Касаткиным, учениками С.Л. Франка и А.А. Крогиуса, приглашенными на работу преподавателей психологии в Саратовский университет.

¹ Цит. по: Карнаух Н.В. Указ. соч. С. 128.

² Цит. по: Там же.

Г.П. Иванов ушел на пенсию в возрасте 80 лет, проработав в Благовещенском педагогическом институте 39 лет. *«Приятно осознавать, что мы, старейшие преподаватели института, не только подготовили более десяти тысяч учителей, но и вырастили достойную смену в нашем институте»*, – писал в своих воспоминаниях Георгий Петрович³.

О Касаткине Николае Васильевиче (17.02.1890–24.11.1974) имеется немного сведений. Известно, что родился он в Саратове в многодетной семье рабочего-железнодорожника. Окончив Саратовское реальное училище, работал землемером. В 1917 г. поступил в Саратовский университет на историко-филологический факультет, где учился у С.Л. Франка, А.А. Крогиуса, Г.П. Федотова. После окончания университета до середины 1930-х гг. преподавал в Саратовском университете, затем переехал в Благовещенск и преподавал с середины 1930-х гг. до 1938 г. в Благовещенском педагогическом институте вместе со своим другом Г.П. Ивановым. С 1938 г. до выхода на пенсию в 1960 г. работал в Томском университете. Лекции Н.В. Касаткина пользовались у слушателей большим успехом. Его авторитет был значителен, и поэтому ему предлагали стать проректором Томского университета, однако он не принял это предложение. Защищенную им в 1939 г. кандидатскую диссертацию по педагогике (психологии) (оппонентом на защите был профессор В.Ф. Асмус), посвященную изучению психологических особенностей детской речи (в чем, несомненно, прослеживаются психолого-педагогические основы, заложенные

³ Цит. по: Карнаух Н.В. Указ. соч. С. 120.

А.А. Крогиусом), ввиду ее значения ему предлагали переработать в докторскую, но он от этого отказался.

Научные труды Н.В. Касаткина по психологии во многом относились к педологии, поэтому о широкой их публикации после разгрома педологии в 1936 г. речи быть не могло. Высланный из СССР С.Л. Франк однажды написал Н.В. Касаткину и предлагал ему печататься на Западе, но Николай Васильевич, по понятным причинам, отказался. Из научных трудов В.Н. Касаткина по литературоведению, психологии и философии к концу XX в. оказалась опубликованной стараниями его дочери – профессора В.Н. Касаткиной (Аношкиной) – только книга о Достоевском «Тайна человека: Своеобразие реализма Ф.М. Достоевского», написанная в конце 1960-х – начале 1970-х гг.¹ Остальные труды остаются неопубликованными и хранятся в архиве его родных.

О семье Н.В. Касаткина известно следующее: жена (с 1924 г.) Екатерина Александровна Беляева (Касаткина) (1900–1999), кандидат филологических наук, специалист по русской литературе XVIII в., преподаватель; дочери – Вера Николаевна Аношкина (Касаткина) (род. 1929), доктор филологических наук, профессор и Софья Николаевна Скрипниченко (Касаткина) (1925–1983), врач-невропатолог; правнук Борис Вячеславович Коптелов (род. 1976), кандидат исторических наук, автор монографии о римском императоре Лицинии². Если в диссертационных исследованиях Касаткина и Иванова явно прослежива-

¹ См.: Касаткин Н.В., Касаткина В.Н. Тайна человека: Своеобразие реализма Ф.М. Достоевского. М., 1994.

² См.: Касаткин Николай Васильевич. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 31.01.2017).

ются методологические принципы педологии и экспериментальной психологии, усвоенные ими в совместной научной работе с профессором А.А. Крогиусом, то у третьего их друга – Э.Л. Берковича – ярче проявилось влияние философской психологии, разработанной С.Л. Франком.

Еще в годы гражданской войны многие московские и петроградские профессора вынуждены были перемещаться из одного университетского города в другой, опасаясь репрессий из-за своей социальной или политической принадлежности. Поработав некоторое время в одном провинциальном вузе, они переезжали в другой. Немало таких профессоров побывало и в Саратовском университете³. Сохранилась эта тенденция и в 1930-е гг., что с очевидностью проявилось в судьбе Э.Л. Берковича, ученика С.Л. Франка (с 1917 по 1921 г.), а затем и А.А. Крогиуса (с 1919 по 1928 г.).

Как и его приятели Касаткин и Иванов, **Эмиль Львович Беркович** был преданным учеником Франка и Крогиуса. После окончания Саратовского университета в 1922 г. по специальности «философия» Беркович был оставлен на кафедре психологии, возглавляемой А.А. Крогиусом, был его любимым учеником, дружил с семьей Августа Адольфовича и нередко бывал у него дома. Будучи студентом Саратовского университета, он безоговорочно принял революцию, занимал, по словам его дочери И.Э. Стрелковой, активную революционную позицию. Связано это было, по-видимому, с памятью об отце-революционере Льве Ефимовиче Берковиче.

³ См.: Аврус А.И. Указ. соч. С. 66.

В воспоминаниях Веры Эйдельман содержатся данные о жизненном пути Л.Е. Берковича (1863–23.07.1911), его дружбе с Эмилием Александровичем Абрамовичем (в честь него Беркович дал имя своему сыну), об их совместной работе в 1880-е гг. по организации рабочих кружков в Минске. Описывается их пребывание в Париже и знакомство с П.Л. Лавровым, создание ими социал-демократических кружков в Киеве. Описываются и дальнейшие жизненные вехи Берковича – заключение в тюрьму, ссылка в Восточную Сибирь, возвращение в Россию, получение зубоврачебного образования, пребывание и революционная подпольная работа в Вольске и Саратове, последовавшая в 1911 г. кончина Льва Ефимовича¹.

*Э.Л. Беркович. 1940-е гг.
Из семейного архива
И.Э. Стрелковой*

В воскресной газете «Саратовский вестник» от 24.07.1911 было опубликовано скорбное известие: «Зубной врач Лев Ефимович Беркович, после продолжительной и тяжелой болезни вчера тихо скончался, о чем жена и дети извещают друзей и знако-

¹ См.: Эйдельман В. Воспоминания о Льве Ефимовиче Берковиче и Эмили Александровиче Абрамовиче // Каторга и Ссылка, 1928. Кн. 3/4 (40/41). С. 136–141.

мых. Вынос тела в воскресенье, 24 июля, из часовни Городской больницы на Лютеранское кладбище, в 4 ч. дня».

В газете «Саратовский вестник» от 26.07.1911 была опубликована еще одна небольшая заметка-некролог:

Л.Е. Беркович

«† **Л.Е. Беркович.** В субботу утром в городской больнице, после продолжительной болезни, скончался зубной врач Л.Е. Беркович. Покойный почти всю свою жизнь посвятил общественно-политической деятельности.

Сын колониста-крестьянина, он с юных лет стремился получить возможно широкое образование. Не имея возможности, по независящим

от него обстоятельствам, удовлетворить свою жажду знаний в России, он подбирает группу товарищей и, ограниченный в средствах, отправляется в Париж, где в то время умами русской молодежи безраздельно владел Лавров. Л.Е. Беркович делается его любимым учеником. По возвращении в Россию он снова уходит в политическую деятельность. Затем следует период пребывания его в ссылке, в Якутской области в течение 8 лет. Здесь покойный организовал школу для детей-якут и один вел занятия в ней.

По возвращении в Россию наступает перелом в его убеждениях. Он подпадает под влияние Карла Маркса и становится последователем его учения.

Болезнь между тем все более подтачивала его организм, и, наконец, появилась быстро растущая опухоль в брюшной полости. Две, следующие одна за другой, операции не могли уже спасти Берковича от смерти. После покойного осталась семья без всяких средств к жизни».

Мама Эмилия Львовича тоже была революционеркой. По словам И.Э. Стрелковой, ее бабушка была «очень успешная, умная, добрая к детям». Когда в их квартирах делали обыски, бабушку выпускали первой к представителям власти как наиболее тонкую и умелую в общении. Рано овдовев (в 1911 г.), она затем вышла замуж за Бориса Львовича Эйдельмана (1867, Киев – 1939, Москва), известного как делегата и председателя I съезда РСДРП (1898), члена ЦК. В Москве Эйдельманы жили в трифоновском Доме на Набережной, где гостили Берковичи. В памяти Ирины Эмильевны остались впечатления о больших площадях квартиры, креслах и диванах в белых чехлах, детская вольница и робкие бабушкины уговоры: «Ну, детки, ну, детки...».

Мир тесен. Отчим Э.Л. Берковича, Б.Л. Эйдельман, был хорошо знаком с П.Б. Струве, по инициативе которого и был созван I съезд РСДРП в марте 1898 г. в Минске и который написал текст Манифеста РСДРП, содержащего ближайшие политические задачи партии. В связи с этим думается, что в общении С.Л. Франка, близкого друга П.Б. Струве, и Э.Л. Берковича, студента и любимого ученика

профессора, могли быть точки соприкосновения не только психолого-философского, но и политического и личного характера.

В середине 1920-х гг. Эмиль Львович женился на Марии Георгиевне Кирилловой, закончившей филологический факультет Саратовского университета, ученице профессора А.П. Скафтымова.

Гонения на старую профессуру в конце 1920-х гг., а значит и на их ближайших учеников, привели к тому, что Эмиль Львович оставил работу на кафедре Саратовского университета и переехал, по рассказу И.Э. Стрелковой (октябрь 2010 г.), с женой в Москву для работы в психологическом институте. Там, в Москве, в 1927 г. у них родилась дочь Татьяна. Однако жить молодой семье было негде, и Берковичи вернулись в Саратов, где Эмиль Львович стал работать в статуправлении. Жили в это время Берковичи в частном доме у тетки Ирины Эмильевны по матери – тети Шуры (*«необыкновенной красавицы»*) и ее мужа Ивана Карповича. Здесь у Берковичей в 1930 г. родилась вторая дочь Ирина.

В 1931 г. в Душанбе открыли пединститут, и Эмиль Львович через знакомых получил приглашение поработать. Талантливый психолог, он начал там успешную научную и преподавательскую деятельность. С именем профессора Э.Л. Берковича связывают рождение и становление психологической науки в Таджикистане¹. К этому времени у Берковичей появилась третья дочь – Наталья. Из воспо-

¹ См.: Брудный А.А., Иванова В.П. Развитие психологической науки в Казахской ССР и республиках Средней Азии: Таджикская ССР. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1987/874/874005.htm> (дата обращения: 31.01.2017).

минаний о детских годах Ирины Эмильевны, о которых она мне поведала в январе 2010 г., известно, что в Душанбе семья Берковичей жила в очень большом доме-общежитии, стоявшем в поле, где росли трава и маки. Детей катали на осликах.

В Душанбинском пединституте Эмиль Львович был на хорошем счету, однако его и его друзей вскоре вызвали в компетентные органы для беседы, после чего Беркович стал собираться, чтобы вернуться в Саратов. В дороге, как рассказывала Ирина Эмильевна, семья попала в железнодорожную аварию, и поезд остановился в поле, что доставило большую радость детям, а у Эмиля Львовича случился приступ с печенью.

В Саратове Ирина Эмильевна закончила 1-й класс в средней школе № 10, расположенной рядом с Духосошественским Собором (ныне – Духосошественская пл., д. 3).

С 1938 по 1978 г.¹ Эмиль Львович жил с семьей в г. Оренбурге, работал на кафедре педагогики Оренбургского пединститута, преподавал психологию. По воспоминаниям дочери Ирины, метания отца по стране были связаны с угрозой со стороны НКВД и желанием сохранить жизнь близким. В 1939/1940 учебном году Эмиль Львович успешно защитил диссертацию на тему «Очерки по истории психологии в России в XVIII в. и первой половине XIX в.»². Его научным руководителем был осново-

¹ По воспоминаниям И.Э. Стрелковой, Берковичи жили в Оренбурге до 1960-х гг.

² См.: *Беркович Э.Л.* Очерки по истории психологии в России в XVIII в. и первой половине XIX в.: дис. ... канд. пед. наук. Чкалов, 1939.

положник диалектико-материалистической психологии (реактологии) в Советском Союзе К.Н. Корнилов, ученик Г.И. Челпанова. Оппонентом на защите Берковича был активный борец против идеалистической концепции Г.И. Челпанова доктор психологических наук, профессор Московского государственного индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта Н.Ф. Добрынин. Именно Берковичу принадлежит критическое осмысление идей В.Н. Татищева (1686–1750) о душевной жизни человека, анализ психологических воззрений русских революционеров-демократов, а также исследование борьбы с немецким идеализмом в русской психологии XIX в. В современном электронном учебнике А.В. Петровского «История психологии» наряду с другими выдающимися исследованиями по отечественной психологии военных лет названа работа Э.Л. Берковича «Борьба с немецким идеализмом в русской психологии XIX века». Философский принцип историзма (развития), используемый Берковичем в изучении представлений о душе разных ученых, несомненно, корнями уходит в научные традиции, заложенные С.Л. Франком в его философской психологии.

В 1941–1945 гг. кандидат педагогических наук (по психологии), заместитель директора Оренбургского педагогического института профессор Э.Л. Беркович заведовал кафедрой общей педагогики. По воспоминаниям Ирины Эмильевны, в годы войны в Оренбурге в эвакуации жил А.В. Петровский, который стал учеником Эмиля Львовича и близким другом семьи.

За многолетнюю плодотворную работу в Оренбургском вузе Беркович был награжден медалью «За доблестный труд», нагрудным знаком «Отличник народного просвещения». Эмилю Львовичу удалось создать в Оренбурге научную психологическую школу Берковича. У него появилось немало учеников и последователей. Так, профессор Башкирского пединститута В.Ф. Сафин, выпускник Оренбургского пединститута, в своих воспоминаниях называет Э.Л. Берковича любимым учителем, открывшим ему мир науки психологии и познакомившим его с ведущими психологами того времени В.С. Мерлиным, А.В. Петровским и др.

После Оренбурга (по воспоминаниям Ирины Эмильевны) Э.Л. Беркович вернулся в Саратов и несколько лет преподавал психологию в Саратовском пединституте.

Увлеченность Эмиля Львовича психологией передалась его детям – дочери Ирине (в замужестве Стрелковой), внуку Льву Александровичу Кириллову (закончил отделение психологии Саратовского университета, защитил в МГУ кандидатскую диссертацию в 1992 г. «Особенности самосознания лиц с акцентуациями характера» под руководством В.В. Столина, работает психологом в Москве), правнучке Татьяне Сергеевне Стрелковой (Селлер), закончившей отделение психологии Саратовского университета.

На долю саратовских учеников и научных последователей Франка и Крогиуса – Берковича, Касаткина, Иванова – выпала нелегкая судьба. Как и их учителя, вынужденные после революции поки-

нуть столичный вуз в Петрограде и переехать работать на вновь созданном факультете провинциального университета в Саратове, они в начале 1930-х гг. уехали из Саратова работать на окраинах страны (Приамурье, Таджикистан) во вновь открывшихся пединститутах. Тем не менее для каждого это было и больно и трудно. Однако благодаря репрессивной политике коммунистов в лице саратовских психологов жители самых отдаленных уголков нашей необъятной страны имели возможность получить высококвалифицированное психологическое образование у продолжателей лучших традиций европейской и российской психологии, учеников талантливых ученых, светил психологического небосклона С.Л. Франка и А.А. Кругиуса.

С отъездом из Саратова в начале и середине 1930-х гг. учеников С.Л. Франка – Иванова, Касаткина, Берковича – прервалась преемственность научных традиций философской идеалистической психологии в общем строе развития саратовской психологической школы.

Наиболее значительными фигурами идеалистического субъективного подхода в 1920-е гг. в нашей стране, по мнению С.А. Богданчикова, были Г.И. Челпанов, В.А. Вагнер (общая психология); А.П. Нечаев, Г.И. Россолмо, А.П. Болтунов, П.О. Эфрусси (прикладная психология); А.И. Введенский, В.Н. Ивановский, Э.Л. Радлов, С.Л. Рубинштейн, С.Л. Франк (философская психология)¹ и др.

¹ См.: Богданчиков С.А. Отечественная идеалистическая психология 1920-х годов // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 152–160.

В целом по стране идеалистическое субъективное направление постепенно к началу 1930-х гг. перестало существовать. Во-первых, это было связано с уходом из жизни таких видных психологов-идеалистов, как в Л.М. Лопатин (1855–1920), А.И. Введенский (1856–1925); с вынужденной эмиграцией образовавших особое религиозно-философское направление в психологии И.И. Лапшина, Н.О. Лосского, С.Л. Франка. Во-вторых, правящей партией была объявлена война идеализму в науке.

9 декабря 1930 г. состоялась беседа И.В. Сталина с бюро партячейки Института Красной Профессуры философии и естествознания (ИКПФиЕ) о положении на философском фронте, где вождь определил задачи борьбы ученых против механического материализма, с одной стороны, и «меньшевистского идеализма», с другой. Впервые употребленный Сталиным термин «меньшевистский идеализм» означал отрыв теории от практики социалистического строительства. Было выражено решительное требование разгромить и уничтожить буржуазные идеалистические теории, отражавшие сопротивление контрреволюционных элементов социалистическому строительству в СССР. Таким образом, философия (а также философская психология) из науки переориентировалась в идеологию правящей партии. В результате 1931 г. был провозглашен «годом борьбы за решительный поворот в деле перестройки психологии на основе марксизма-ленинизма».

С отъездом из Саратова Иванова, Касаткина и Берковича, ставших не только учениками, но и коллегами А.А. Крюгуса, прервалась научная преемствен-

ность традиций, связанных как с идеалистической философской психологией, так и с педологическим направлением саратовской психологической школы.

Таким образом, в начале 1930-х гг. в развитии саратовской психологической школы были прерваны традиции и направления дореволюционной Петербургской научной школы, сочетавшей научные европейские и российские, а также святоотеческие традиции.

Глава 2.

СОВЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА В САРАТОВЕ. САРАТОВСКИЕ ПСИХОЛОГИ ВТОРОГО И ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЙ

В психологии не должно быть никаких школ, кроме единственной, основанной на трудах классиков марксизма...

Б.Г. Ананьев

После октябрьского переворота 1917 г. в Советской России наблюдался бурный подъем в развитии психологии, возникло множество психологических школ и направлений (нередко враждующих друг с другом). В 1926 г. выдающийся русский психолог, заслуженный профессор Московского университета, организатор и директор Психологического института им. Л.Г. Щукиной (1914–1923), изучавший философские проблемы психологии в русле идеалистической философии Г.И. Челпанов (1862–1936) выделил 5 различных направлений психологии: интроспективная психология; рефлексология В.М. Бехтерева; «учение о высшей нервной деятельности», которое, по мнению последователей И.П. Павлова, должно заменить собою психологию; «реактология» К.Н. Корнилова; «объективная рефлексология» Франкфурта¹.

¹ См.: Челпанов Г.И. Социальная психология или «условные рефлексы»? М.; Л., 1926. С. 3–4.

Г.И. Челпанов с учениками. 1914 г. Москва

В целом же психологических школ в стране в то время, конечно, было значительно больше. С.А. Богданчиковым выделено два больших направления, существовавших в отечественной психологии в 1920-е гг.: традиционное (теории, уже имевшиеся к началу периода, развитые, зрелые, классические) и новаторское (теории новые, неклассические, возникшие и оформившиеся непосредственно в 1920-е гг.). В свою очередь, традиционное направление включало, по мнению ученого, два основных течения – субъективное (классическая интроспективная, эмпирическая, экспериментальная психология) и объективное (рефлексология, поведенческая психология). К новаторским теориям отнесены три течения – методологическое, практическое и идеологическое (марксистское)².

² См.: Богданчиков С.А. Основные направления и течения в отечественной психологии 1920-х гг. // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 2. С. 21–30.

А.Р. Лурия в 1933 г. представил следующую периодизацию развития отечественной психологии: 1) до 1917 г. (точнее, даже до 1922 г. – даты высылки русских философов-идеалистов за границу) – господство идеалистической психологии; 2) после Октябрьской революции 1917 г. – период борьбы «вульгарного материализма естествоиспытателей» против «проявлений всякого идеализма и всякой мистики в науке» (1917–1922); 3) 1920-е гг. (1922–1931) – господство «механицизма» в психологии (направлений, которых придерживались В.М. Бехтерев, И.П. Павлов, К.Н. Корнилов, П.П. Блонский и т.д., победивших идеализм); 4) после 1931 г. – утверждение подлинно марксистской психологии¹ под давлением коммунистического партийного руководства.

Таким образом, 30-е гг. прошлого века ознаменовались перестройкой научных российских психологических школ в направлении диалектико-материалистической марксистско-ленинской методологии.

В 1928 г. И.В. Сталиным и политическим руководством страны был рассмотрен вопрос об отношениях между вождями и массами. Для преодоления «отрыва вождей от масс» был выдвинут лозунг самокритики: предлагалось «держатъ все время открытым клапан самокритики, ... дать возможность советским людям “крыть” своих вождей, критиковать их за ошибки, чтобы люди не зазнавались, а массы не отдалялись от вождей»². Поток критики и самокритики захлестнул советские учреждения. Коснулся он

¹ См.: Лурия А.Р. Пути советской психологии за 15 лет // Советская психоневрология. 1933. № 1. С. 25–35.

² Сталин И.В. О самокритике: из доклада о работе апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК (1928 г.) на собрании актива Москов-

и вузов (в Саратове, как уже говорилось, эта волна поглотила профессора психологии А.А. Крогиуса), и научно-исследовательских центров.

Чуть позже коммунисты приняли решение навести порядок именно в научных сферах: 15 марта 1931 г. ЦК ВКП(б) было принято постановление «Все силы научных работников – на теоретическую разработку проблем социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата»³. В резолюции президиума Коммунистической академии совместно с Ассоциацией естествознания Комакадемии и естественным отделением ИКПФиЕ подчеркивалось значение разоблачения «всякого рода псевдомарксистских течений типа корниловщины, бехтеревщины в психологии»⁴; было указано на опасность смыкания механистов с реакционно-идеалистическими концепциями при решении таких важных теоретических проблем, как проблема жизни, проблема приспособления, проблема поведения. Резолюция предписывала перестройку всей работы на началах «непосредственного участия в социалистическом строительстве, партийного методологического влияния на всю научно-исследовательскую работу в СССР»⁵, а также

ской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. // И. Сталин о большевистской самокритике и задачах печати. Л., 1981. С. 5.

³ См.: Постановление ЦК ВКП(б) от 15 марта 1931 г. по докладу президиума Коммунистической академии «Все силы научных работников на теоретическую разработку проблем социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата» // За марксистско-ленинское естествознание. 1931. № 1. С. 3–5.

⁴ Резолюция президиума Коммунистической академии совместно с Ассоциацией естествознания Комакадемии и естественным отделением ИКПФиЕ по докладу С. Шмидта и содокладу А. Максимова «О положении на фронте естествознания» // За марксистско-ленинское естествознание. 1931. № 1. С. 7.

⁵ Там же. С. 12.

проведение чистки среди научных работников, в первую очередь – руководящих: «Произвести пересмотр личного состава своих учреждений, освободившись от неприемлемых и несоответствующих работников и держа курс на замещение не позднее осени 1931 года руководящих научных должностей (заведующих отделами, действительных членов институтов) кандидатурами, имеющими методологическую квалификацию»¹. В результате в СССР начались преследования ведущих деятелей психологической науки.

«Подводя общие итоги и оценивая период 20-х гг. в целом, – пишет С.А. Богданчиков, – следует подчеркнуть, что к середине 30-х гг. XX в. от всего... многообещающего многообразия взглядов, теорий, школ, течений и направлений фактически мало что осталось, что, конечно, следует объяснять исключительно неблагоприятными для свободного и самостоятельного развития науки социальными условиями, непосредственно связанными с начатым партией большевиков во главе с И.В. Сталиным в конце 20-х гг. “великим переломом” в области государственной политики и “марксистско-ленинским этапом” в области науки и философии»².

Выдающийся советский психолог А.Н. Леонтьев, оглядываясь назад, писал: «Мы все понимали, что марксистская психология – это не отдельное направление, не школа, а новый исторический этап, олице-

¹ Резолюция президиума Коммунистической академии совместно с Ассоциацией естествознания Комакадемии и естественным отделением ИКПФиЕ по докладу С. Шмидта и содокладу А. Максимова «О положении на фронте естествознания». С. 14.

² Богданчиков С.А. Основные направления и течения в отечественной психологии 1920-х гг. С. 30.

творяющий собой начало подлинно научной, последовательно материалистической психологии. Мы понимали и другое, а именно, что в современном мире психология выполняет идеологическую функцию, служит классовым интересам и что с этим невозможно не считаться»³.

Именно в этот период становления советской психологии в нашей стране, в 1932 г., в Саратов прибыл психолог В.С. Мерлин, до этого – доцент Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена, ученик видного советского психолога Ленинградской школы профессора М.Я. Басова, подвергнувшегося остракизму.

Рамки временных промежутков развития психологической школы в Саратове и их содержательное наполнение обладают некоторой спецификой по сравнению с историей формирования российской психологии. Так, начав свое развитие сравнительно поздно, лишь в 1917–1918 гг., до 1932 г. Саратовская психологическая школа была традиционной, субъективной, по классификации С.А. Богданчикова, содержательно продолжавшей традиции Петербургской школы психологии. С 1932 г. – с момента появления в Саратовском пединституте В.С. Мерлина – она стала развиваться как часть подлинно марксистской психологии, не будучи ни в первом, ни во втором случае самобытным саратовским явлением. В лице Мерлина в Саратове появилась научная школа (1932–1938), развиваемая в Северной столице, но уже не петербургская, а ленинградская, советская.

В 1937 г. в Саратовский пединститут прибыл профессор-психолог И.В. Страхов, ученик другого веду-

³ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 5.

щего деятеля советской психологии, представителя московской школы профессора К.Н. Корнилова, раскритикованного и свергнутого с высоких постов, так же как и М.Я. Басов. Именно И.В. Страхову в Саратове удалось создать самобытную авторскую психологическую школу. В дальнейшем Саратовская психологическая школа представляла собой органичную часть советской психологической науки.

2.1. Вольф Соломонович Мерлин

Отличие ученого лежит не в интеллектуальной, а в эмоциональной сфере: мысль доставляет ему радость.

В.С. Мерлин

В конце 1931 г. в Саратов из Ленинграда перебирается В.С. Мерлин¹, в будущем – создатель авторской психологической школы в отечественной науке, в основу которой была положена оригинальная концепция интегральной индивидуальности. До 1938 г. длится саратовский период его жизни и работа преподавателем на кафедре психологии Саратовского пединститута. Значение саратовского периода

¹ См.: Щебетенко А.И. Профессор Вольф Соломонович Мерлин. Жизнь в психологии и среди людей (Историко-психологический очерк). Пермь, 2016. С. 43. По другим данным, саратовский период жизни Мерлина исчисляется с 1932 г. См.: Дорфман Л.Я., Юдина Р.Н. Мерлин // История психологии в лицах. Персоналии / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. М., 2005. С. 302. Думается, что к преподаванию в Саратовском пединституте Мерлин, скорее всего, приступил в сентябре 1932/1933 учебного года. Отсюда и расхождения в датах: год приезда в Саратов и год начала работы не совпадают.

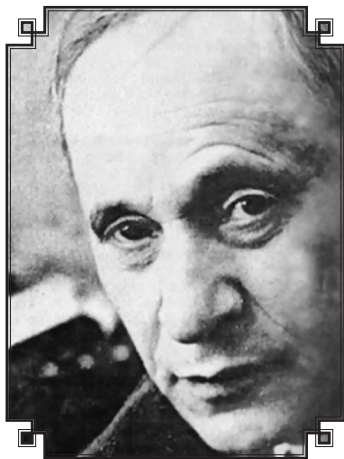
в творчестве Вольфа Соломоновича видится в том, что именно в этот период появляются его первые самостоятельные научные работы, что свидетельствует о начале формирования основ научной психологической школы В.С. Мерлина, известной как пермская школа.

Вольф Соломонович Мерлин (22.01.1898–06.04.1982) родился в г. Могилеве в семье учителя математики могилевской классической гимназии. В 1918 г. он окончил ту же гимназию, получив прекрасное образование со знанием пяти языков, и с 1918 по 1920 г. работал инструктором по внешкольному образованию.

Ленинградский период. В 1920 г. В.С. Мерлин поступил на педагогический факультет Петроградского педагогического института внешкольного образования, где с 1921 г. лекции по психологии читал профессор М.Я. Басов (1892–1931), ставший, несмотря на разницу в возрасте в 6 лет, учителем и руководителем Мерлина в научной и преподавательской деятельности с 1921 по 1931 г.

В 1924–1925 гг. Вольф Соломонович работал научным сотрудником в комиссии, возглавляемой М.Я. Басовым, по изучению педагогической работы со взрослыми, по борьбе с неграмотностью при Ленинградском губполитпросвете. Вместе с Басовым под руководством Н.К. Крупской работал и Е.Я. Голант, в будущем – видный советский педагог, профессор Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена. М.Я. Басов и Е.Я. Голант заложили основы экспериментального изучения методов обучения взрослых.

В 1924 г. Мерлин стал ассистентом, а в 1929 г. — доцентом кафедры психологии Петроградского педагогического института, где с 1925 по 1931 г. профессором был Басов. В науке Михаил Яковлевич стал для Вольфа Соломоновича определяющей фигурой: под руководством М.Я. Басова Мерлиным были выполнены первые научные исследования, вышли свет его первые публикации¹.

В.С. Мерлин

В то же время В.С. Мерлин являлся научным сотрудником Ленинградского института научной педагогики, а в период 1930–1931 гг. там же руководил научной группой, которая занималась вопросами изучения мировоззрения ребенка и связи целевой установки и условного рефлекса². Видимый союз единомышленников прервала трагическая смерть М.Я. Басова в 1931 г. от заражения крови. Однако не прервалась научная преемственность: Мерлин продолжил развитие идей Басова, формируя на их основе собственную психологическую концепцию.

¹ См.: Мерлин В.С. О формах использования социального опыта учащихся в школе грамоты // Опыт изучения педагогической работы со взрослыми / под ред. М.Я. Басова, Е.Я. Голанта. Л., 1925. С. 24–53; Мерлин В.С., Хрякова М.Ф. Вопросы развития социального мировоззрения у детей / с предисл.; под ред. М.Я. Басова. М.; Л., 1930.

² См.: Силина Е.А., Вяткин Б.А. В.С. Мерлин: ученый и педагог (к 100-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 1998. № 1. С. 90–95.

М.Я. Басов

Басов Михаил Яковлевич
(03(16).11.1892 – 06.10.1931)

– выдающийся отечественный психолог, активный участник в создании советской марксистской психологии и в переводе отечественной психологической науки на основы диалектико-материалистической методологии марксизма-ленинизма; яркий представитель петербургской (ленинградской) психологической школы,

ближайший ученик и соратник А.Ф. Лазурского, один из сотрудников В.М. Бехтерева, создатель оригинальной психологической школы, концепция которой оказала влияние на формирование теоретико-методологических основ научных школ С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, В.С. Мерлина³.

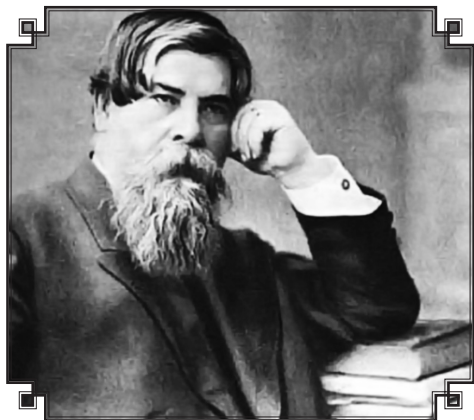
М.Я. Басов родился в селе Логинове бывшей Тверской губернии в семье крестьянина-середняка и был старшим из 10 детей. По собственной инициативе в семилетнем возрасте он записался в сельскую школу и, закончив ее, опять самостоятельно перешел

³ См.: М.Я. Басов [Некролог] / публикация, подготовка текста и примечания С.А. Богданчикова // История российской психологии в лицах: дайджест, 2016. № 5. С. 260–279; *Левченко Е.В.* Михаил Яковлевич Басов: жизненный путь и психологическая концепция // Методология и история психологии. 2008. Т. 3; вып. 4. С. 21–45; *Богданчиков С.А.* К истории отечественной психологии советского периода: М.Я. Басов и его школа // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 6. С. 205–206; *Марцинковская Т.Д.* Басов Михаил Яковлевич // История психологии в лицах. Персоналии. С. 38–39.

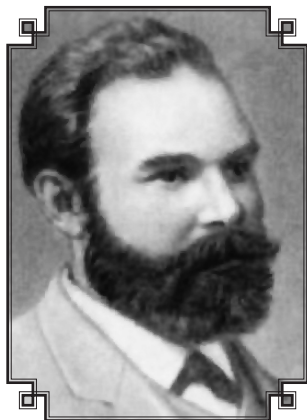
во второклассную школу. По ее окончании при материальной поддержке своих учителей поступил в 1907 г. в московское сельскохозяйственное училище, где примкнул к революционно настроенной группе товарищей, возглавляемой Бауманом. В результате попал на 8 месяцев в псковскую тюрьму, где укрепился в неприятии существующего государственного строя и превратился в атеиста. Позже самостоятельно стал готовиться к экзаменам на аттестат зрелости, получив который, поступил в 1911 г. на естественно-историческое отделение педагогического факультета Психоневрологического института и выбрал специализацию по психологии.

Первокурсник М.Я. Басов начал исследовательскую работу под руководством А.Ф. Лазурского. Его первой публикацией был отчет о заседании санкт-петербургского философского общества, где с докладом «Новая классификация личностей» выступал А.Ф. Лазурский. В студенческие годы М.Я. Басов занимался исследованием двигательного-волевого процесса и психического темпа в русле поставленной Лазурским перед учениками проблемы психической активности.

В годы Первой мировой войны (1914–1915) Михаил Яковлевич служил рядовым в пехоте. В 1920 г. М.Я. Басов возвратился в Петроград, работал лаборантом в лаборатории экспериментальной педагогики в Институте по изучению мозга и психической деятельности и одновременно работал в других исследовательских учреждениях. В 1922 г. он завершил монографию о воле, посвятив ее «светлой памяти дорогого учителя Александра Федоровича Лазурско-

*В.М. Бехтерев (20.01(01.02).1857,
Сарали (ныне – Бехтерево,
Елабужский район) –
24.12.1927, Москва)*

*А.Ф. Лазурский
(31.03(12.04).1874,
Переяслав –
27.02(12.03).1917,
Санкт-Петербург)*

го в знак любви и преданности». Басов становится профессором Технико-педагогического института, помощником директора и заведующим психологическим отделом Педологического института Государственной психоневрологической академии.

В 1923–1925 гг. Михаил Яковлевич – доцент и заведующий кабинетом по экспериментальной психологии в Ленинградском государственном университете; работает также в Институте внешкольного образования, Областной совпартшколе им. К. Цеткин, Институте ритма. В 1924 г. он – действительный член, член правления, ученый секретарь и заведующий отделом психологии вновь организованного Ленинградского государственного института научной педагогики (ГИНП). А в 1925 г. в созданном Государ-

ственном педагогическом институте им. А.И. Герцена Басов основал педологическое отделение и руководил им, заведовал кафедрой педологии. В 1928 г. Михаил Яковлевич завершил фундаментальный обобщающий труд «Общие основы педологии».

Известно, что с конца 1920-х гг. Басов принимал самое искреннее и горячее участие в чистке научных рядов и даже уволил в одном из институтов «всех реакционно настроенных работников». И вот, наконец, эта гроза докатилась и до него: 25–29 марта 1931 г. в институте им. А.И. Герцена прошла дискуссия и по работам М.Я. Басова, но главным образом, по второму изданию «Общих основ педологии». Ее итогами были обвинения исследователя в «мелкобуржуазном существе», формализме, меньшевистствующем идеализме, уведении педологии «от конкретных задач практики социалистического строительства»¹.

Стремясь защититься от выдвинутых против него обвинений и действуя согласно лозунгу «Без тесного общения с рабочим классом немыслима победа марксизма в науке»², М.Я. Басов добился «социалистической командировки» – стал рабочим Ленинградского станкостроительного завода. Однако командировка была прервана смертельной болезнью ученого (заражение крови в связи с полученной незначительной травмой на производстве), который до последних дней жизни боролся с выдвинутыми против него обвинениями.

¹ В борьбе за марксистско-ленинскую педологию. Дискуссия по работам проф. М.Я. Басова 25–29 марта 1931 г. / под ред. В.И. Капустина, М.А. Левиной. М.; Л., 1932. С. 91.

² См.: Некоторые итоги и перспективы // Естествознание и марксизм. 1929. № 3. С. 6.

Незадолго до смерти, 2 сентября 1931 г., М.Я. Басов подал заявление в парторганизацию института им. А.И. Герцена о приеме в Коммунистическую партию, а также написал обращение к сотрудникам и ученикам с призывом бороться за марксистско-ленинскую педологию. М.Я. Басов скончался 6 октября 1931 г., прожив всего 39 лет.

За свою непродолжительную жизнь в науке (20 лет) М.Я. Басов создал принципиально новую психологическую концепцию, к наиболее существенным чертам которой относятся: 1) новое понимание предмета психологии, включающего не только субъектную сторону отношения человека к среде, но и целостную систему «организм (человек) – среда»; 2) разработка теоретико-методологических основ психологического исследования этой системы и ее составляющих: деятельности человека и ее уровней, а также среды (природной и культурно-исторической) и ее активности, способной подчинить себе субъекта и его деятельность, и изучение пределов такого подчинения. Он впервые в истории отечественной психологии вводит понятие деятельности, выделяя в ней следующие уровни: 1) простая временная цепь актов, каждый из которых вызывается отдельным, не связанным с другими стимулом; 2) ассоциативно-детерминированная деятельность, в которой звенья связаны по ассоциации; 3) апперцептивно-детерминированная деятельность, организованная определенной целью.

Главное положение концепции Басова – идея о том, что человек есть активный деятель в объективной, закономерно-организованной, структурированной ситуации – среде. Человеческая активность

проявляется не только в адаптации к среде, но и в ее преобразовании. Басов доказывал, что главные методы, на которые должна опираться психология при изучении развития любых психических функций, – это методы объективного внешнего наблюдения и естественного эксперимента.

Обладая харизматическими чертами лидера, создавая новую психологическую парадигму, владея организационно-руководящими рычагами, Басов в продвижении своих идей опирался на учеников, что дало ему возможность построить собственную авторскую психологическую школу в общей структуре ленинградской психологии.

Посвящая работу «Общие основы педологии» коллективу своих «дорогих сотрудников по Психологическому П/отделу Государственного института научной педагогики» «в знак признательности за совместно пройденный путь», Басов перечисляет этих сотрудников поименно: Р.С. Абельская, В.Я. Вольберг, Е.Д. Герке, Е.О. Зейлигер, М.А. Левина, В.С. Мерлин, А.И. Неклюдова, О.В. Неопиханова, Л.Н. Философова и М.Ф. Хрякова. Можно согласиться с С.А. Богданчиковым в том, что в широком смысле учениками М.Я. Басова могут считаться не только его сотрудники, но и все учившиеся у него студенты.

Вследствие яростной идеологической критики в 1931 г. и последовавшей за нею смерти М.Я. Басова, а также после Постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» (1936) школа Басова на долгие годы была вычеркнута из истории отечественной психологии. Лишь

в годы хрущевской оттепели ученики М.Я. Басова (В.Н. Мясищев, В.С. Мерлин и др.) предприняли шаги по возвращении идей и работ своего учителя в научный обиход¹. А вся дальнейшая научная деятельность В.С. Мерлина явилась доказательством того, что он стал преемником творческого наследия М.Я. Басова, создав на основе басовских начал свою научную школу.

После оглушительного разгрома теоретико-методологических основ концепции М.Я. Басова и его последующей смерти В.С. Мерлин лишился учителя, под руководством которого провел 7 лет своей жизни. Пока был жив Басов, Мерлин оставался лишь его учеником, его подражателем и продолжателем. Смерть Басова стала поворотным пунктом в судьбе Мерлина: Вольф Соломонович постепенно сам становится учителем для многих учеников, создателем своей научной школы.

В начале расцвета творческих сил 33-летний Мерлин рвет с прошлым, устремляясь в будущее: он покидает Ленинград, оставив там работу, блестящее научное окружение, жену с двумя детьми (они погибли во время блокады Ленинграда от прямого попадания снаряда в их квартиру) и переезжает в провинциальный Саратов.

В 1932 г. в жизни Мерлина начался период скитаний по областным центрам Союза ССР: Сара-

¹ См.: *Мерлин В.С.* Из истории советской психологической мысли (к вопросу о психологическом наследии профессора М.Я. Басова) // Вопросы психологии. 1965. № 5. С. 28–35; *Его же.* Психологические воззрения М.Я. Басова // М.Я. Басов. Избранные психологические произведения. М., 1975. С. 5–25; *Мясищев В.Н.* М.Я. Басов (к 80-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 1972. № 6. С. 159–163.

тов (1932–1938), Свердловск (1938–1948), Казань (1948–1954), Пермь (1954–1982). Большим по времени и наиболее творчески плодотворным оказался Пермский период. Именно в этот промежуток времени и была окончательно сформирована пермская психологическая школа Мерлина.

Саратовский период. Вольф Соломонович после доцентства в Ленинграде в Саратове поступил на службу рядовым преподавателем кафедры психологии Саратовского пединститута. За 7 лет, проведенных в Саратове, Мерлин опубликовал 3 свои первые научные работы, написанные без непосредственного участия Басова, однако в научном плане созвучные идеям учителя: «Конспект лекций по психологии», статьи «Об обучении и развитии» и «Психологические основы воспитания сдержанности»¹, а также подготовил и защитил в период работы в Саратовском пединституте кандидатскую диссертацию на тему «Волевая деятельность и условный рефлекс»².

О том, как могла проходить защита кандидатской диссертации Мерлина, по теме которой у соискателя не было публикаций, да и остепененных психологов в 1938 г. в Саратовском пединституте не было, можно судить по документам, регламентирующим в те годы защиты диссертаций.

¹ См.: Мерлин В.С. Конспект лекций по психологии. Лекция 1–18 / НКП РСФСР. Саратовский гос. педагог. ин-т. Заоч. сектор. Саратов, 1933; *Его же*. Об обучении и развитии (по поводу доклада Л.С. Выготского в Ленинградском обществе педагогов-марксистов) // Ученые записки Саратовского государственного педагогического института. Саратов, 1934. С. 61–77; *Его же*. Психологические основы воспитания сдержанности // Советская педагогика. 1939. № 11/12. С. 138–148.

² Мерлин В.С. Волевая деятельность и условный рефлекс: дис. ... канд. пед. наук (по психологии). Саратов, 1938.

Специфика защиты состояла в следующем. Всесоюзная аттестационная комиссия (ВАК), созданная в 1933 г., присваивала с 1936 г. лишь степень доктора наук и звание профессора, в то время как ученая степень кандидата наук присуждалась научным советом вуза, а диплом можно было получить в этом же совете на следующий день³.

Для получения степени кандидата наук требовалось «успешное прохождение аспирантуры в течение установленного срока (или сдача соответствующего испытания) и публичная защита кандидатской диссертации на избранную соискателем тему». При этом диссертация должна была «обнаружить общие теоретические знания в области данной дисциплины, специальные знания по вопросам диссертации и способность к самостоятельному научному исследованию»⁴. Как справедливо заметила Е.В. Левченко, наличие публикаций у соискателя по теме диссертации, как это принято сейчас, не требовалось⁵.

Таким образом, пройдя, по-видимому, необходимое испытание, Мерлин успешно выступил на научном совете Саратовского пединститута и получил диплом кандидата педагогических наук (по психологии) в том же совете.

³ См.: *Миронин С.* Два способа развития науки и история диссертационного дела. URL: <http://www.biometrika.tomsk.ru/naukoved/mironin.htm> (дата обращения: 18.03.2018).

⁴ Постановление СНК СССР от 13 января 1934 г. № 79 «Об ученых степенях и званиях» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1934. № 3. С. 30.

⁵ См.: *Левченко Е.В.* От одного из рецензентов этой книги // А.И. Щебетенко. Профессор Вольф Соломонович Мерлин. Жизнь в психологии и среди людей: историко-психологический очерк. Пермь, 2016. С. 8–9.

Рассмотрим подробнее (в хронологическом порядке) содержание научных работ, подготовленных В.С. Мерлиным в саратовский период его жизни.

«Конспект лекций по психологии» – учебно-методическая работа, не претендующая на создание новых значений и смыслов в науке, а представляющая подспорье в преподавании учебной дисциплины «Психология» при ограниченности необходимой учебной литературы. Научные же статьи предполагают исследование проблемы и поиск ее решения, порождающего новое научное знание.

Начиная с 1930-х гг. и до 1991 г. обязательным в работах советских психологов было наличие начальной ссылки на партийные документы, в которых сформулированы задачи, решаемые отчасти и средствами психологических исследований. Так и научная статья «Об обучении и развитии» В.С. Мерлина была направлена на поиск путей решения задачи соответствия учебного материала и методов обучения возрастным особенностям учащихся, сформулированной в Постановлении ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г.¹ Кроме того, в статье содержалась критика предложенного Л.С. Выготским психологического решения задачи с помощью его теории «зоны ближайшего развития», что представлялось Мерлину и недостаточным с точки зрения лишь психологического подхода, и существенно ошибочным.

Поставленная партией проблема была переформулирована Мерлиным таким образом: «Наш вопрос

¹ См.: Постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе. Приложение № 6 к п. 19 пр. ПБ № 113». URL: <http://istmat.info/node/57330> (дата обращения: 26.03.2018).

приобретает следующую форму: в каком отношении находится процесс общественно-политического воспитания ребенка, сознательно регулируемого определенной классово-политической целью, ко всему процессу развития ребенка вообще»².

Вслед за педологическим учением Басова Мерлин считал процесс обучения основополагающим при общественно-политическом развитии. Однако Вольф Соломонович предложил шире понимать процесс обучения в советской школе: рассматривать его как общественно-политическую, психологическую и физическую деятельность, направленную на формирование мировоззрения и коллектива, с одной стороны, психологическое развитие, с другой стороны, и наконец, физическое развитие, с третьей стороны³. В первом направлении у советских детей прослеживается линия развития последовательности стадий морали – от гетерономной морали (основанной на внешнем принуждении) «к пролетарской догматической морали, затем через стадию неразрешенных противоречий в морали к классово-дифференцированной морали» (ее смысл школьники формулировали так: «своим лгать нельзя, потому что тогда нельзя будет вместе работать, построить социализм», а «лгать можно на войне белым, если попадается в плен»)⁴. Так в советской школе была поставлена задача вместо христианского запрета на ложь, принятого при царском режиме, формировать у детей только избирательную, внутриклассовую честность.

² Мерлин В.С. Об обучении и развитии. С. 64.

³ См.: Там же. С. 66.

⁴ См.: Там же. С. 67–68.

Предпосылками психологического развития ребенка (развитие познавательных и иных психических функций), считал Мерлин, являются его физиологические особенности, с одной стороны, и современные ребенку социально-классовые условия, – с другой.

Не в «зоне ближайшего развития» ребенка следует искать ключ к организации школьного обучения, считал Мерлин. Особенностью взаимодействия процессов обучения и развития, по его мнению, должно стать некоторое несоответствие возрасту требований обучения. Однако оно не должно быть слишком велико: «там, где разрыв между требованиями задания и психологическим уровнем ребенка слишком велик, там выполнение задания становится невозможным. Тем самым прекращается одновременно и процесс обучения и воспитания и процесс развития».

Мерлин отмечал, что учесть специфику развития школьника не могут отдельно науки педагогика или психология. Комплексный же подход в решении проблемы обеспечивает педология, в задачи которой и входит найти меру соответствия, при которой осуществляется одновременно процесс обучения и процесс развития¹.

Таким образом, несмотря на то, что в статье имя Басова упоминалось Мерлиным в критическом контексте, основной принцип педологии, развиваемый Басовым, – междисциплинарность изучения ребенка – был апробирован Мерлиным при раскрытии содержания процессов обучения и развития. Причем развитие понималось им и как процесс, и как результат

¹ См.: Мерлин В.С. Об обучении и развитии. С. 74–75, 77.

этого процесса («уровень развития морали», «уровень объяснения ребенка», «уровень развития ребенка» и др.). Специфическое соотношение признаков развития составляет «общий определенный классовый тип психики»². Другими словами, была апробирована на новом материале идея многоуровневости структуры человека, включающая физиологическую, психическую, морально-нравственную подструктуры, своеобразное соотношение признаков которых определяет тип психики (что впоследствии будет названо Мерлиным интегральной индивидуальностью).

В статье В.С. Мерлина *«Психологические основы воспитания сдержанности»*, написанной в Саратове и опубликованной в 1939 г. в журнале «Советская педагогика», предназначенного для учителей, можно найти истоки идей, которые были выражены М.Я. Басовым еще в 1922 г. и носили характер постановки проблемы. Так, Басов среди основных направлений волевой регуляции психических процессов выделял следующие: вызов процесса – его задержка, ускорение – замедление, усиление – ослабление, управление течением сложных процессов или координация в широком смысле слова³. Мерлин, как видим, посвятил свою статью исследованию одной из сторон первого основного направления волевой регуляции, по Басову, – задержке процесса (сдержанности). Кроме того, в той же работе Басов в заключении написал: «Со стороны своей умственной одаренности человек уже рождается с определенным капиталом... В отношении же

² Мерлин В.С. Об обучении и развитии. С. 72.

³ См.: Басов М.Я. Воля как предмет функциональной психологии (посвящается А.Ф. Лазурскому) // Вопросы изучения и воспитания личности / под ред. В.М. Бехтерева. П., 1922. № 4/5. С. 868.

воли каждый родится в одинаковой бедности... Это содержание создается заново в процессе жизни и воспитания. Это важно знать воспитателям!.. Здесь они создают нечто новое»¹.

Таким образом, Мерлин, выполняя предначертания партии о сближении научной деятельности с социалистической практикой в плоскости конкретизации этих требований, обозначенной Басовым, предпринял попытку разъяснить учителям особенности сдержанности как волевого усилия в целях использования полученных психологией закономерностей в практике воспитательного процесса.

Вместе с тем В.С. Мерлин в анализируемой статье существенно дополнил басовское понимание психологического содержания волевой регуляции поведением. В частности, он писал: «В сдержанности проявляется одно из основных направлений волевого усилия – усилие, направленное на задержку или подавление какого-либо действия или внешнего проявления, при этом подавляемое действие или внешнее его проявление импульсивно, т.е. оно возникает без предварительного обдумывания или сознательной цели. Вот почему воспитание сдержанности является не только необходимым условием сознательной дисциплины в школе, но и необходимым моментом в воспитании коммунистической личности»². На основе наблюдений в ходе экспериментов с учащимися по формированию у них сдержанности В.С. Мерлин

¹ Басов М.Я. Указ. соч. С. 917.

² Цит. по: Воронова Е.Ю. В.С. Мерлин в системе советской психологии периода Великой Отечественной войны // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2015. Вып. 1. С. 5–6. Сер. 1, Психологические и педагогические науки.

делает следующие выводы: «Воспитание сдержанности нельзя свести к воспитанию одного изолированного качества воли. Воспитание сдержанности тесно и неразрывно связано с воспитанием характера, с воспитанием коммунистической личности.

Для того чтобы определенный воспитательный прием был достаточно эффективен, он должен опираться на соответствующее свойство характера. При воспитании сдержанности для нас важен не только самый факт сдержанности, но и его мотив. Если ученик сдержан только потому, что боится, как бы его дома не поругали, то социальная ценность такой сдержанности ничтожна. При воспитании сознательной дисциплины для нас важна не сдержанность вообще, а сдержанность, основанная на коммунистических мотивах поведения, на социалистическом отношении к труду, на понимании социального значения учебной работы и т.д.»³.

Таким образом, в статье Мерлиным предложено выделение разных уровней саморегуляции поведения школьников – от низшего, импульсивного (с низко выраженными компонентами рациональности, осознанности, организованности сознательно поставленной целью) до высшего, волевого (лично обусловленного), а также разные уровни и виды сдержанности по задаваемому ее мотивом смыслу: низший, из страха, и высший, исходящий из понимания социального значения сдерживания импульсов. Кроме того, им высказана мысль о формировании отдельного волевого качества (к примеру, сдержанности) не изолированно, а комплексно, с образованием

³ Цит. по: Воронова Е.Ю. Указ. соч. С. 6.

симптомокомплекса с иными чертами воли, а также чертами характера, личности.

Тема кандидатской диссертации *«Волевая деятельность и условный рефлекс»* была выбрана Мерлиным, по-видимому, не случайно: исследование воли как психической функции и ее феноменологии занимало одно из центральных мест в научном творчестве М.Я. Басова¹, учителя Вольфа Соломоновича, начиная с 1913 г. В 1922 г. Басов опубликовал труд *«Воля как предмет функциональной психологии»*², посвятив его своему учителю А.Ф. Лазурскому.

В работе М.Я. Басова *«Воля как предмет функциональной психологии»* приведен критический анализ теорий воли в произведениях бл. Августина, Д. Стюарта, В. Джемса, М.И. Владиславлева, Н.О. Лосского, С.Л. Франка; рассмотрена сущность этого психического явления на «новом функционально-феноменологическом базисе», где воля представлена как «регулятивный фактор душевной жизни»; приведены результаты исследования волевой регуляции психики (опыту подверглись 3 психических процесса – моторный, восприятие, припоминание), проведенного в лаборатории Экспериментальной педагогики Института по изучению мозга и психической деятельности. «Волево-функция, – писал Басов, – это часть личности, ...наиболее характерное качество личности, она определяет ее индивидуальную сущность в ряде живых существ, она, следовательно, некоторым образом творит личность... Воля

¹ См.: Басов М.Я., Надольская М. К вопросу об индивидуальных особенностях двигательного-волевого процессов // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1913. Т. 10, вып. 4. С. 29–48.

² См.: Басов М.Я. Указ. соч. С. 805–917.

венчает нашу личность, как последняя грань в развитии сущего»³.

Диссертационное исследование «Волевая деятельность и условный рефлекс» также можно воспринимать как научное посвящение В.С. Мерлина своему учителю М.Я. Басову. Спустя много лет, в 1967 г. Вольф Соломонович написал, что его исследования зависимости волевого акта от структуры условно-рефлекторных связей были логическим развитием его предшествующего исследования, начатого еще в лаборатории М.Я.Басова в 1929 г.⁴

В диссертационной работе Мерлина пересеклись несколько идей, истоки которых можно обнаружить в его исследованиях предшествующего ленинградского периода. Так, приняв во внимание феноменологическое описание воли Басовым и учитывая басовское положение о ее прижизненном образовании, Мерлин предположил, что физиологической ее основой должна быть условно-рефлекторная деятельность, из чего следует правомерность постановки проблемы изучения сопряженности параметров волевой деятельности и условно-рефлекторной деятельности. Кроме того, известно, что Мерлиным был получен опыт исследования условно-рефлекторной деятельности, а также характера ее связи с социально-личностными характеристиками: на кафедре психологии Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена им после 1925 г. проводились исследования мировоззрения ребенка и связей целевой установки и условного рефлекса⁵. Таким

³ Басов М.Я. Указ. соч.. С. 917.

⁴ Цит. по: Силина Е.А., Вяткин Б.А. Указ. соч. С. 90–94.

⁵ См.: Дорфман Л.Я., Юдина Р.Н. Указ. соч. С. 302.

образом, новизна диссертационного исследования состояла именно в установлении характера связи параметров воли как социально сформированной характеристики личности с природно присущими свойствами формирования условных рефлексов, обеспечивающих волевою функцию. Подход, который затем стал характерной чертой школы Мерлина – сопряженность психических особенностей со свойствами нервной системы – впервые особенно четко проявился в данной работе. В ней же выявленные закономерности получали содержательное наполнение для их использования при решении практических педагогических задач.

В исследовании на новой модели воплотились методологические принципы материалистичности (физиологической основы психики как общепсихологического диалектико-материалистического принципа), междисциплинарности (педагогического принципа), комплексности (в противовес феноменологическому подходу в психологии), которые станут определяющими и в дальнейших исследованиях школы В.С. Мерлина.

Таким образом, в первых самостоятельных работах Мерлина, выполненных в Саратове, определены некоторые теоретико-методологические основы его психологической школы:

- естественно-научная парадигма, воплощенная в исследовании психических особенностей человека в связи с их физиологической основой (свойствами рефлекторной деятельности; вертикальная сопряженность);

- наряду с установлением вертикальных взаимосвязей определение горизонтальных корреляций

между структурными психическими компонентами (выявление психических симптомокомплексов);

– междисциплинарный исследовательский подход, продиктованный пониманием психических структур как многоуровневых и иерархически организованных, а также их разноприродных (социальных, политических, биологических и др.) детерминант;

– эмпирический характер исследований.

В Саратове произошли изменения и в личной жизни Вольфа Соломоновича: он познакомился с Г.Б. Курляндской, с которой впоследствии прожил немало лет. В период с 1932 по 1934 г. Курляндская могла быть студенткой Мерлина в пединституте, в то время как Вольф Соломонович был уже состоявшимся вузовским преподавателем. Союз был основан, несомненно, на духовной близости молодых людей: оба обладали склонностями к научно-исследовательской деятельности.

Галина Борисовна Курляндская¹ (24.10.1912–11.06.2012) – выдающийся отечественный литературовед, родилась в Саратове, в 1934 г. окончила Саратовский пединститут, затем работала преподавателем литературы в Саратовском педтехникуме. В 1939 г. в Саратовском университете защитила кандидатскую диссертацию, выполненную под руководством А.П. Скафтымова. С 1939 по 1948 г. с Мерлиным жила в Свердловске, работала в Свердловском пединституте и Уральском университете. В этот период Мерлин и Курляндская усыновили мальчика:

¹ См.: Подосоковский Н. На 100-м году жизни скончалась старейший достоевист и тургеневед Галина Борисовна Курляндская. URL: <https://philologist.livejournal.com/2049508.html> (дата обращения: 27.03.2018).

Анатолий Вольфович Мерлин (1937–2015) впоследствии, как и приемные родители, стал ученым.

В 1948 г. Курляндская переехала с Мерлиным в Казань, работала в Казанском университете. Здесь, в Казани, их жизненные пути разошлись. С 1957 г. Галина Борисовна жила в Орле, преподавала в Орловском пединституте. В 1965 г. защитила в Ленинградском университете докторскую диссертацию «Метод и стиль Тургенева-романиста». Приблизительно в эти же годы Мерлин исследовал проблему индивидуального стиля деятельности в психологии. Интеллектуальное родство, бесспорно, присутствовало в этой паре.

Свердловский период в жизни В.С. Мерлина длился 10 лет – с 1938 по 1948 г. Вольф Соломонович работал в Свердловском педагогическом институте. Здесь его застала Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

Важной страницей жизни доцента Свердловского института Мерлина была работа по совместительству во время Великой Отечественной войны в качестве научного консультанта в клинике эвакуированного Института психологии МГУ при эвакуогоспитале, расположенном в поселке Кауровка Свердловской области, в котором трудились сотрудники МГУ: научным руководителем был назначен А.Н. Леонтьев, начальником медицинской части – П.Я. Гальперин, экспериментальными лабораториями заведовал В.А. Запорожец, научными сотрудниками были Я.З. Неведрович, А.Г. Комм, С.Я. Рубинштейн, Б.М. Теплов и др. В.С. Мерлин исследовал проблемы координации движений у раненых (1942) и способов реабили-

тации ослепших бойцов (1942–1945), а также оказывал психологическую и психотерапевтическую помощь инвалидам войны, потерявшим конечности и зрение (с применением гипноза)¹, что нашло отражение в монографии «Проблемы экспериментальной психологии личности», опубликованной в 1967 г.

Казанский период в жизни В.С. Мерлина продолжался с 1948 по 1954 г. В это время он работал в Казанском университете на отделении логики и психологии, готовился к защите докторской диссертации на тему «Психофизиологическое своеобразие условных реакций в структуре волевого акта» (защищена в 1950 г.). Если в кандидатской диссертации рассматривались парциальные связи воли и условно-рефлекторной деятельности, то в докторской диссертации Мерлин вышел на уровень структурно-системной методологии, рассматривая волевой акт как психическое явление, структурно-иерархизованное, фундамент которого составляют физиологические основы.

В этот же период стала складываться концепция целостности личности и индивидуального стиля деятельности, или путей (средств), которыми разные люди приходят к успеху в работе, достигая равного уровня. Этой проблеме была посвящена кандидатская диссертация Е.А. Климова, выполненная под руководством В.С. Мерлина, по теме «Индивидуальные особенности трудовой деятельности ткачих-многостаночниц в связи с подвижностью нервных процессов» (1959).

¹ См.: Воронова Е.Ю. В.С. Мерлин в системе советской психологии периода Великой Отечественной войны // Вестник Пермского гуманитарно-педагогического университета. 2015. Вып. 1. С. 4–10. Сер. 1, Психологические и педагогические науки.

В Казани В.С. Мерлин в 50-летнем возрасте встретил Елену Николаевну Антонову, которая была его студенткой и была моложе на 26 лет. Они поженились в 1952 г.¹, а в 1954 г. у них родился сын Валерий.

Пермский период. В 1954 г. Мерлин в четвертый раз меняет место жительства и работы в периферийных вузах: в статусе доктора педагогических наук (по психологии) переезжает из Казани в Пермь по приглашению ректора Пермского государственного педагогического института, чтобы заведовать кафедрой психологии.

«В ранние пермские годы, – вспоминает Валерий Мерлин об отце, – я помню его молодым – физически молодым, несмотря на возраст. Он работал – создавал Школу. В квартире все время щелкал замок: шли студенты, аспиранты, коллеги и заезжали гости: Женя Климов, Палей, Петровский»².

Пермский период был самым продолжительным (28 лет) и в научном плане наиболее плодотворным временем жизни Вольфа Соломоновича. Здесь окончательно сформировалась психологическая школа В.С. Мерлина, получившая выражение в его научных трудах:

– Очерк теории темперамента. М.: Просвещение, 1964. – 303 с.

– Проблемы экспериментальной психологии личности // Ученые записки Пермского педагогического института. Пермь, 1970. Т. 77.

¹ См.: Щебетенко А.И. Указ. соч. С. 48.

² Мерлин В.В. Из тетрадок памяти // Собр. соч. Т. 2: Своеобразие условных реакций в структуре волевого акта. Пермь, 2006. С. 6.

– Очерк теории темперамента. Пермь: Кн. изд-во, 1973. – 291 с.

– Лекции по психологии мотивов. Пермь, 1970. – 120 с.

– Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. – 254 с.

Под руководством В.С. Мерлина выполнены 3 докторских (Е.А. Климов, 1969; Б.А. Вяткин, 1981; В.В. Белоус, 1982) и 34 кандидатских диссертаций³.

В.В. Мерлин пишет об отце: *«Интегральная индивидуальность – его собственный портрет. Он весь был направленность. Дело однозначно определяло его поступки, но он настолько вкладывал себя в дело, что выдавал себя целиком, без остатка (подобно тому, как поэт выдает себя в слове: “Человек в поэзии нужен весь: любящий, дышащий, помнящий, понимающий и проч.” – Бахтин). Однажды он сказал, что отличие ученого лежит не в интеллектуальной, а в эмоциональной сфере: мысль доставляет ему радость»*⁴.

В пермский период В.С. Мерлин активно занимался общественной работой: с 1958 г. он возглавлял Уральское отделение Общества психологов СССР, с 1959 по 1982 г. являлся членом Центрального совета общества психологов, в 1965 г. был членом Программного комитета XVIII Международного психологического конгресса, с 1967 г. – членом ученой комиссии по психологии Министерства просвещения РСФСР.

Вольф Соломонович ушел из жизни в 84 года. Перед этим был болен раком. О его последних мгнове-

³ См.: Щебетенко А.И. Указ. соч. С. 286–290.

⁴ Мерлин В.В. Из тетрадок памяти. С. 7.

ниях Валерий Мерлин вспоминает: *«Он еще садился за стол – дописывал свою главную книгу “Очерк интегрального исследования индивидуальности”. Следовало сказать, “до последних дней он работал над книгой”, но это не так: в предпоследний день, когда мать спросила его, куда положить рукопись, он махнул на нее рукой – ему открылось что-то сверх Дела. Последним его словом было “все”»*¹.

Непосредственных контактов с В.С. Мерлиным в моей жизни не случилось, хотя работы его были мне известны. После окончания Саратовского университета я планировала поселиться в Перми, поближе к родителям. В феврале 1978 г., в зимние каникулы, мне удалось встретиться с заместителем Мерлина В.В. Белоусом (Вольф Соломонович в то время был болен) и переговорить по поводу трудоустройства в психологическую лабораторию Пермского пединститута. Валерий Владимирович, в прошлом выпускник Саратовского университета, выразил принципиальное согласие, сердечно побеседовав со мной. Позднее планы изменились: меня пригласили работать на кафедре психологии Саратовского университета, но отношения с представителями пермской школы на этом не закончились.

В 1980-е гг., обучаясь в аспирантуре Ленинградского университета, свои первые исследования по теме диссертации, результаты которых опубликованы², выполнила под руководством доцента ка-

¹ Мерлин В.В. Из тетрадок памяти. С. 11.

² См.: Южанинова А.Л. Особенности когнитивного стиля в связи с характером профессиональной деятельности // Мышление и общение в конкретных видах практической деятельности. Ярославль, 1984. С. 87–89; *Ее же*. Особенности межличностного оценивания и когнитив-

И.М. Палей

федры общей психологии ЛГУ Иосифа Марковича Палея (1926–2009), ученика Мерлина, работавшего в Пермском пединституте с 1949 по 1962 г. (сначала в должности ассистента, а с 1951 г. – старшего преподавателя кафедры психологии). С 1962 г. И.М. Палей работал доцентом факультета психологии Ленинградского университета.

Выпускник отделения психологии ЛГУ (1949), И.М. Палей выполнил диссертацию под руководством В.С. Мерлина на тему «Индивидуальные особенности сдерживания в связи с типологическими различиями по силе торможения и уравновешенности нервных процессов»³, которую защитил в 1959 г.

ный стиль // Проблемы психологии субъективных суждений и оценок. Саратов, 1984. С. 94–99; *Ее же*. Исследование сложностей когнитивной дифференциации и интеграции в связи с уровнем социального интеллекта // Когнитивные стили. Таллин, 1986. С. 159–162.

³ См.: *Палей И.М.* Индивидуальные особенности сдерживания в связи с типологическими различиями по силе торможения и уравно-

в НИИ ОПП АПН СССР¹. В 1970–1980-е гг. И.М. Палей занимался проблемами когнитивного стиля. Под его руководством на факультете психологии Ленинградского университета в этом направлении были выполнены диссертационные² и дипломные работы. В 1984–1986 гг. под эгидой Иосифа Марковича ежегодно проводились научные конференции молодых ученых по проблемам индивидуальности. Моя благодарная память сохранила образ Иосифа Марковича Палея – истинного ученого и благородного человека.

В 1982 г. известный психофизиолог И.В. Равич-Щербо (1927–2004) в письме к ученице В.С. Мерлина Е.А. Силиной заметила в связи со смертью В.С. Мерлина: *«Уходят наши психологические старики. Все-таки это была особая когорта – особая и по научным, и по человеческим потенциям. Без них многое изменится в нашей науке, и, боюсь, не в лучшую сторону. Ну да ничего с этим не сделаешь, выходим на уровень, свойственный многим научным сообществам»*³.

вешенности нервных процессов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1959.

¹ См.: Щебетенко А.И. Указ. соч. С. 286.

² См.: Колга В.А. Дифференциально-психологическое исследование когнитивного стиля и обучаемости: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1976; Шкуратова И.П. Исследование особенностей общения в связи с когнитивным стилем личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1983.

³ Цит. по: Щебетенко А.И. Указ. соч. С. 225.

2.2. Иван Владимирович Страхов

В научном творчестве И.В. Страхова, во всей его научной биографии нашли свое воплощение не только его индивидуальные особенности, но и многие типичные черты отечественной психологии.

С.А. Богданчиков

У каждого крупного ученого в свое время появляется свой биограф или биографы. У доктора психологических наук профессора **Ивана Владимировича Страхова** (06(19).09.1905–20.11.1985) такими фигурами стали его сын, В.И. Страхов, и С.А. Богданчиков. Проанализировав труды Ивана Владимировича, а также материалы его домашнего архива, в разных источниках они опубликовали данные о научном и жизненном пути выдающегося ученого⁴.

И.В. Страхов родился в селе Ильинское Даниловского района Ярославской области, в семье сельского священника. В 1921–1923 гг. он учился в первой Советской им. Н.И. Пирогова школе 2-й ступени г. Ярославля, а в 1923–1927 гг. прошел обучение в Ярослав-

⁴ См.: *Страхов В.И.* Фрагменты жизненной и научной биографии профессора Ивана Владимировича Страхова // *Материалы Двенадцатых Страховских чтений*. Саратов, 2003. С. 5–13; *Его же*. Научные традиции кафедры педагогической психологии // *Материалы Одиннадцатых Страховских чтений*. Саратов, 2002. С. 5–12; *Его же*. Профессор И.В. Страхов как организатор науки // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Акмеология образования. Психология развития*. Т. 1, вып. № 1/2. 2008. С. 93–98; *Богданчиков С.А., Страхов В.И.* Проблемы психологии литературного творчества в работах И.В. Страхова // *И.В. Страхов. Психология литературного творчества (Л.Н. Толстой как психолог)*. М.; Воронеж, 1998. С. 5–17; *Богданчиков С.А.* Из истории психологии: о докторской диссертации профессора И.В. Страхова // *Материалы Шестых Страховских чтений*. Саратов, 1997. С. 12–14; и др.

ском педагогическом институте на лингвистическом отделении. На старших курсах института (1925–1927) он совмещал учебу с трудовой деятельностью, работая учителем в школах для взрослых г. Ярославля, где его учениками были в основном красноармейцы. Его выпускная квалификационная работа в пединституте называлась «Опыты построения марксистской психологии в России»¹. Таким образом, интерес Ивана Владимировича к вопросам психологии был сформирован еще при вузовском обучении лингвистике, а методологической основой понимания им научной психологической парадигмы был принят марксизм.

В 1926 г. в журнале Ярославского губернского отдела народного образования была напечатана первая публикация Страхова – заметка «Работа в школе ликвидации неграмотности»². В ней были сформулированы практические рекомендации по оптимизации процесса обучения взрослых грамоте. Учителю начинающий ученый рекомендовал изучать учащихся не только со стороны их познаний, но и с чисто психологической стороны, для чего было предложено использовать разработанную и применявшуюся самим автором в школе взрослых анкету для определения наиболее значимых для процесса обучения черт характера учеников (интеллектуальных, эмоциональных и волевых)³.

¹ См.: *Богданчиков С.А.* Страхов Иван Владимирович // История психологии в лицах. Персоналии / под ред. Л.А. Карпенко // Психологический лексикон: энциклопедический словарь: в 6 т. / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. М., 2005. С. 451–452.

² См.: *Страхов И.В.* Работа в школе ликвидации неграмотности // Наш труд. 1926. № 5/6. С. 49–50.

³ См.: *Богданчиков С.А.* Очерк 6: Теоретические проблемы психологии в ранних работах И.В. Страхова // Советская психология 1920-х годов (восемь очерков). Саратов, 2007. URL: <ftp://nozdr.ru/.../Богдан>

Окончив Ярославский педагогический институт, И.В. Страхов приехал в Москву учиться в аспирантуре Московского института экспериментальной психологии (1927–1930) у директора института профессора К.Н. Корнилова (директорствовал с 1923 по 1930 г., сменив на посту своего учителя Г.И. Челпанова) по специальности «общая и экспериментальная психология»⁴. Корнилов поддержал и принял к себе в институт Страхова из Ярославля так же, как ранее он поддержал и взял к себе на работу молодых психологов А.Р. Лурия из Казани, Л.С. Выготского из Гомеля и др. Одновременно (1929–1930) Страхов работал ассистентом на кафедре психологии в Московском индустриально-педагогическом институте им. К. Либкнехта.

В конце 1920-х гг. Московский государственный Институт экспериментальной психологии занимался научно-исследовательской работой и включал 6 секций: 1) общая и экспериментальная психология (рук. К.Н. Корнилов), 2) социальная психология (рук. М.А. Рейснер), 3) прикладная психология (рук. И.Н. Шпильрейн), 4) психопатология (рук. А.Б. Залкинд), 5) детская психология (рук. Н.А. Рыбников), 6) поведение животных (рук. В.М. Боровский). Страхов начал научно-исследовательскую подготовку у К.Н. Корнилова в рамках 1-го направления. По словам В.Г. Степанова, ученика Корнилова, учитель

чиков% 20С.А.% 20-% 20Советская% 20психология% 201920... (дата обращения: 28.05.2017).

⁴ См.: *Богданчиков С.А.* Теоретические проблемы психологии в ранних работах И.В. Страхова: Психологическое обеспечение подготовки будущих учителей // материалы Первых Страховских чтений Саратов, 1991. С. 11–12.

обладал целеустремленным и страстным характером, брался за все всерьез и надолго, нацеливая на такой лад и своих учеников. В.Г. Степанов вспоминает: *«Мне он говорил, что тему научных исследований надо выбирать, как жену, ответственно, по любви и надолго»*¹. Именно так случилось в научной биографии Ивана Страхова.

В Москве в 1929–1930 гг. И.В. Страховым было опубликовано 4 теоретических статьи², три из которых были напечатаны в журнале «Психология. Педагогика. Психотехника», организованном в 1928 г. по инициативе К.Н. Корнилова, который был редактором серии «А» журнала, называвшейся «Психология». «В этих статьях Страхов на основе изучения обширного материала осуществил квалифицированный критический анализ ряда актуальных методологических проблем: теоретического метода в психологии, соотношения описательной и объяснительной психологии, значения марксизма для психологии, а также проблемы типов, которая затем стала центральной в его научном творчестве. Практически все ранние работы Страхова были своего рода “зародышами” его дальнейших теоретических исследований и направлений профессиональной деятельности. Так, статья “Работа в школе ликви-

¹ Степанов В.Г. К.Н. Корнилов – основоположник отечественной материалистической психологии (ученый, организатор, педагог) // Педагогика и психология образования. 2014. Вып. 1. С. 12.

² См.: Страхов И.В. Проблема изучения типов в психологии // Психология. 1929. Вып. 1. С. 104–127; *Его же*. Психология и литературоведение // Литература и марксизм. 1929. № 6. С. 3–26; *Его же*. Эйдетика // Психология. 1929. Т. 2, вып. 2. С. 280–298; *Его же*. О методе психологии в связи с проблемой типа // Естествознание и марксизм. 1930. № 1. С. 89–121; *Его же*. Против формализма в психологии // Психология. 1930. Т. 3, вып. 2. С. 145–187.

дации неграмотности” затем нашла продолжение и развитие в области педагогической психологии; статья “Психология и литературоведение” – в области психологии литературного творчества: в работе “Толстой как психолог”..., в работах о психологии литературного творчества Гончарова, И.С. Тургенева, К. Федина и других»³.

Уже по названиям первых статей Ивана Владимировича и журналов, в которых они были напечатаны, можно заметить, что содержательно сближало Корнилова как научного руководителя и его аспиранта Страхова.

Во-первых, это психологическое осмысление обоеими собственного учительского опыта, приобретенного в молодости, и разработка на этой основе актуальных для того времени проблем педагогической психологии.

Во-вторых, интерес к марксистской теории Корнилова и Страхова в связи с созданием новой советской методологии. Так, известно, что Корнилов первым в истории отечественной психологии ввел основные категории диалектики в контекст психологических исследований, объявив диалектический материализм методологической основой психологии в докладе «Психология и марксизм», сделанном на I Всероссийском съезде психоневрологов в 1923 г., и в докладе «Диалектический метод в психологии» – на II Всероссийском съезде по психоневрологии в 1926 г.⁴ Сказал свое слово по этой проблеме преимущественно в ранних работах и И.В. Страхов.

³ Богданчиков С.А. Очерк 6.

⁴ См.: Степанов В.Г. Указ. соч. С. 8, 9.

В-третьих, и Корнилова, и Страхова привлекала идея психологической типологии людей. Так, Корниловым экспериментально было установлено различие типов быстрого и медленного реагирования испытуемых, моторно и сенсорно ориентированных соответственно¹. Страхов впоследствии развил свою психологическую типологию темперамента и характера, отношений любви и дружбы, обратившись к этой теме еще в 1930 г.

Как видим, первичная психологическая подготовка И.В. Страхова проходила в самом центре советской московской научной психологической школы под руководством К.Н. Корнилова, ведущего ученого, пытавшегося создать новое, основанное на марксистско-ленинской методологии материалистическое направление в психологии, — реактологию. Корнилов решительно боролся с реакционно-идеалистическими теориями профессоров-психологов Л.М. Лопатина и Г.И. Челпанова (своего учителя), с одной стороны, и с естественно-научным направлением в психологии — рефлексологией В.М. Бехтерева, с другой. Корнилов пытался устранить ограниченность в объяснении психических явлений обоих названных подходов и синтезировать их, положив в основу реактологии понятие реакции. Однако в научных дискуссиях, состоявшихся в 1930-е гг., реактология подверглась резкой критике, после чего весной 1931 г. Корнилов отказался от своих взглядов, и реактология была устранена из психологии. В ноябре 1930 г. Корнилов был смещен с поста директо-

¹ См.: *Корнилов К.Н.* Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («реактология»). М., 1922.

ра института (однако с 1936 по 1940 г. был вторично назначен его директором²), который стал называться Государственный институт психологии, педологии и психотехники (ГИППиП).

Не исключено, что перемены в жизни Корнилова в 1930 г. каким-то образом отразились и на его аспиранте Страхове. Так это или нет – неизвестно, но Иван Владимирович, находившийся в то время в ближайшем окружении одного из лидеров психологии, покинул столицу, перебравшись в далекую провинцию, в то время как другие психологи с периферии, наоборот, старались закрепиться в Москве (например, младшие коллеги Корнилова – Лурия, Выготский и др). В отличие от других учеников Корнилова Страхов не принял участия в научном разгроме учителя, а одновременно с ним покинул институт.

С.А. Богданчиков обратил внимание на любопытную деталь: «Парадоксально, но факт: и в работах самого И.В. Страхова, и в литературе о нем в качестве самой ранней работы упоминается... его докторская диссертация 1940 г.»³. Следовательно, сам Иван Владимирович склонен был отказаться от самоцитирования 9 статей, 4 из которых были написаны во время его обучения в аспирантуре у Корнилова. О том, что это не связано с ухудшением личных отношений учителя и ученика, говорит тот факт, что Корнилов был официальным оппонентом на защите докторской диссертации Страхова. Несмотря на то, что Иван Владимирович, находясь вблизи Корнилова

² См.: Степанов В.Г. Указ. соч. С. 10.

³ Богданчиков С.А. О ранних работах И.В. Страхова (к 90-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 1995. № 5. С. 100.

и под влиянием его научного авторитета и идей, никогда не был реактологом, можно все же предположить, что поводом исключения автором своих статей из списка публикаций могла послужить научная критика 1930-х гг. корниловской реактологии и выдворение ее из советской психологии. Кроме того, журнал, в котором были помещены статьи молодого аспиранта, содержал в названии наименование «Педология», что после постановления ЦК ВКПб «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» (1936), запретившего педологию как самостоятельную научную дисциплину в СССР, могло скомпрометировать советского ученого.

В 1930-е гг. обязательной подготовки и защиты диссертации по окончании аспирантуры не требовалось. Завершив обучение в качестве аспиранта, Страхов получил назначение на работу в должности заведующего кафедрой психологии Иркутского педагогического института, где трудился в период с 1931 по 1934 г. В Иркутске 21 августа 1932 г. у него родился сын Владимир.

С 1934 по 1937 г. Иван Владимирович заведовал кафедрой психологии в Гомельском пединституте, где в июне 1935 г. стал профессором. В 1937 г. он переехал в Саратов и приступил к работе профессора-психолога в пединституте¹ на кафедре педагогики и психологии, где в 1940 г. организовал кафедру психологии, которой руководил в течение последующих тридцати пяти лет. Здесь же, в Саратове,

¹ *Страхов В.И.* Профессор И.В. Страхов как организатор науки // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2008. Т. 1, вып. № 1/2. С. 95. Сер.: Акмеология образования. Психология развития.

Страхов приступил к написанию докторской диссертации на тему «Эмоциональные компоненты характера школьника в связи с общей характерологией»², и уже в конце 1940 г. работа была им завершена.

Защита диссертации проходила 14 апреля 1941 г. в Московском государственном педагогическом институте. В качестве оппонентов выступали Н.Ф. Добрынин, К.Н. Корнилов и Н.А. Рыбников. В итоге ученый совет единодушно проголосовал за присвоение И.В. Страхову ученой степени доктора педагогических наук (по психологии). Утверждение диссертации Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР состоялось 13 июня 1942 г. Защитив диссертацию, Иван Владимирович вошел в первую десятку психологов – докторов наук в нашей стране³.

В диссертации нашли отражение результаты многолетних исследований Ивана Владимировича в области общей и детской характерологии. В качестве методов им были использованы лонгитюдные наблюдения как за отдельными школьниками, так и за целыми школьными классами, беседы с учащимися, наблюдения учителей, анализ содержания дневников школьников (всего 15) и их сочинений (всего 908) о любви и дружбе.

Исследовательское внимание в работе Страхов направляет на изучение темперамента, характера, эмоций (чувств), личности школьников, а также взаимоотношений дружбы и любви в подростковом

² См.: *Страхов И.В.* Эмоциональные компоненты характера школьника в связи с общей характерологией: в 2 т. / под ред. С.А. Богданчикова; В.И. Страхова. Саратов, 2005–2006.

³ См.: *Богданчиков С.А.* Очерк 6.

возрасте, формируя собственную характерологическую концепцию, объединяющую дифференциально-психологический и социально-психологический подходы. В диссертации Ивана Владимировича (как, впрочем, и в последующих трудах Страхова, а также в работах многих его учеников) мы не найдем использования математических методов или тестов. Превалирование качественного, содержательного психологического анализа над формально-количественным было характерной чертой для исследовательской деятельности И.В. Страхова. Иван Владимирович не экспериментировал, как его учитель К.Н. Корнилов, и не использовал тесты и статистику, что было характерно для педологов. Он шел своим путем в психологии, во многом, на наш взгляд, зависящим от его базового лингвистического образования.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Страхов вел преподавательскую деятельность в различных вузах Саратова, а также в Ленинградском университете, который в то время был эвакуирован в Саратов. По свидетельству В.И. Страхова, *«в 1944 г., когда ЛГУ возвращался в Ленинград, его тогдашний ректор А.А. Вознесенский и заведующий кафедрой психологии Б.Г. Ананьев пригласили И.В. Страхова последовать вместе с университетом, на что он ответил согласием. В Саратов он вернулся уже после войны»*¹.

В последующие годы И.В. Страхов вел преподавательскую деятельность в Саратовском пединсти-

¹ Страхов В.И. Профессор И.В. Страхов как организатор науки. С. 95.

туте, в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского, в политехническом институте и других вузах Саратова². В научной же сфере, по свидетельству В.И. Страхова, «это был человек преимущественно кабинетного труда. В его квартире, по сути дела, было два кабинета и, соответственно, два письменных стола, и весьма часто находящиеся в работе рукописи могли находиться в обеих этих точках»³.

Научных направлений в деятельности Ивана Владимировича было несколько, и в каждом он оставил ощутимый исследовательский след. Начиная с 1960 г. им разрабатывались такие проблемы, как психология педагогического такта, психология внимания, психология литературного творчества, психология школьного урока, психология музыкальных представлений, психология высшей школы. Каждая из них *«подкреплялась монографиями ученого и редактированием соответствующего серийного тематического сборника. В свете сказанного можно заключить, что ведущим инструментом организации науки, управления ею для профессора И.В. Страхова была собственно научная деятельность. Он был чужд каких-либо громогласных заявлений и широко-вещательных формальных заявок, а предпочитал воздействовать посредством делового предложения, предварительно им тщательно продуманного и обеспеченного четкой методической и методологической базой-обоснованием»*⁴.

² См.: Богданчиков С.А. Очерк 6.

³ Страхов В.И. Профессор И.В. Страхов как организатор науки. С. 98.

⁴ Там же. С. 96.

Р.Г. Селиванова, ученица Ивана Владимировича, писала об учителе: *«Крупный психолог российского масштаба, он опубликовал более 50 отдельных изданий. По его работам можно предполагать, что он был близок к классической духовно-ориентированной психологии, но в условиях беспрецедентного идеологического давления на науку вынужден был камуфлировать свои позиции. И.В. Страхов внес существенный вклад в развитие российской психологии советского периода. Он создал опыт разработки окольных путей эмпирических исследований, минуя рамки официальной психологии»*¹.

Благодаря предварительному обучению будущих научных кадров Ивану Владимировичу удалось создать на руководимой им кафедре коллектив единомышленников, объединенных единой научной позицией. Большую работу И.В. Страхов вел по подготовке и защите кандидатских диссертаций своих аспирантов, таких как А.И. Аржанова (1951), В.М. Беляева-Вершинина (1951), В.П. Чубуков (1953), Т.Г. Якушева (1953), Н.А. Дементьева (1954), М.С. Кобзев (1954), В.В. Развинова-Староверова (1956), Р.Г. Селиванова (1956), И.Э. Стрелкова (1967), Е.П. Санникова (1969) и др.² В целом под его руководством было подготовлено и защищено 20 диссертаций по весьма широкому спектру научных направлений в психологии: характерология, психология творчества, возрастная психология, музыкальная деятельность, педагогический такт, внимание,

¹ Селиванова Р.Г. К истории психологии в Саратове // Проблемы региональной психологии: теория, практика, эксперимент / отв. ред. Р.Х. Тугушев. Саратов, 2007. С. 6.

² См.: Богданчиков С.А. Очерк 6.

*Профессор И.В. Страхов – научный руководитель
аспирантуры по педагогике (психологии)
в Саратовском пединституте. 1955 г. Саратов*

типология темперамента, дружба и любовь в школьном возрасте и др.³

Продолжателем дела отца и лучшим представителем Саратовской психологической школы И.В. Страхова стал Владимир Иванович Страхов, профессор кафедры социальной психологии образования и развития Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Сохраняя преданность отцу, Владимир Иванович издал неопубликованные работы И.В. Страхова и стал инициатором посвященных ему Страховских чтений. В лице Владимира Ивановича и его учеников

³ *Страхов В.И.* Профессор И.В. Страхов как организатор науки. С. 97.

научная школа И.В. Страхова активно развивается и в настоящее время.

И.В. Страхов является автором следующих монографий: «Психология творческого вдохновения» (1962), «Внутренняя речь в художественном изображении» (1964), «Психология педагогического такта» (1966), «Психологический анализ в литературном творчестве» (в 5 ч., 1973–1976), «Методика психологического анализа характеров в художественном произведении» (1977), «Психологический анализ в творчестве Л. Н. Толстого» (1978).

С 1958 по 1975 г. И.В. Страхов возглавлял Саратовское отделение Общества психологов СССР. За успешную научно-педагогическую деятельность он был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями¹.

Мне посчастливилось встретиться с И.В. Страховым, хотя и случайно, единственный раз в декабре 1978 г. Заведующий кафедрой психологии СГУ Н.В. Кругиус поручил мне собрать информацию о зарубежных изданиях по психологии, имеющихся в книжном магазине иностранной литературы «Дружба», которым заведовал тогда Страдзе. При разборе книг на стеллаже я оказалась рядом с пожилым интеллигентом, который помог мне, прочитав и переведя названия книг с немецкого языка на русский. Мы разговорились. Узнав, что я работаю на кафедре психологии университета, Иван Владимирович (а это был он) рассказал мне о своих учениках, которые преподавали тогда психологию в уни-

¹ См.: *Богданчиков С.А.* Страхов Иван Владимирович // История психологии в лицах. Персоналии. С. 451.

верситете. С гордостью он поведал, какая у него прекрасная домашняя библиотека и какие редкие художественные альбомы ему удалось собрать. После этой встречи у меня осталось чувство светлой радости от общения с таким образованным и интересным человеком. Ну а другой раз мне довелось уже только проститься с Иваном Владимировичем на его похоронах холодным ветреным чуть снежным днем 20 ноября 1985 г.

Глава 3.

САРАТОВСКИЕ УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПСИХОЛОГИ ТРЕТЬЕГО И ПОСЛЕДУЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

...Мы оглядываемся на путь, пройденный нашей кафедрой... и понимаем, как много сделано за это время, как много прожито и пережито. Мы вспоминаем людей, благодаря вдохновенному труду и упорству которых наша кафедра появилась на свет и занимает лидирующие позиции в психологической науке и образовании региона...

Л.Н. Аксеновская¹

В 1930-е гг. в Саратовском университете, как и в других вузах страны, начался период борьбы со старорежимной профессурой и ее учениками. Этот вихрь разметал по стране саратовских психологов А.А. Крогуса, Г.П. Иванова, Э.Л. Берковича, Н.В. Касаткина, и в университете настало время обучения студентов без профессионально подготовленных психологов. Таким образом, Саратовский университет на некоторое время перестал быть психологическим центром региона (им стал Саратовский пединститут), а в целом по стране психология как наука утратила свое высокое общественно значимое положение.

¹ Опыт и перспективы развития университетской психологии в Саратове: матер. Юбил. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию кафедры психологии (9–10 декабря 2011 г.). Саратов, 2011. С. 3.

Впрочем, в 1939 г. на филологическом факультете СГУ была создана кафедра педагогики, сотрудники которой, не будучи психологами, по мере возможности, отчасти восполняли «психологический» пробел в образовательном процессе университета. Кафедрой возглавил профессор Илья Сергеевич Каменоградский, кандидат педагогических наук (за годы работы в СГУ занимавший также должности декана филологического факультета, проректора по учебной работе).

Эпоха психологического безвременья в СССР пошла на убыль в годы Великой Отечественной войны. А.Н. Ждан, проанализировав научные достижения отечественных психологов в военные годы, делает вывод: «В годы войны психология восстановила свой социальный статус и заняла законное место среди других отраслей советской науки»². Благодаря этому 1 октября 1942 г. на философском факультете МГУ, эвакуированном в Ашхабад, под руководством С.Л. Рубинштейна были созданы кафедра и отделение психологии, а в 1944 г. на философском факультете ЛГУ открылись кафедра и психологическое отделение, возглавляемые Б.Г. Ананьевым.

Более того, повышение значимости психологии выразилось и в том, что в послевоенные годы в средних школах СССР были введены учебные дисциплины «Логика» и «Психология», однако подготовленных преподавателей этих профилей к тому времени не было. В связи с этим в ведущих вузах страны

² Ждан А.Н. Фундаментальная наука и практика в советской психологии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Московского университета. 2015. № 2. С. 4. Сер. 14, Психология.

*Кафедра педагогики и психологии СГУ (слева на право):
стоят – Л.П. Доблаев, (?), С.В. Михеев, (?), Л.Г. Вяткин;
сидят – Т.П. Мордвинкина, В.И. Балаева, И.Э. Стрелкова,
Н.Н. Студенцов, Р.Г. Селиванова. 1967 г. Саратов*

начали открывать отделения психологии, логики и русского языка. Б.Г. Ананьев в своей публичной лекции на тему «Успехи советской психологии», прочитанной 12 декабря 1947 г. в Ленинграде, сказал: «В настоящее время... советская психология... обладает мощными научными организациями и учреждениями, специальными научными институтами в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Риге и т.д., крупными кафедрами и лабораториями. Больше чем в 30 университетах и вузах нашей страны созданы отделения логики и психологии на философских и филологических факультетах... с осени 1947 г. введено преподавание психологии и логики в средней школе нашей страны»¹.

¹ Ананьев Б.Г. Успехи советской психологии. Л., 1948. С. 7.

В 1947 г. и в Саратовском университете было открыто отделение логики и психологии на базе филологического факультета, учиться на который перешли студенты 3-го курса филологического факультета. Выпускники первого набора (их было всего пять) получили специальность «Логик, психолог, филолог». Это был первый опыт подготовки в Саратове психологов с базовым высшим психологическим образованием. Понятно, что психологии их могли обучать не психологи, а преподаватели гуманитарных факультетов СГУ иных специальностей или совместители из пединститута.

13 октября 1954 г. в Саратовском университете на базе кафедры педагогики была создана общеуниверситетская кафедра педагогики и психологии, заведующим которой стал кандидат педагогических наук профессор И.С. Каменоградский. Сотрудники кафедры преподавали педагогику и основы психологии на всех факультетах СГУ (кроме геологического). С 1965 по 1969 г. кафедрой педагогики и психологии СГУ руководил доктор педагогических наук профессор Николай Николаевич Студенцов, а с 1968 г. – доктор психологических наук профессор Л.П. Доблаев. В это время на данной кафедре работали ученицы профессора И.В. Страхова, кандидаты педагогических наук (по психологии) В.В. Развинова, Р.Г. Селиванова, И.Э. Стрелкова. Таким образом, статус психологии в масштабах университета укрепился.

В 1971 г. кафедра педагогики и психологии располагалась в торце здания Научной библиотеки СГУ (напротив III корпуса университета), а занятия

*У корпус Университета (ул. Астраханская, 83),
где располагались администрация СГУ и биофак,
а также кафедра психологии.
Начало 1980-х гг. Саратов*

студентов-психологов проходили, главным образом, в пятом, в те годы административном корпусе СГУ, где размещался биофак. В 1974 г. кафедра педагогики и психологии СГУ разделилась на кафедру педагогики и кафедру психологии. Кафедра психологии получила аудитории в полуподвальном помещении V корпуса СГУ, где и располагалась до 2010 г.

Именно кафедра психологии СГУ до образования психологического факультета в Саратовском уни-

верситете в 2010 г. (декан Л.Н. Аксеновская) обеспечивала преподавание психологических дисциплин на отделении психологии (образовано в 1971 г.) и была выпускающей, а также осуществляла общепсихологическую подготовку студентов на других факультетах СГУ.

Начиная со второй половины 1960-х гг. произошел новый виток возрождения университетского психологического образования в СССР: в 1966 г. были открыты психологические факультеты в Московском и Ленинградском университетах, в 1970 г. был основан факультет психологии в Ярославском университете. Четвертым университетом в СССР, участвовавшим в этом возрождении российской университетской психологии, стал Саратовский университет: в 1971 г. на базе биологического факультета, деканом которого с 1971 по 1987 г. был кандидат медицинских наук, доцент Николай Васильевич Глухов, было открыто отделение психологии. Затем работа отделения до 2005 г. (до вхождения отделения психологии в структуру факультета философии и психологии СГУ) курировалась деканом биофака, доктором биологических наук профессором Геннадием Викторовичем Шляхтиным.

Основателем и руководителем открывшегося в 1971 г. отделения психологии СГУ стал профессор Л.П. Доблаев, а руководимая им в то время кафедра педагогики и психологии стала выпускающей: она осуществила психологическую подготовку первых трех наборов будущих психологов. С благодарным сердцем вспоминаю и пишу о первых сотрудниках психологического отделения, которые сначала были нашими учителями, а потом коллегами.

*Декан биологического
факультета СГУ
Н.В. Глухов.
15 июня 1980 г.*

*Г.В. Шляхтин, декан
биологического факультета
СГУ с 1987 г. по настоящее
время. 4 марта 1987 г.*

А.А. Понукалин вспоминал: «В 60–70 годы развитие теоретической и прикладной психологии достигло высокого уровня в силу востребованности психологического знания в обеспечении эффективной работы оборонных систем страны... Требовались специалисты и научно-практические разработки в области инженерной психологии (психологии управления в системах человек-машина). В некоторых университетах открывали образовательную специальность «психология» с ориентацией на инженерную психологию, которой занимались практически все выдающиеся ученые, независимо от индивидуального профиля научных исследований... Открыли отделение психологии и в СГУ

(1971), благодаря усилиям, главным образом, Л.П. Доблаева, который заведовал кафедрой психологии и педагогики СГУ. Открыв специальность, плохо понимали, какие взяли на себя обязанности, поскольку об инженерной психологии представления были смутными...»¹.

С 1971 до 1978 г. и с 1980 по 1988 г. кафедрой психологии и отделением психологии СГУ руководил профессор Л.П. Доблаев, с 1978 по 1980 г. – доцент Н.В. Крогиус, а с 1988 по 2008 г. – Р.Х. Тугушев (сначала доцент, а с 2001 г. – профессор).

Доблаев Лев Петрович (1920–01.04.2010) родился в городе Буденновске Ставропольского края. Учился в Вятском (Кировском) пединституте на учителя русского языка и литературы.

Во время Великой Отечественной войны Лев Петрович служил в чине лейтенанта (1942), командовал разведвзводом, в 1944 г. был ранен и находился на излечении в госпитале. За участие в Великой Отечественной войне награжден несколькими медалями.

После войны, с 1945 по 1948 г., он был аспирантом Института психологии в Москве, защитил кандидатскую диссертацию по психологии мышления. Его учителями были выдающиеся представители московской психологической школы. Лев Петрович приехал в Саратов как ее посланник и работал на кафедре педагогики Саратовского университета с 1951 г. В 1968 г. в Московском институте психологии он защитил докторскую диссертацию. В Сара-

¹ Понукалин А.А. Психологическая школа Ю.М. Забродина в СГУ // Проблемы современной психологии: теория, практика, эксперимент: матер. Юбил. науч.-практ. конф. молодых ученых, посвящ. 40-летию кафедры психологии. Саратов, 2012. С. 3.

*Заведующий кафедрой психологии СГУ профессор Л.П. Добраев
в рабочем кабинете. 1977 г. Саратов*

тове он стал вторым после И.В. Страхова доктором по психологии. С 1968 по 1974 г. заведовал кафедрой педагогики и психологии СГУ.

В 1971 г. под руководством Льва Петровича в Саратовском университете было открыто отделение психологии при биологическом факультете СГУ. С 1974 по 1978 г. и с 1980 по 1988 г. он заведовал кафедрой психологии СГУ; с 1978 по 1980 г. – кафедрой психологии Саратовского пединститута. До последних дней жизни Добраев был профессором кафедры психологии СГУ, активным членом диссертационного совета СГУ по психологии.

Наиболее известные работы Л.П. Добраева – «Логико-психологический анализ текстов» (Саратов, 1970), «Анализ и понимание текстов» (Саратов, 1987).

Мне посчастливилось учиться у Льва Петровича, а затем работать некоторое время под его руководством на кафедре психологии СГУ. Однажды осенью

1980 г. он пришел ко мне на лекцию по общей психологии на историческом факультете, по-видимому, чтобы получить представление о новом преподавателе. Замечания, сделанные им после лекции, были очень деликатными, он был тактичным человеком. Под его руководством было удобно работать: научная деятельность его подчиненных протекала в иных направлениях, но, к чести Льва Петровича, он никогда не навязывал своей воли в науке, и каждый его сотрудник имел возможность работать в научной сфере, выбранной им самим.

Лев Петрович был очень добрым и щедрым человеком. У меня сохранилась его книга «Проблема понимания в советской психологии»¹, которую я попросила у него почитать, работая над судебно-психологическим экспертным понятием «понимание». Его работа помогла сформулировать критерии понимания значения собственных действий лицом, совершающим гражданскую сделку². Когда я спросила Льва Петровича, когда можно вернуть его книгу, он ответил: «Я дарю ее тебе». Он также подарил мне и другую принадлежащую ему книгу. Лев Петрович любил детей. К студентам он относился как к своим детям и к детям сотрудников был ласков.

Как-то на кафедральном праздновании он признался, что чувствует себя глубоко счастливым человеком. Однако не только внутренне, субъективно, но и внешне, объективно, он был успешен: живым вернулся с войны, сумел защитить кандидатскую и док-

¹ См.: *Доблаев Л.П.* Проблема понимания в советской психологии. Саратов, 1967.

² См.: *Южанинова А.Л.* Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе. Сделки с пороками воли. Саратов, 2005. Ч. 3.

торскую диссертации в то время, когда в СССР и кандидатов, а тем более докторов по психологии были считанные единицы.

Был счастлив Лев Петрович и в семейной жизни. Один из его сыновей – Валерий Львович Доблаев, живет в Москве, известен как социолог, другой сын живет в Саратове. Доблаев очень любил свою семью, внуков и правнуков.

Была у него еще одна черта. Лев Петрович родился близ Кавказа и, как рассказывают, очень любил лошадей, прекрасно ездил верхом.

В 1970–1980-е гг. Л.П. Доблаев возглавил гуманитарное направление в саратовской психологической университетской психологии. Он создал в науке собственный подход к психологическому анализу текстов. Его книги были переведены на многие языки. Еще в советское время он активно публиковался за рубежом.

В своих работах Льву Петровичу удалось представить целостную оригинальную концепцию понимания текста. Он обосновал представления о широком и узком понимании текста, выделил ряд психологических механизмов понимания текста, предложил приемы его анализа, а также оригинальную методику анализа субъект-предикатных отношений в тексте. Его исследования структуры текстов показали, что в речи и ее строении проявляются особенности мыслительной деятельности человека, в частности, продуктивность его логических операций. Кроме того, Львом Петровичем была установлена разница в успешности понимания текста в зависимости от его структуры.

Студентам Лев Петрович раскрывал свою концепцию структурного текстологического анализа в рамках авторского спецкурса, но оценить масштаб его идей удавалось не всем студентам. Проникнуться его подходом мне посчастливилось только после окончания психологического отделения. На меня произвело огромное впечатление личное открытие в виде понимания факта связи субъект-предикативной выстроенности высказываний человека и логичности как черты его мыслительной деятельности. Другая заинтересовавшая мысль была связана с выделенным Львом Петровичем критерием полноты и избыточности текста. Много позже в своей судебно-психологической экспертной практике некоторые идеи Льва Петровича были положены мною в основу методики психолингвистического анализа документов по материалам уголовных и гражданских дел¹.

В первые годы существования отделения психологии СГУ многие абитуриенты приходили получать образование психолога случайно, потому что эта наука только начинала внедряться в жизнь советского общества. Выпускница Саратовского университета Ольга Гуменская (первый выпуск отделения психологии) пишет: *«1971 г. Мы с подружкой-одноклассницей, успешно окончив 19 школу (сейчас – 1 гимназия), решили поступать в СГУ. Нравились нам литература, история, биология, но эти науки преподаются на разных факультетах. Через несколько дней мы увидели объявление об открытии нового*

¹ См.: Южанинова А.Л. Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе. Защита чести, достоинства, деловой репутации. Саратов, 2002. Ч. 2.

отделения на биологическом факультете – отделения психологии, куда как раз и надо сдавать историю, биологию и сочинение... Такая мотивация и определила наш жизненный путь»¹.

1973 год. Мы с подругой-одноклассницей приехали из Пермского края поступать в Саратовский университет, она – на факультет иностранных языков, а я – на отделение психологии. До этого мы год занимались заочно на подготовительных курсах СГУ (я – по истории, математике, биологии, русскому языку и литературе, т.е. предметам, по которым проходили вступительные экзамены). Об открывшемся отделении психологии в Саратове мне случайно стало известно из центральной газеты, напечатавшей объявление о наборе учащихся на подготовительные курсы. Слово “психология” показалось чарующим, и я отправилась к учительнице по физике, чтобы расспросить о том, чем занимается эта наука. После разговора с ней мною было принято решение отправиться после окончания средней школы в Саратов учиться психологии.

Несмотря на начальный этап формирования психологической службы в стране и скудость информации об этой отрасли, случайный (без понимания содержания последующей профессиональной деятельности) повод выбора многими абитуриентами в качестве будущей профессии психологии, при поступлении на психологическое отделение конкурс был на протяжении многих лет самым высоким в СГУ – 5-6 человек на место, так же как на отделение иностран-

¹ Гуменская О. С благодарностью учителям. К 40-летию кафедры психологии СГУ // Саратовский университет. 2011. № 8. С. 7.

ных языков филфака. Профилирующим предметом для медалистов, выбравших направление «Психология», в первые годы существования отделения была математика (по-видимому, в связи с инженерно-психологическим профилем специализации).

Обучение будущих психологов в Саратовском университете в 1971 г., по воспоминаниям декана биофака Г.В. Шляхтина, организовать было сложно. За основу были взяты учебные планы университетов Германии, которые содержали большую долю биологических дисциплин. В Саратовском университете психологам преподавались: основы биологии и генетики, антропология, анатомия и эволюция нервной системы, анатомия и физиология человека, физиология высшей нервной деятельности, зоопсихология. Уже из этого списка, процитированного из приложения к диплому (выписки из зачетной ведомости) 1978 г., понятно, что в основу профессиональной подготовки будущих психологов в Саратовском университете первоначально была положена естественно-научная парадигма.

В первые годы образованного отделения психологии СГУ в перечне изучаемых дисциплин большой удельный вес, как и во всех вузах страны, отводился общественным наукам (история КПСС, марксистско-ленинская философия, политическая экономия, научный коммунизм, основы научного атеизма). Таким образом, обучение будущих психологов, чье внимание должно быть сосредоточено на душе человека, было не просто материалистическим, но к тому же марксистско-ленинским. До третьего курса студенты-психологи обучались иностранному

языку. На первом курсе им преподавалась логика, а на первом и втором курсе – высшая математика. С первого по второй курс студенты занимались физвоспитанием.

С момента организации отделения психологии СГУ на кафедре психологии под руководством профессора Л.П. Доблаева (филолог, кандидат и доктор психологических наук) психологическую подготовку студентов осуществляли сотрудники, прошедшие разную профессиональную подготовку: группа остепененных ученых – доценты Н.В. Крогиус (психолог, кандидат психологических наук), В.В. Развинова, И.Э. Стрелкова, Р.Г. Селиванова (все – филолог/психолог, кандидат педагогических наук по психологии), Е.И. Гарбер (врач, кандидат медицинских наук); группа молодых ученых, не имеющих еще тогда ученой степени, – старшие преподаватели А.А. Понукалин, Р.Х. Тугушев, В.В. Козача, А.Ф. Пантелеев (у всех базовое образование – физическое). Названные преподаватели кафедры составили плеяду саратовских психологов третьего поколения. Одна часть из них имела гуманитарную (филологическую и психологическую) подготовку, а другая – естественно-научную (медицинскую и физическую). Таким образом, традиции сочетания двух научных парадигм, как и во времена С.Л. Франка и А.А. Крогиуса, для саратовской университетской психологии в те годы невольно возобновились.

В 1978 г., когда Лев Петрович уходил из СГУ на два года работать в Саратовский пединститут, сменивший его на этот период Н.В. Крогиус работал над докторской диссертацией. Весной 1980 г. Николай Владимирович защитил докторскую диссертацию

на тему «Познание людьми друг друга в конфликтной деятельности» в ученом совете Ленинградского государственного университета по специальности 19.00.05 – социальная психология. Таким образом, Н.В. Крогиус стал в Саратове третьим доктором психологических наук после И.В. Страхова и Л.П. Добраева и первым доктором в Саратове по специальности «социальная психология».

Меня для работы на кафедре психологии СГУ принял в 1978 г. Н.В. Крогиус по рекомендации научного руководителя моей дипломной работы («Специфика социальной перцепции в связи с особенностями самовосприятия в групповом общении») доцента И.Э. Стрелковой. Этим двум саратовским психологам, определившим характер моей дальнейшей профессиональной деятельности, направление научной работы, я многим обязана, поэтому о них хочется сказать более подробно как о дорогих моему сердцу людям, с которыми я шла по дороге жизни в судьбоносное для меня время.

Кроме того, волнующие переживания испытываются мною от того, что Николай Владимирович и Ирина Эмильевна родственными узами связаны с основоположниками саратовской психологической школы С.Л. Франком и А.А. Крогиусом: Ирина Эмильевна – дочь Э.Л. Берковича, ученика С.Л. Франка и А.А. Крогиуса, а Николай Владимирович – внук А.А. Крогиуса. Пусть и косвенно, но и я чувствую свою причастность к петербургским истокам психологии в Саратове благодаря научному и педагогическому сотрудничеству с Ириной Эмильевной и Николаем Владимировичем.

*Доцент Н.В. Крогиус
читает лекцию
студентам-психологам СГУ.
Конец 1970-х гг.*

*Доцент И.Э. Стрелкова
на кафедре психологии СГУ.
1978 г.*

Николай Владимирович Крогиус родился в Саратове 22 июля 1930 г. Его отец – Владимир Людвигович Бреннерт (1900–1985) – был художником, а мать – Елена Августовна Крогиус (1912–1991), дочь А.А. Крогиуса, – была научным работником, кандидатом химических наук, преподавала на химическом факультете Саратовского университета, работала в Саратовском НИИ стекла. После развода родителей Николая воспитывала мать, однако и с отцом он поддерживал добрые отношения.

В школьные годы, начиная с 1944 г., Николай Крогиус начал обучаться в Саратовском Дворце пионеров шахматной игре. *«Начало моего серьезного увлечения шахматами, – рассказывает Николай Владимирович, – связано со временем Сталинградской битвы.*

Осенью 1942 года мы с мамой и бабушкой проживали в селе Синодском Саратовской области. Через село проходил старинный тракт Казань – Астрахань. В те сентябрьские дни на юг по тракту войска шли на фронт, к Сталинграду. Привал делали за околицей села. Мы, мальчишки, крутились возле военных и после их ухода собирали окурки. Сами еще не курили, но знали – главными ценностями в то время были табак и водка. Помню, набрав банку табака, я пошел в селпо, чтобы поменять добычу. Но полки магазина, увы, были пусты. Пылился лишь комплект шахмат. Пришлось их взять. С этого все и началось»¹.

Однако не только случай, но, вероятно, и семейные традиции, предания, а возможно, и генетическая предрасположенность привели Николая Владимировича в мир шахматной игры.

Можно полагать, что увлеченность Николая Владимировича шахматами обусловлена, во-первых, фигурой *Бориса Адольфовича Крогиуса*, брата деда (А.А. Крогиуса) по материнской линии, врача-невропатолога (психиатра), который значился в «списке жертвователей» Международного шахматного конгресса в память М.И. Чигорина, состоявшегося в Санкт-Петербурге в 1909 г. Любопытный факт: в 1904 г. было организовано петербургское шахматное собрание, за отсутствием собственного помещения его участники собирались на квартире Б.А. Крогиуса². Борис Адольфович был членом шахматного

¹ К 80-летию первого саратовского гроссмейстера. URL: <http://nversia.ru/article/view/id/2689> (дата обращения: 13.04.2017).

² См.: Почему Саратов сохранил свое имя. URL: <http://шахматистам.рф/Bases/Enz/K/KROGIUS/informacija.pdf> (дата обращения: 13.04.2017).

общества в Санкт-Петербурге, а с 1915 г. развивал шахматный спорт в Иркутске. В 1920-е гг. он вернулся из Иркутска в Ленинград и в 1925 г. участвовал в чемпионате по шахматам.

Другой фигурой, под влиянием которой шахматы приобрели особую значимость для юного Николая, стал дядя по материнской линии, сын А.А. Крогиуса, *Эммануил Августович Крогиус* (14.05.1914–27.02.1995), инженер-электротехник, профессор кафедры импульсивной и вычислительной техники Ленинградского электротехнического института связи им. М.А. Бонч-Бруевича. Николай Владимирович вспоминал: *«С шахматами я познакомился в девятилетнем возрасте под впечатлением семейных рассказов об успехах моего дяди. Действительно, Э. Крогиус, впоследствии видный специалист в области радиолокации, полковник, в молодости увлекался шахматами. В послевоенные годы как кандидат в мастера он участвовал в армейских соревнованиях. От него я интуитивно воспринял почтение к общим законам игры...»*¹.

Таким образом, в лице и Бориса Крогиуса, и Эммануила Крогиуса, сделавших особенно притягательным для Николая Крогиуса занятие шахматами, косвенным образом угадывается фигура деда – Августа Крогиуса.

В 1947 г. Н.В. Крогиус стал кандидатом в мастера, в 1948 г. – чемпионом РСФСР среди юношей. В 1952 г. молодой шахматист выиграл первенство республики среди взрослых и стал мастером. В 1963 г.,

¹ Крогиус – воспоминания. URL: http://www.chess-blog.ru/2012/08/blog-post_6299.html (дата обращения: 13.04.2017).

будучи двукратным чемпионом РСФСР, он получил титул международного мастера, а еще через год стал международным гроссмейстером. С 1967 по 1973 г. был тренером чемпиона мира по шахматам Б. Спасского.

А.А. Крогиус оказал решающее влияние и на профессиональное самоопределение Николая Владимировича: внук, как и дед, выбрал для себя психологическое поприще. По окончании средней школы № 19 г. Саратова Николай Владимирович поступил на отделение психологии философского факультета Ленинградского университета (1947–1953). Учился он хорошо, но поначалу о научной работе не задумывался – все поглощали шахматы.

Руководителем дипломной работы Н. Крогиуса был крупный советский психолог, один из основоположников ленинградской психологической школы, действительный член Академии педагогических наук СССР профессор Борис Герасимович Ананьев (1907–1972). По совету Б.Г. Ананьева темой дипломной работы Николая Владимировича стала «Взаимозависимость чувственного и логического в свете учения И.П. Павлова о связи сигнальных систем». Дипломник показал в ней зависимость стиля мышления от развития жизненного и профессионального опыта человека, а также его квалификации. На пятом курсе университета Н. Крогиус впервые задумался о возможности связать психологию и практику шахмат.

Н.В. Крогиус вспоминает: *«В университете ведущей фигурой был выдающийся советский психолог, академик Б. Ананьев. Он проявлял ко мне внимание, был руководителем моей дипломной работы.*

В период окончания учебы он сказал, что рад был бы видеть меня своим аспирантом, если будут ограничены шахматы. Однако в тот момент я думал только о шахматах и не послушался совета. Спустя несколько лет Борис Герасимович меня “протестил”. Он нашел меня на одном из турниров и увлек перспективой психологических исследований с использованием шахмат в качестве модели. Со щедростью настоящего учителя он обрисовал круг интереснейших идей (которые, скажу, забегая вперед, легли в основу моей научной работы в последующие годы). Б. Ананьев также дал мне ряд советов общего плана, касающихся проблем творческого совершенствования. В результате я занялся серьезной работой по изучению самого себя и, прежде всего, своих недостатков, типичных ошибок, неоправдавшихся установок. Эта работа по самопознанию стала медленно, но верно приносить плоды. Постепенно я избавился от преувеличенного внимания к дебюту, перестал слепо копировать других шахматистов и попытался “найти свою игру”»¹.

Б.Г. Ананьев, видимо, испытывал особые чувства к Николаю Владимировичу как внуку А.А. Крогиуса, профессора Петроградского университета и ленинградских вузов. Однако, скорее всего, не только чувства земляка и коллеги Августа Адольфовича побуждали Ананьева участвовать в судьбе его внука. Известно, что, делая первые шаги на своем научном пути в начале 1930-х гг., Ананьев исследовал динамику сочетательно-рефлекторной деятельно-

¹ URL: <http://шахматистам.рф/Bases/Enz/K/KROGIUS/informacija.pdf> (дата обращения: 13.04.2017).

сти, речевых рефлексов у слепых детей². В это время жизненные пути начинающего психолога Ананьева и именитого профессора, практически единственного специалиста в области тифлопсихологии А.А. Крогиуса, вероятно, пересеклись в Ленинграде. Эта инициальная встреча с выдающимся психологом и чудесным человеком отложилась в сердце Бориса Герасимовича, потому что в отношениях с внуком Августа Адольфовича, Николаем, Ананьев проявил себя именно так, как мог общаться с ним знаменитый профессор Крогиус во времена молодости Бориса Герасимовича.

Зная увлеченность Н. Крогиуса шахматами, Ананьев предложил ему соединить научную работу с психологическим анализом шахматной игры. Борис Герасимович увидел в шахматах уникальную модель для психологического исследования. *«Шахматы не только соревнование умов, но и интеллектуальное состязание характеров»*, – говорил он. Профессор Б.Г. Ананьев рекомендовал Н.В. Крогиусу продолжать исследования в области шахматной игры, поскольку последний, будучи одновременно шахматистом и психологом, получил редкую возможность сочетать в своем лице объект и субъект исследования³.

Велика роль Б.Г. Ананьева в судьбе Н.В. Крогиуса. В отличие от других сотрудников кафедры психологии СГУ, ориентированных, главным образом, на московскую психологическую школу, Николай

² См.: Ананьев Борис Герасимович // История психологии в лицах. Персоналии / под ред. Л.А. Карпенко. М., 2005. С. 17.

³ См.: URL: <http://шахматистам.рф/Bases/Enz/K/KROGIUS/informacija.pdf> (дата обращения: 13.04.2017).

Владимирович был верным последователем ленинградской школы Б.Г. Ананьева, продолжившей традиции школы В.М. Бехтерева¹. Именно поэтому во время заведования кафедрой психологии СГУ Н.В. Крогиуса над его столом был размещен портрет Б.Г. Ананьева.

После окончания Ленинградского университета Крогиус переехал в Москву и учился в аспирантуре в Государственном институте физкультуры, потом уехал в Новосибирск. В 1961 г. он вернулся в Саратов.

В 1963 г. Н.В. Крогиус начал преподавать психологию в Саратовском пединституте под руководством И.В. Страхова. В 1969 г. Крогиус подготовил под руководством Б.Г. Ананьева и защитил в Ленинградском университете кандидатскую диссертацию «Психологический анализ мышления шахматиста», в которой на конкретных примерах показал связь характеристик мыслительной деятельности с личностными особенностями шахматиста. Анализируя психологические портреты крупных шахматистов, он выявил ведущую мотивацию принимаемых ими решений при выборе стратегии и тактики шахматной игры.

С 1970 г. Николай Владимирович преподавал в Саратовском университете. В декабре 1979 г. он прошел предзащиту докторской диссертации на заседании кафедры социальной психологии ЛГУ под председательством профессора Е.С. Кузьмина. Мне довелось присутствовать на этом заседании как аспирантке кафедры социальной психологии. К Николаю Вла-

¹ См.: *Логинова Н.А.* Опыт человекознания: история комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб., 2005.

*Преподавательская кафедры психологии СГУ.
Слева направо: доцент Р.Г. Селиванова,
профессор Л.П. Доблаев, доцент В.Я. Орлов,
доцент Е.И. Гарбер, ассистент Т.Д. Калистратова.
На стене – портрет Б.Г. Ананьева. Осень 1980 г. Саратов*

димировичу ленинградские коллеги относились, как к родному. И это, по всей видимости, было связано не только с причастностью к его судьбе ленинградцев А.А. Крогиуса и Б.Г. Ананьева. Николай Владимирович был сам незаурядной личностью. На предзащите он выступал уверенно, убедительно. Все участники заседания единодушно проголосовали за рекомендацию подготовленной диссертации к защите.

12 ноября 1980 г. на заседании специализированного Совета Ленинградского университета Н.В. Крогиус защитил докторскую диссертацию «Познание людьми друг друга в конфликтной деятельности». В качестве модели конфликтной деятельности при осуществлении социальной перцепции использовалась шахматная игра.

В 1981 г., когда профессор Л.П. Доблаев решил вернуться на должность заведующего кафедрой психологии СГУ, доцент Н.В. Крогиус с семьей уехал из Саратова в Москву, сменив научную сферу деятельности на административную – стал начальником Управления шахмат Госкомспорта СССР (1981–1989) и заместителем председателя Шахматной федерации СССР (1981–1990). С сентября 1998 г. Н.В. Крогиус переехал с семьей в США (Статен-Айленд, Нью-Йорк), получил американское гражданство, оставаясь гражданином России.

Как А.А. Крогиус стал родоначальником нового психологического направления в отечественной психологии – тифлопсихологии, так и его внук Н.В. Крогиус явился основателем новой научной отрасли в российской психологии – психологии шахматной игры.

В своих работах Н.В. Крогиус исследовал процессы самопознания и самоуправления в конфликтной деятельности. Среди способов саморегуляции шахматиста им описаны дискредитация, идеализация, переоценка и стимулирование. Он определил формы маскировки игроком собственной позиции (предметная, поведенческая, активная, относительно пассивная, пространственная и временная), а также установил, что трудности, создаваемые противнику, должны быть максимальными, поскольку любая объективно не вынужденная уступка неизбежно усиливает потенциал другой стороны. Николай Владимирович обобщил приемы психологической борьбы, исследовал психологическую инициативу в шахматной игре¹.

¹ См.: *Крогиус Н.В.* Человек в шахматах. Саратов, 1967; *Его же.* Возрастные различия интеллектуальных способностей. Саратов, 1972;

Гроссмейстер и доктор психологии Н.В. Крогиус рассказывал: *«Главное, что меня интересует в психологических исследованиях, это проблема изучения индивидуальности человека... Мне хочется также своими исследованиями показать значение шахмат в развитии характера и творческих способностей человека, показать полезную социальную роль шахмат»*².

Мне помнятся годы работы под руководством Николая Владимировича как очень светлые, дружелюбные, уважительные. Атмосфера на кафедре в те годы была удивительно доброжелательной.

Научное направление, начатое на кафедре Н.В. Крогиусом, связанное с изучением проблем социальной перцепции, разрабатывалось до конца 1980-х годов. В этот период одной из центральных тем научно-исследовательской работы кафедры была тема «Теоретические и прикладные проблемы психологии общения и познания людьми друг друга», научным руководителем которой стал профессор Л.П. Доблаев. В разработке темы участвовали также доценты И.Э. Стрелкова и Р.Г. Селиванова, ассистенты А.Л. Южанинова и Е.С. Гейзина (Школьник). К данному исследованию широко привлекались студенты, выполнявшие курсовые и дипломные работы под руководством названных преподавателей.

В 70–80-е гг. прошлого века ведущим специалистом кафедры в области социальной психологии

Его же. Личность в конфликте. На материале исследования шахматного творчества. Саратов, 1976; *Его же.* Психология шахматного творчества. М., 1981.

² URL: <http://шахматистам.рф/Bases/Enz/K/KROGIUS/informacija.pdf> (дата обращения: 13.04.2017).

была И.Э. Стрелкова, мой учитель. Н.В. Кругиус относился к ней с особым почтением и поэтому во время своего заведования назначил Ирину Эмильевну своим заместителем.

Стрелкова Ирина Эмильевна (урожденная Беркович, 15.06.1930–31.10.2014) стала продолжательницей дела отца – Э.Л. Берковича. В 1947 г. она по рекомендации Эмиля Львовича поступила на вновь открывшееся отделение логики, психологии и русского языка филологического факультета СГУ им. Н.Г. Чернышевского, а в 1952 г. с отличием его закончила. С сентября 1953 по октябрь 1954 г. она работала преподавателем логики и психологии в средней школе № 5 г. Саратова. В период 1954–1957 гг. училась в аспирантуре на кафедре психологии Саратовского пединститута, а в 1967 г. в Москве защитила кандидатскую диссертацию по педагогике (психологии) на тему «Психология дружбы школьников-подростков», выполненную под руководством доктора педагогических наук (по психологии), профессора кафедры психологии Саратовского педагогического института И.В. Страхова. На защите диссертации ей оппонировал, как и в 1939 г. ее отцу, профессор Н.Ф. Добрынин.

В Саратовском университете Ирина Эмильевна работала с 1957 г., сначала ассистентом, с 1960 г. – старшим преподавателем, с 1968 г. – доцентом кафедры педагогики и психологии, с 1974 г. – доцентом кафедры психологии СГУ до конца жизни. Характеристики, имеющиеся в личном деле Ирины Эмильевны, показывают, что, работая еще на кафедре педагогики и психологии, она зарекомендовала себя

серьезным и добросовестным работником: читала курс психологии на разных факультетах, руководила дипломными работами, проводила спецсеминары «Психология личности подростка», «Психология товарищества и дружбы в школьном возрасте». Во время работы на отделении психологии СГУ она разработала и читала курсы студентам-психологам: «Введение в специальность», «Общая психология (ч. 1)», «Социальная психология», спецкурсы по социальной психологии, а также преподавала психологию на биологическом, филологическом, историческом факультетах. Она вела семинары и спецсеминары, руководила курсовыми и дипломными работами, осуществляла руководство педагогической и преддипломной практикой на отделении психологии СГУ. Ирина Эмильевна руководила работой научного студенческого кружка и была куратором группы студентов-психологов первого выпуска (1971–1976).

На протяжении всей работы в университете Ирина Эмильевна плодотворно занималась научной деятельностью: в списке опубликованных ею научных работ в период 1955–2009 гг. – 94 наименования. Анализ названий статей и учебно-методических пособий показывает, что все они посвящены изучению различных аспектов психологии общения и личности. Условно можно выделить три этапа направленности ее научной деятельности.

Первый этап связан с работой над темой диссертации и открывается статьей 1955 г. «Психологические особенности понимания дружбы школьниками-подростками». Особенности дружеского общения исследовались ею в среде студентов совместно с Р.Г. Селиванов-

вой. В контексте первого направления научного творчества И.Э. Стрелковой подготовлены и первые межузовские сборники по социальной психологии «Личность, коллектив и проблемы воспитания», изданные в Саратовском университете (1975, 1983 г.), ответственным редактором которых была И.Э. Стрелкова. В них опубликовали свои статьи преподаватели Саратовского университета И.Э. Стрелкова, Р.Г. Селиванова, В.В. Развинова, Е.И. Гарбер, И.Е. Гарбер, а также психологи из других городов: Б.И. Додонов, В.К. Калинин (оба – Симферополь), Ю.Ю. Палайма (Рига).

Второй этап развития научных интересов И.Э. Стрелковой условно может быть назван когнитивистским. Он открывается ее тезисами «Психологические особенности восприятия личности другого», подготовленными к V Всесоюзному съезду психологов (Москва, 1977 г.). В этот период Ирина Эмильевна совместно с А.Л. Южаниновой исследует роль самосознания, эмпатии, личностных свойств в познании людьми друг друга, а также особенности коммуникативной компетентности, проблемы социально-перцептивных способностей, признаки творческого потенциала субъектов межличностного общения.

Третий этап научной биографии И.Э. Стрелковой (на наш взгляд, с начала 1990-х гг.) был связан с исследованием самоотношения личности. Он ознаменовался опубликованием ее общей с Л.А. Кирилловым статьи «Внутренний диалог как форма существования самоотношения личности»¹. С этого момента со-

¹ См.: Кириллов Л.А., Стрелкова И.Э. Внутренний диалог как форма существования самоотношения личности // Материалы Третьих Страховских чтений. Саратов, 1993. С. 96–99.

вместно с Л.А. Кирилловым, а также дипломниками А.А. Головановой, Т.С. Селлер, Н.А. Шлапоковой, А.В. Васильевой, Н.А. Грайфер и другими Ирина Эмильевна работала над проблемами измерения и созданием типологии самоотношения личности, исследовала устойчивые и динамические характеристики отношения человека к самому себе.

В 1970–1980-е гг. Ирина Эмильевна была первым преподавателем психологии, с которым встречались на занятиях студенты отделения психологии Саратовского университета. Теоретическая глубина и вместе с тем доступность изложения учебного материала, обаяние ее личности всегда привлекали многих студентов к обсуждению с ней профессиональных и личных проблем, дальнейшему творческому сотрудничеству. При общении с ней становилось понятным, что ее научные интересы, связанные с исследованием механизмов межличностного взаимодействия, дружеских взаимоотношений не случайны, а вытекают из ее глубинных личностных потребностей и формируют ее неповторимый, чарующий стиль и содержание контактов с людьми.

В предисловии к своей монографии О.А. Касьянова, ученица И.Э. Стрелковой, написала о своем учителе так: *«Когда учителя и ученика связывают духовные ценности, когда их отношениям свойственен особый характер глубины, когда в общении они могут не только говорить, но и молчать, при этом без труда понимая друг друга, их связь не может прерваться, ибо эта связь основана на любви»*².

² Касьянова О.А. Социально-психологические факторы подготовки женщин к беременности, родам и материнству. Саратов, 2009.

Вся личная и профессиональная судьба И.Э. Стрелковой, дочери выпускников Саратовского университета – Э.Л. Берковича (ученик С.Л. Франка и А.А. Крогиуса) и Марии Георгиевны Кирилловой (ученица профессора А.П. Скафтымова), оказалась также прочно связана с СГУ, как судьбы ее родителей, а также – сына Сергея Борисовича Стрелкова (истфак), внучки Татьяны Сергеевны Стрелковой-Селлер (химфак, отделение психологии), племянников Льва Александровича (отделение психологии) и Ирины Александровны (филфак) Кирилловых.

Наша дружба с Ириной Эмильевной началась с 1975 г., когда под ее руководством на 3-м курсе мною была написана курсовая работа по проблемам бессознательного. На следующий год также под ее руководством была подготовлена курсовая работа по социальной перцепции, которая стала частью дипломной работы. Позднее из этих маленьких ростков выросли моя диссертация по стилям межличностного познания («Стилевые особенности межличностного познания и характеристики общения», 1988) и монография по проблемам бессознательного¹.

В основе наших с Ириной Эмильевной отношений лежала совместная научная работа и взаимная симпатия. В 1980-е гг. нами были подготовлены ряд общих статей по психологии общения. Нам обоим очень нравился процесс написания, когда мыслям было просторно. Писали втроем: Ирина Эмильевна и я с грудной дочерью Ириной на руках. Мечтали написать когда-нибудь работу «человеческим языком»

¹ См.: Южанинова А.Л. Сознание, бессознательное и групповая терапия психодинамической ориентации. Саратов, 2000.

по практической психологии о том, как люди строят и разрушают личные привязанности.

Летом мы с дочерью и мужем гостили на даче у Стрелковых, на берегу Волги. Рядом были дачи Гейзиных и Августевичей. Помню чаепития допоздна, вечерние купания. Благословенное время. Дружба с Ириной Эмильевной позволила подружиться и с ее мужем, Борисом Васильевичем, принимавшим, как и Ирина Эмильевна, самое горячее участие в судьбе моей и моих близких, а также всех других друзей Ирины Эмильевны.

Из всех прекрасных качеств, которыми наделена была Ирина Эмильевна, я выделила бы преданность психологии и стремление к красоте. Иногда она приговаривала: *«Какие мы счастливые люди: занимаемся любимым делом, и нам за это еще деньги платят!»*. Она ценила красоту идеи, обаяние внешности, гармоничные отношения. Даже телефонный разговор она старалась закончить красиво. Все ее ученики назывались ею только ласкательно: Людмилочка, Танечка, Анечка, Аллочка, Олечка. И вместе с тем она была человеком, продумывающим все до мелочей. Рядом с ней было спокойно и надежно. Большое счастье встретить на своем жизненном пути такого учителя и друга.

Кроме Л.П. Доблаева, Н.В. Крогиуса, И.Э. Стрелковой центральными фигурами на кафедре психологии СГУ в первые годы работы отделения психологии были также доценты Р.Г. Селиванова и Е.И. Гарбер, приглашенный в СГУ в связи с открытием психологического отделения как специалист в области психологии труда.

Раиса Гавриловна Селиванова (22.06.1929–29.05.2011) получила психологическое образование на отделении психологии, логики и русского языка филологического факультета СГУ в 1952 г. Первые шаги в науке были сделаны Раисой Гавриловной в аспирантуре под руководством И.В. Страхова. В 1956 г. Раиса Гавриловна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Психологический анализ развития дружбы школьников-подростков» в Московском городском педагогическом институте¹ и была приглашена на работу на кафедру педагогики и психологии Томского университета. К середине 1960-х гг. Раиса Гавриловна вернулась в Саратов и работала на кафедре педагогики и психологии Саратовского университета. В 1967 г. коллеги по кафедре педагогики и психологии СГУ Р.Г. Селиванова и И.Э. Стрелкова, дружившие со времен обучения в университете и аспирантуре у И.В. Страхова, опубликовали совместную монографию «Закономерности развития и возрастные особенности школьников»².

Раиса Гавриловна была талантливым и творчески мыслящим психологом. Это позволило ей инициировать новые направления в кафедральных исследованиях. Так, она стала основоположницей семейного консультирования в Саратове. Раиса Гавриловна разрабатывала теорию и практику данного научного направления, осуществляла консультирование семейных пар. Ежегодно под ее руководством в 1980-е гг.

¹ См.: *Селиванова Р.Г.* Психологический анализ развития дружбы школьников-подростков: автореф. дис. ... канд. пед. наук (по психологии). М., 1956.

² См.: *Селиванова Р.Г., Стрелкова И.Э.* Закономерности развития и возрастные особенности школьников. Саратов, 1967.

Ноябрьская демонстрация.

*Слева направо: профессор Л.П. Доблаев, доцент Е.И. Гарбер,
И.Э. Стрелкова, Р.Г. Селиванова. 1981 г. Саратов*

на кафедре психологии СГУ выполнялись дипломные работы по вопросам семейного консультирования.

В 1990-е гг. Раиса Гавриловна перешла работать из университета на кафедру философии и психологии Поволжской академии государственной службы (ныне – Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина), затем вновь вернулась в СГУ.

К началу 2000-х гг. вектор ее научных интересов был направлен в сторону изучения гуманитарного подхода в понимании сущности личности с выделением духовного компонента в личностной структуре. Раиса Гавриловна первая среди саратовских психологов обратила внимание на необходимость изучения отечественных разработок основ психологии в русской религиозно-философской традиции³, залю-

³ См.: Селиванова Р.Г. Психология личности: гуманитарный подход: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов, 2003.

женных С.Л. Франком, возрождая преемственность развития саратовской психологической школы. Она первой заговорила об особенностях саратовской психологической школы¹.

Раиса Гавриловна была душевным человеком, принимавшим активное участие в разрешении житейских трудностей коллег и студентов. Ее последний телефонный звонок мне был связан с просьбой поговорить с молодым преподавателем, нагрубившим уважаемому коллеге. Тепло ее души часто согревало и мою душу.

Евгений Ильич Гарбер (1923–2001) работал на кафедре психологии СГУ с момента организации отделения психологии (1971–2001). Участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., награжден Орденом Красной Звезды и медалями. Ученица Евгения Ильича кандидат педагогических наук О. Гуменская пишет: *«После войны Е.И. Гарбер служил врачом в ВВС, проводил исследования в области психологии и физиологии летного труда, защитил кандидатскую диссертацию по медицине. Предложенный Евгением Ильичом в качестве методологической основы курса психологии системно-генетический подход и разработанная им психологическая таксономия имеют концептуальную ценность»*².

«Он одним из первых в нашей стране разрабатывал психологическое сопровождение профессиональной деятельности летчиков, – вспоминала Р.Г. Селиванова. – В его исследовательское поле входили проблемы профессиональных способностей, психоло-

¹ См.: Селиванова Р.Г. К истории психологии в Саратове. С. 4–9.

² Гуменская О. Указ. соч. № 9. С. 7.

гии труда, общей, возрастной, педагогической психологии»³.

Декан факультета психологии, профессор Л.Н. Аксеновская (выпускница отделения психологии СГУ 1986 г., защитившая диплом под руководством Р.Г. Селивановой) отмечает: *«Курс “Психологии труда” на кафедре психологии читал военный врач, доцент кандидат медицинских наук Е.И. Гарбер. Им написано оригинальное учебное пособие “Психология труда”. Евгений Ильич осуществлял подготовку студентов к прохождению практики в летном военном училище, где под руководством военных психологов проходила работа по освоению навыков применения некоторых методик психодиагностики в конкретной сфере профессиональной деятельности»*⁴.

К наиболее известным работам Е.И. Гарбера относятся: «Психология труда» (Учебник. Саратов, 1978); «Методика профессиографии» (совм. с В.В. Козача. Саратов, 1994); «Уроки по психологии» (Саратов, 1998). Евгений Ильич стал инициатором, организатором и соредактором (совместно с Р.Х. Тугушевым) выпуска кафедрального учебника «Общая психология» (Саратов, 2003; переиздан: Москва, 2006).

Сын Евгения Ильича, Илья Евгеньевич Гарбер, доктор психологических наук, профессор, продолжил дело отца.

Мне Евгений Ильич запомнился как человек тонкой души, беззаветно любящий психологию. Он орга-

³ Селиванова Р.Г. К истории психологии в Саратове. С. 8.

⁴ Аксеновская Л.Н. Индустриально-организационная психология в Саратовском государственном университете // Организационная психология. 2017. Т. 7. № 2. С. 12.

низовывал научные конференции, ежегодный семинар-встречу выпускников психологического отделения СГУ, методологический кафедральный семинар, городской психологический семинар (г. Саратов), в котором участвовали не только психологи, но и физики, математики, врачи и др. Сейчас городской семинар продолжает работу и носит имя Е.И. Гарбера.

Между преподавателями кафедры психологии в зависимости от их научной деятельности были распределены направления учебной работы. В первые годы существования отделения среди психологических предметов центральное место занимала общая психология, преподавание которой велось с первого по третий курс. На первом курсе преподавались дисциплины «Введение в специальность» и «Общая психология, ч. 1» (доцент И.Э. Стрелкова); на втором курсе – «Познавательные процессы» (разделы «Ощущение», «Восприятие», «Внимание» читал в осеннем семестре доцент Е.И. Гарбер, а разделы «Мышление», «Память», «Речь», «Воображение» – в весеннем семестре профессор Л.П. Доблаев); на третьем курсе в осенний семестр – «Психология личности» (доцент Р.Г. Селиванова).

Из отраслевых наук читались «Возрастная и педагогическая психология» (доцент В.В. Развинова), «Дифференциальная психология» (доцент Н.В. Крогиус), «История психологии» (профессор Л.П. Доблаев), «Психология труда» (доцент Е.И. Гарбер), «Инженерная психология и эргономика» (старший преподаватель А.А. Понукалин), «Патопсихология» (профессор А.Л. Гамбург, зав. кафедрой психиатрии Саратовского мединститута), «Социальная психология» (доцент

И.Э. Стрелкова), «Экспериментальная психология» и «Общепсихологический практикум» (старшие преподаватели А.А. Понукалин, Р.Х. Тугушев, А.Ф. Пантелеев, В.В. Козача).

Спецкурсы на отделении психологии вели: профессор Л.П. Доблаев («Логико-психологический анализ текстов»), доцент И.Э. Стрелкова («Психология малых групп»), доцент Н.В. Крогиус («Психологические проблемы управления»), доцент Р.Г. Селиванова («Психология потребностей»), старший преподаватель А.А. Понукалин («Проблемы обучения оператора систем управления»).

Специально будущие психологи обучались педагогике, методике преподавания психологии и проходили педагогическую практику в учебных заведениях Саратова. Государственные экзамены сдавались по научному коммунизму и общей психологии. В конце обучения защищалась дипломная работа. Многие выпускники отделения психологии СГУ первых лет готовили дипломные работы в вузах Москвы и Ленинграда, а также на крупных предприятиях страны. По окончании отделения психологии СГУ выпускнику присваивалась специальность «Психолог. Преподаватель психологии».

О первых шагах работы отделения психологии СГУ вспоминал начинающий в те годы психолог А.А. Понукалин, специализировавшийся в области психофизики и курировавший подготовку студентов по инженерной психологии и эргономике: *«Открыв специальность, плохо понимали, какие взяли на себя обязанности, поскольку об инженерной психологии представления были смутными... Пришло время*

в соответствии с учебным планом проводить практикум по общей психологии, и Л.П. Доблаев обратился к ректору СГУ В.Н. Шевчику с просьбой об обеспечении 4-семестрового практикума всем необходимым. Когда ректор разобрался в существе вопроса, он был сильно озадачен – этот практикум по своей масштабности и оснащению был не меньше практикума по общей физике на физическом факультете. В 1972 г. меня вызвал ректор СГУ и, зная мои интересы в области биофизики, психофизиологии, предложил разобраться с проблемой аппаратного и преподавательского обеспечения практикума по общей психологии для студентов открывшейся вновь специальности... Пригласил работать в лаборатории по этим проблемам, считавшимся тогда очень перспективными, своего друга Р.Х. Тугушева. До этого, в год окончания СГУ, нас направили на строительство Балаковской ГЭС руководить студенческими строительными отрядами физфака СГУ. Здесь и познакомился с Р.Х. Тугушевым, также руководителем отрядов, выпускником кафедры радиофизики. У нас оказались близкими интересы в области философии, научной фантастики, техники, образа жизни, представлений о мире и человеке. Зародилась на многие годы дружба на духовной основе. В Балаково мы ездили два года подряд, где наша дружба стала основанием единомыслия и сотрудничества...

На предложение ректора я дал согласие заняться психологией и проблемой практикума и в должности ст. преподавателя кафедры, руководимой Л.П. Доблаевым, организовал оснащение и проведение практикума по общей психологии, что и стало

первым предметом моей преподавательской деятельности. Практикум был полностью аналогичен таковому же в МГУ, некоторая аппаратура была оригинальной. Кроме того, впоследствии создали еще спецпрактикум, учебную специализацию и лабораторию по инженерной психологии. Поскольку подготовка психологов была ориентирована на психологию труда и инженерную психологию, нужны были преподаватели и с естественнонаучным образованием. Предложил ректору взять на кафедру Р.Х. Тугушева, поскольку после окончания аспирантуры его направили в пединститут, но мне желательно, чтобы он продолжал работать со мной. Ректор согласился, и на кафедре нас стало уже двое. Для обеспечения работы практикума (создания приборов) нужен инженер, и Р.Х. предложил кандидатуру В.В. Козача, который по своим способностям превзошел все ожидания. Он мог все, нужное в лаборатории, не только сконструировать, изобрести, но и изготовить своими руками. В этом плане мы уже не знали забот.

В соответствии с учебным планом студенты-психологи должны проходить практику, и мы, трое физиков, организовывали ее на крупных промышленных предприятиях оборонного комплекса, используя свои связи с их руководителями. Практика проходила в основном там, где имелись социологические службы, но впоследствии были освоены многие, наиболее крупные предприятия оборонного комплекса, где студенты выполняли исследования в рамках дипломных работ. Надо сказать, что много лет мы занимались психологией управления

на промышленных предприятиях и по этой тематике разрабатывались дипломные проекты...»¹.

Во время обучения в СГУ студенты-психологи имели возможность пройти всестороннюю как теоретическую, так и практическую подготовку. После окончания университета выпускники трудоустраивались преподавать психологию в вузы и средние специальные учреждения (техникумы, училища), а также работали инженерами-психологами в лабораториях промышленных и транспортных предприятий, в различных «закрытых» НИИ по всей стране, передавая традиции саратовской психологической школы.

Кроме старших преподавателей А.А. Понукалина, Р.Х. Тугушева, В.В. Козачи, в работе создания и проведения общепсихологического практикума принял участие также старший преподаватель Александр Федорович Пантелеев, закончивший физический факультет в 1969 г. и писавший под руководством Л.П. Доблаева кандидатскую диссертацию «Особенности запоминания текстов с различной логико-психологической структурой» (защитил в 1988 г.).

В конце 1970-х гг. доцентом А.Ф. Пантелеевым впервые в Саратове начали проводиться судебно-психологические экспертизы по делам об изнасилованиях, убийствах, ДТП. Александр Федорович показал возможности использования специальных психологических знаний при установлении физиологического аффекта; определении способности к сознательно-волевому руководству своим поведением в юридически значимых ситуациях обвиняемых, находящихся в состоянии алкогольного или нарко-

¹ Понукалин А.А. Указ. соч. С. 3–5.

тического опьянения; выявлении психологических признаков порнопродукции и др. Таким образом, А.Ф. Пантелеев был первым в Саратове психологом, занявшимся применением специальных психологических знаний в правоприменительной деятельности в г. Саратове.

С 1975 по 1989 г. на кафедре работал (по совместительству) С.И. Августевич (кандидатскую диссертацию по психологии защитил в 1983 г. в МГУ, руководитель – профессор В.П. Зинченко). Семен Иосифович вспоминает: *«В 1975 г. я пришел к заведующему кафедрой психологии профессору Л.П. Доблаеву проситься на работу. Что я мог ему представить, какие документы? Несколько статей и тезисов? инженерный диплом?»*

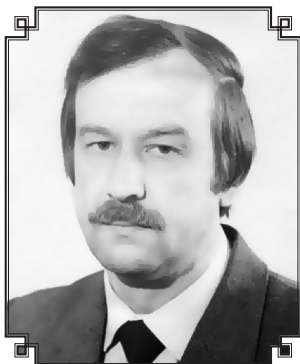
– Нет, – сказал Лев Петрович, – взять на кафедру мы вас не можем. И, видя мое огорчение, улыбаясь, объяснил:

– Далеко живете. Но как почасовика – примем. Чем вы занимаетесь? Зрительным восприятием? Вот и будете рассказывать о зрительном восприятии»².

В рамках учебного плана на отделении психологии СГУ Семен Иосифович вел практикум по зрительному восприятию и по своей оригинальной методике формировал у студентов культуру экспериментальной и командной работы.

В 1978 г. С.И. Августевич создал первую в СССР лабораторию психологии труда на автотранспорте при Саратовском областном управлении автотран-

² Августевич С.И. История ограниченного поля зрения // Опыт и перспективы развития университетской психологии в Саратове: матер. Юбил. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию кафедры психологии (9–10 декабря 2011 г.). Саратов, 2011. С. 10.

*Слева: Совещание сотрудников лаборатории психологии труда на автотранспорте. В центре – руководитель лаборатории С.И. Августевич. 1980-е гг. Саратов
Справа: А.Ф. Пантелеев – старший преподаватель кафедры психологии (с доски почета биофака СГУ). 1976 г.*

спорта. «С созданием этой лаборатории появилась возможность организации практики для студентов-психологов на ее базе, а также для трудоустройства выпускников. Из числа своих дипломников Семен Иосифович сформировал коллектив лаборатории. Сотрудники лаборатории занимались диагностикой и сенсорной реабилитацией водителей, расширялся круг вопросов, связанных с психологией управления, проблематика которой стала ключевой в деятельности лаборатории»¹. В этой лаборатории успешно трудились выпускники отделения психологии СГУ Галина Дергунова, Сергей Журавлев, Алла Погодина, Наталья Вдовина.

С 1977 г. кадровое пополнение кафедры психологии СГУ проводилось в основном за счет ее выпускников. Так появились университетские психологи чет-

¹ Аксеновская Л.Н. Указ. соч. С. 12.

вертого поколения. В 1977 г. ассистентами на кафедре психологии были приняты Виталий Алексеевич Ментюков (дипломник А.А. Понукалина, успешно занимался проблемами многомерного шкалирования в психологии, рано ушел из жизни) и Инна Васильевна Горская (дипломница А.Ф. Пантелеева). В 1978 г. состав кафедры пополнился такими выпускниками, как Елена Самуильевна Школьник (урожденная Гейзина, выпуск 1977 г., дипломница И.Э. Стрелковой), Татьяна Дмитриевна Калистратова (урожденная Любченко, выпуск 1978 г., дипломница Л.П. Доблаева), Алла Леонидовна Южанинова (выпуск 1978 г., дипломница И.Э. Стрелковой).

Позднее на кафедре начали преподавать дипломницы А.А. Понукалина Т.И. Черняева (урожденная

Сотрудники кафедры психологии СГУ (справа налево): заведующий кафедрой психологии СГУ доцент Н.В. Крогиус, доценты Е.И. Гарбер и И.Э. Стрелкова, ст. преподаватель Р.Х. Тугушев, ассистент А.Л. Южанинова. 8 марта 1979 г.

Никифорова) и Е.В. Рягузова (урожденная Лученкова, выпуск 1980 г.); М.М. Орлова (урожденная Кириллова; выпуск 1972 г., дипломница Е.И. Гарбера, первый медицинский психолог в Саратове).

Таким образом, выпускники первых лет работы отделения психологии СГУ стали четвертым поколением психологов саратовской университетской научной школы.

Инженерами на кафедре, также принимавшими участие в организации и проведении практических занятий, работали Юрий Васильевич Пашнин, Сергей Сергеевич Маслов, Илья Евгеньевич Гарбер (впоследствии кандидат, а затем и доктор психологических наук) и др.

Пополнялся состав кафедры и за счет сотрудников лаборатории инженерной психологии, организованной на отделении психологии СГУ и руководимой А.А. Понукалиным. Первоначально в лаборатории инженерной психологии работали физики и инженеры, уже известные в своей области (В.В. Силантьев, Ю.В. Пашнин, С.С. Маслов и др.). Так, Ю.В. Пашнин, сотрудник лаборатории Понукалина, начал работу в университете еще в 1966 г. в качестве лаборанта. На кафедре психологии он исследовал особенности психоакустики и прошел путь от инженера до доцента, читавшего курс инженерной психологии и руководившего производственной практикой студентов и заочным обучением будущих психологов.

В 1980-е гг. много молодежи, главным образом дипломников А.А. Понукалина, пришли работать в возглавляемую им лабораторию инженерной психологии: Т.И. Черняева (позже успешно препода-

*Слева: Выпускницы отделения психологии СГУ
(слева направо) Е.В. Рязузова и Т.И. Черняева. 1980 г.
Справа: Ассистент кафедры психологии СГУ
Т.Д. Калистратова. Начало 1980-х гг.*

вала на отделении психологии СГУ историю психологии, а покинув университет, защитила кандидатскую и докторскую диссертации по социологии), Е.В. Рязузова (позже преподавала социальную психологию, защитила под руководством Р.Х. Тугушева кандидатскую диссертацию, а потом и докторскую по психологии, заведует кафедрой психологии личности СГУ), Игорь Орлов, Виктор Голубинов, Владимир Кочетков (защитил кандидатскую диссертацию по психологии, а докторскую – по социологии), Андрей Александрович Карелин, Елена Николаевна Барябина (впоследствии кандидат наук по социологии), Наталья Михайловна Романова (урожденная Авдеева, дипломница Р.Х. Тугушева, защитила кандидатскую диссертацию по социологии), Светлана Петровна Попова (дипломница

Р.Х. Тугушева, впоследствии кандидат психологических наук) и др. Это была одаренная молодежь, привлеченная в науку богатством личности А.А. Понукалина, Р.Х. Тугушева.

В те годы в Саратове совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по психологии не было, и пройти защиту можно было в учебных или научных центрах Москвы и Ленинграда. Поэтому некоторые выпускники отделения психологии СГУ для осуществления научной деятельности переходили в смежные с психологией отрасли, по которым советов по стране было больше, были они и в Саратове, – философские, педагогические, социологические.

Наиболее мощным научным направлением на отделении психологии в 1970–1980-е гг. было, без сомнения, инженерно-эргономическое, возглавляемое А.А. Понукалиным.

Л.Н. Аксеновская пишет: *«В 1972 г. в составе отделения психологии А. А. Понукалиным была создана лаборатория инженерной психологии... В соответствии с учебным планом в задачу лаборатории входила организация и проведение практики на крупных промышленных предприятиях оборонного комплекса, часть из которых имела социологические лаборатории, где работали выпускники-психологи. В ходе практики студентами выполнялись эмпирические исследования для дипломных работ. Основную тематику исследований хорошо представляют собственные научные интересы руководителей практики – сотрудников лаборатории: “Социально-психологические проблемы про-*

ектирования АСУ” (Р.Х. Тугушев), “О проблемах управления эмоциональным состоянием оператора АСУ” (А.А. Понукалин), “Особенности взаимодействия в системе “человек-машина”, определяемые внушаемостью оператора” (В.В. Козача). В 1972 г. А.А. Понукалин знакомится с Ю.М. Забродиным, работавшим в то время заместителем директора ИП АН СССР, и начинает работать над кандидатской диссертацией под его руководством. Началась совместная с коллективом Юрия Михайловича разработка проблем психоакустики в контексте психофизики. Параллельно шли исследования совместно с ВНИИ РПА им. А.С. Попова под руководством Ю.М. Забродина в области изучения проблем психологии восприятия шумов в акустических условиях кабины космического летательного аппарата, разрабатывались программы психологической поддержки и разгрузки для космонавтов. В это время В.В. Козача конструирует комнаты психологической разгрузки для промышленных предприятий. Такая комната была, например, создана университетскими психологами на заводе технического стекла. Расширение тематического пространства исследований происходит и за счет разработки проблемы оценивания в психологии, к которой подключился Л.П. Доблаев...

В эти же годы Р.Х. Тугушев и А.А. Понукалин активно включаются в разработку междисциплинарной проблемы искусственного интеллекта на стыке психологии и математики. Были опубликованы работы “Проблемы психотехнического отражения некоторых характеристик интеллектуально подвиж-

ных систем” (Р.Х. Тугушев) и “Социальные проблемы искусственного интеллекта” (А.А. Понукалин)...»¹.

Совершенно очевидно, что в развитии как учебного процесса, так и научных направлений на кафедре психологии СГУ с момента знакомства А.А. Понукалина с Ю.М. Забродиним началась новая эпоха. Ю.М. Забродин стал научным руководителем диссертационной работы А.А. Понукалина «Психологические особенности оценки сложных сигналов», защищенной в Институте психологии АН СССР в 1979 г. по специальности «Инженерная психология»². Так, Алексей Алексеевич стал первым из молодых сотрудников кафедры психологии СГУ, защитившим кандидатскую диссертацию по психологии. В Саратове он стал и первым кандидатом психологических наук по инженерной психологии.

Несколько позже под руководством Ю.М. Забродина защитили кандидатские диссертации по психологии старшие преподаватели кафедры психологии СГУ Р.Х. Тугушев (1983), В.В. Козача (1986). Именно этот триумвират (Понукалин, Тугушев, Козача) в 1970–1980 гг. заложил начало развития инженерной психологии в Саратове. А.А. Понукалин в те годы был на кафедре, на мой взгляд, самой масштабной фигурой как ученый-теоретик, приобщавший талантливую молодежь к научной деятельности. Не было равных ему и в решении организационных вопросов.

Понукалин Алексей Алексеевич (14.04.1938–9.06.2016) родился в семье прославленного летчика,

¹ Аксеновская Л.Н. Указ. соч. С. 10–11.

² См.: Понукалин А.А. Психологические особенности оценки сложных сигналов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1979.

воевавшего во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. У Алексея Алексеевича базовым было образование физика – в 1964 г. окончил физический факультет СГУ. Он вспоминал: *«Последние два года обучения на физфаке СГУ (специальность радиоэлектроника), перейдя на вечернее отделение, работал лаборантом кафедры электроники СВЧ физфака СГУ, заведующим которой был профессор В.Н. Шевчик. Он же – научный руководитель моей дипломной работы. После окончания мной в 1964 г. университета, по указанию В.Н. Шевчика, была создана под моим руководством при НИИМФ СГУ исследовательская спецгруппа по разработке проблем, в той или иной степени близких к био- и психофизике. На ее базе начал создавать научную лабораторию, занимавшуюся проблемами биофизики, психоакустики, проектирования приборов. Впоследствии эта лаборатория и сыграла ключевую роль в том, что мне удалось и пришлось стать психологом»*³.

В 1970–1980-е гг. научное самоопределение молодых психологов провинциальных вузов страны нередко осуществлялось благодаря их четырехмесячному повышению квалификации в МГУ и ЛГУ. В Москве и Ленинграде завязывались творческие союзы между ведущими психологами СССР и молодежью с периферии. Так случилось и с саратовским молодым ученым А.А. Понукалиным: *«В 1972 году меня первый раз направили на ФПК в МГУ. Поскольку подготовку психологов в СГУ ориентировали на ин-*

³ Понукалин А.А. Психологическая школа Ю.М. Забродина в СГУ. С. 4.

женерную психологию, курс которой мне и пришлось читать, то прикрепился к кафедре В.П. Зинченко»¹.

С конца 1980-х гг. вектор научных интересов А.А. Понукалина сместился в область социологии. В 1996 г. Алексей Алексеевич перешел работать в Саратовский государственный технический университет, возглавив созданную кафедру психологии и акмеологии, которой руководил до 2009 г. В 1997 г. он успешно защитил докторскую диссертацию по социологии «Социологическое обоснование образовательных программ руководителя социопсихологической службы»². Профессор Понукалин долгое время руководил гуманитарным учебно-научным центром СГТУ, объединявшим кафедры истории, философии, социологии и психологии. Ему присвоено звание почетного работника высшего образования РФ.

А.А. Понукалиным опубликованы следующие монографические работы и учебники:

- Введение в психоакустику. Саратов: СГУ, 1991;
- Теоретические вопросы формирования системы подготовки кадров / ред. акад. АН СССР И.Ф. Образцов, чл.-кор. АН СССР Б.Ф. Ломов. М.: ИПАН СССР, 1992;
- Системная психологическая теория и общественная практика / ред. Б.Ф. Ломов. М.: ИП РАН, 1993;
- Социальная философия и психология. Саратов: ЦМС РАН, 1994;

¹ Понукалин А.А. Психологическая школа Ю.М. Забродина в СГУ. С. 15.

² См.: Понукалин А.А. Социологическое обоснование образовательных программ руководителя социопсихологической службы: автореф. дис. ... д-ра социолог. наук. Саратов, 1997.

– Руководитель социопсихологической службы. Методология образовательных программ. Саратов: СГУ, 1994;

– Экопсихология труда (по гранту Миннауки России). Саратов: СГУ, 1995;

– Инновационная методология довузовского образования. Саратов: СГАУ, 1995 (в соавторстве с Г.Г. Коннычевой);

– Социоэкономическая психология рынка. Саратов: СГУ, 1995;

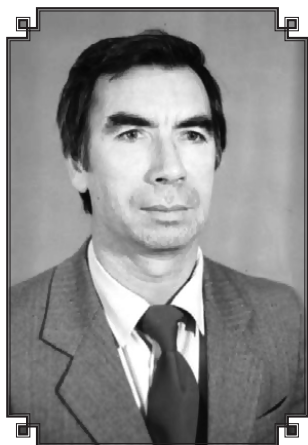
– Метод эксперимента: учебное пособие. Саратов: СГУ, 1996;

– Психология, педагогика, акмеология высшего образования. Саратов: СГТУ, 2002;

– Акмеология. Часть 1. Теоретическая акмеология. Часть 2. Практическая акмеология (с грифом МО РФ, призер конкурса «300 лучших учебников РФ») / ред. А.А. Понукалин. Саратов: Латанов, 2003.

Во мне Алексей Алексеевич вызывал чувство глубокого уважения. Приведу два примера. Как-то в начале 1980-х гг. его и меня заведующий кафедрой направил посетить сотрудников музея им. Н.Г. Чернышевского в целях оптимизации их трудовой деятельности. После психологического анализа на моих глазах экспромтом Алексей Алексеевич сформулировал базовые принципы и теоретическую схему психологического аспекта работы сотрудников музея, в основе которой лежал системный подход. В другой раз в яркий солнечный день я заглянула в темную, без окон, комнату полуподвального помещения кафедры, в которой над чем-то работал за письменным столом Алексей Алексеевич. Контраст буйства

летней природы и тишины кабинета ученого был так разителен, что я не смогла удержаться от уважительного возгласа. На что Алексей Алексеевич спокойно и обыденно сказал: «Ничего удивительного: ничто другое мне не интересно». Я благодарна Алексею Алексеевичу за нашу дружбу и сотрудничество.

*Р.Х. Тугушев
(с доски почета СГУ).
31 октября 1988 г.*

Тугушев Рашид Хасьянович (09.03.1940–24.01.2008).

Родился в простой семье в г. Энгельсе Саратовской области. В молодости поработал кочегаром. Тяга к точным наукам привела его учиться на физический факультет СГУ, который он закончил в 1964 г. по кафедре радиофизики. Как успешный и одаренный студент по окончании университета был оставлен для продолжения учебы и работы на родной кафедре радиофизики. Под руководством заве-

дующего кафедрой Г.М. Герштейна Р.Х. Тугушев подготовил кандидатскую диссертацию по физике, однако ее защита так и не состоялась. Образование психологического отделения СГУ в 1971 г. и дружба с А.А. Понукалиным изменили профессиональное и научное поприще Рашида Хасьяновича: с 1971 г. он перевелся на должность старшего преподавателя кафедры психологии СГУ и для переподготовки был направлен на факультет повышения квалификации при МГУ, где обнаружил большой интерес к тестоло-

гическим исследованиям. Вернувшись на кафедру, начал научно-исследовательскую деятельность в области психодиагностики, применяемой в инженерной психологии. Осенью 1982 г. Рашид Хасьянович под руководством Ю.М. Забродина защитил кандидатскую диссертацию в Институте психологии Академии наук¹.

Доцент кафедры Р.Г. Селиванова в 2007 г. писала о Р.Х. Тугушеве: *«К началу восьмидесятых годов в отечественной психологии обозначаются новые вызовы, остро стоит проблема деидеологизации, задача развития научной психологии, осмысления возможностей объективных методов. Профессор Р.Х. Тугушев разрабатывает широкий подход к этим проблемам. Его исследовательские интересы сосредотачиваются на проблемах математических методов в психологии. Он ориентируется на лучшие европейские стандарты в этой области: Д. Гилфорда, Г. Айзенка, Р. Кеттелла, Ч. Спирмена и других. При этом ему удается существенно расширить и дополнить учение о математических методах в психологии: дифференциальные уравнения, развитие теории поля К. Левина, система уравнений поля и многие другие.*

Другое направление в исследованиях Р.Х. Тугушева – психодиагностика. Он развивает системный подход, и в то же время показывал диагностические возможности и ограничения современных тестовых методик. Автор обосновывает и показывает необхо-

¹ См.: *Тугушев Р.Х.* Психофизическое шкалирование при диагностике индивидуальных характеристик в трудовой деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1982.

димость сочетания количественного и качественного анализа в психологических исследованиях, взаимодействия и взаимодополнения экспериментального и феноменологических подходов. Этот тезис выражал основную методологическую позицию кафедры и широко реализуется в 80–90-е годы в научных исследованиях преподавателей и студентов, глубоко вошел в их профессиональное мышление»¹.

В конце 1990-х гг. Рашид Хасьянович опубликовал две монографии: «Системная персонология: количественный и качественный анализ» и «Системные исследования когнитивных процессов субъекта деятельности»² (в соавторстве с Р.В. Габдреевым). В середине и конце 1990-х гг. сотрудниками кафедры А.А. Понукалиным, Р.Х. Тугушевым, А.Л. Южаниновой одними из первых в России стали проводиться судебно-психологические экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан, а также по делам о компенсации морального вреда.

Существенные научно-исследовательские разработки позволили Рашиду Хасьяновичу под патронатом доктора психологических наук, профессора Р.В. Габдреева подготовить докторскую диссертацию на тему «Системный подход в экспериментально-прикладной психодиагностике характеристик субъекта профессиональной деятельности» по специальности 19.00.03 – Психология труда, инженерная

¹ Селиванова Р.Г. К истории психологии в Саратове. С. 8.

² См.: Тугушев Р.Х. Системная персонология: количественный и качественный анализ. Саратов, 1998; Габдреев Р.В., Тугушев Р.Х. Системные исследования когнитивных процессов субъекта деятельности. Саратов; Казань, 1999.

психология, эргономика³. Защита диссертации состоялась 15 июня 2001 г. на факультете психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Во время заведования кафедрой психологии и руководства отделением психологии СГУ (1988–2008) Р.Х. Тугушев проявил себя как масштабный организатор науки. Благодаря ему удалось открыть аспирантуру по психологии и диссертационный совет по защитах кандидатских и докторских диссертаций по социальной и педагогической психологии в СГУ. Под его руководством защищались кандидатские и докторские диссертации. Много сделал он и для открытия в СГУ факультета психологии, а также для перемещения психологов из полуподвального помещения в V корпусе в прекрасно оборудованный вновь выстроенный XII корпус СГУ, где в настоящее время и находится факультет психологии. Благодаря усилиям Рашида Хасьяновича в СГУ существенно расширился масштаб профессиональной подготовки психологов, а также было организовано заочное обучение будущих психологов на коммерческой основе. Долгие годы Рашид Хасьянович был председателем Поволжского отделения Российского общества психологов.

В январе 2008 г. случилась беда: во время пожара в доме погибли Рашид Хасьянович и его жена Ольга Сергеевна. Спустя некоторое время коллеги Рашида Хасьяновича (профессора В.Н. Белов, Е.В. Листвина, В.Б. Устьянцев, Р.М. Шамионов; доценты Л.Н. Аксеновская, О.М. Гуменская, М.В. Жижина,

³ См.: *Тугушев Р.Х.* Системный подход в экспериментально-прикладной психодиагностике характеристик субъекта профессиональной деятельности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001.

Т.Д. Калистратова, М.М. Орлова, С.П. Попова, Н.М. Романова, Е.В. Рягузова, И.Э. Стрелкова, С.В. Фролова; соискатель кафедры психологии И.В. Арендачук), студенты и дочь А.Р. Тугушева поделились своими воспоминаниями о нем. Он был человеком, рассчитывающим только на свои силы и всего добывающимся самостоятельно. Были отмечены его высокий профессионализм, организаторский талант, ярко выраженные способности и одаренность, увлеченность работой и наукой, интерес к фантастике, стремление сделать все, чтобы жизнь была радостнее. Сквозной мыслью всех воспоминаний было выделение его особой одаренности, проявляющейся в характере отношений с окружающими. С близкими, коллегами, подчиненными и студентами он был добросердечным, доброжелательным, уважающим и ценящим людей, способным откликнуться и помочь нуждающимся, готовым оказать поддержку, демократичным, человечным, мудрым, внимательным. Его безвременный уход – невосполнимая утрата для его близких, друзей и коллег¹.

Первоначально преподавательская деятельность Рашида Хасьяновича на кафедре психологии СГУ была связана с ведением им общепсихологического практикума по курсу «Личность». Моя первая встреча с ним произошла именно на этих занятиях. Хорошо помню беседу, состоявшуюся в осенний семестр 1975 г. Я рассказала ему о весенней поездке в Каунас для посещения музея литовского художника

¹ См.: Памяти профессора Р.Х. Тугушева: Мозаика воспоминаний // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8, вып. 1. С. 104–107. Сер.: Философия. Психология. Педагогика.

М.К. Чурлениса. Потом принесла показать Рашиду Хасьяновичу привезенные репродукции картин Чурлениса, и мы с интересом обсудили с ним возможности проективных исследований личности на материале полотен этого неординарного художника. Позже, когда я уже начала преподавать на кафедре психологии и работала над диссертацией, он помогал мне в создании измерительных процедур для диагностики социального интеллекта и обсчете первичных количественных данных. Иногда он говорил о себе и не без гордости замечал: «Мой IQ 131 балл». Не раз повторял, что не считает работу единственным смыслом жизни, что жизнь богаче работы и в ней не менее важны семья, дети, любовь, дружба. О научной работе высказался, что в каждой его статье обязательно есть какая-нибудь изюминка («изюминка» – его выражение). Будучи мусульманином, не мог пройти мимо нищего, не подав милостыни. Талантливый, добросердечный – таким он остался в моей памяти.

Владимир Витальевич Козача (1948–2004) работал на кафедре психологии СГУ с 1972 по 2004 г. Первоначально он вел занятия по общепсихологическому практикуму, затем читал курсы «Общая психология», «Психология труда», а также спецкурс по психологии внушения. В 1986 г. в Москве, в Институте психологии АН СССР под руководством Ю.М. Забродина защитил кандидатскую диссертацию по психологии на тему «Психофизическое измерение суггестивных явлений»². Продолжал активно работать на кафедре, в соавторстве с доцентом Е.И. Гарбером опублико-

² См.: Козача В.В. Психофизическое измерение суггестивных явлений: дис. ... канд. психол. наук. М., 1986.

*Первомайская демонстрация.
Слева направо: старший преподаватель В.В. Козача,
декан биофака СГУ Н.В. Глухов, доцент Н.В. Крогиус.
1974 г. Саратов*

вал два научно-методических пособия, одно по профессиографии¹, а другое — по психогеометрическому тестированию². В 2001 г. опубликовал монографию «Суггестивная функциональность (социологический аспект)». В ней он исследовал проблему проявления суггестивной функциональности в социальных явлениях, останавливаясь «на движении мысли от частного научного знания к общему, социологическому», считая «суггестивную функциональность иерархически проявляемой закономерностью»³.

¹ См.: Гарбер Е.И., Козача В.В. Методика профессиографии. Саратов, 1992.

² См.: Гарбер Е.И., Козача В.В. Психогеометрическое тестирование (теоретический и практический аспекты). Саратов, 1999.

³ Козача В.В. Суггестивная функциональность (социологический аспект). Саратов, 2001. С. 3–4.

Данная монография была положена в основу докторской диссертации по социологии, которую В.В. Козача защитил в том же 2001 г.⁴ Владимир Витальевич был автором более 50 публикаций (монографий, методических пособий, статей), а также двух авторских свидетельств на изобретения (в соавторстве): «Устройство для определения степени внушаемости» (№ 1258381 от 01.04.1985); «Способ определения степени внушаемости человека» (№ 1163498 от 22.02.1985)⁵.

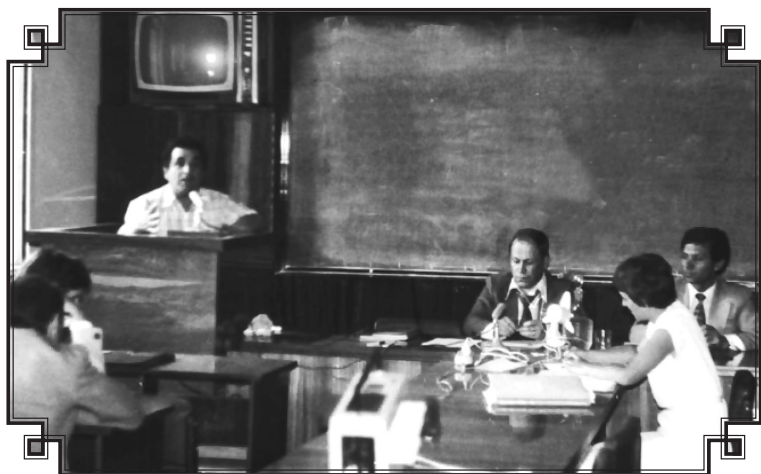
Физик по базовому образованию, он перенес навыки экспериментирования и в сферу психологии, свободно пользовался общеизвестными тестами и создавал свои измерительные процедуры, широко применяя методы статистического анализа. Пытался создать единую концепцию суггестивности, включающую естественно-научную и гуманитарную парадигмы, опираясь как на работы А.Ф. Лазурского, П.П. Блонского, так и на труды В.М. Бехтерева, И.П. Павлова, И.М. Сеченова⁶.

Владимир Витальевич был скромным, порядочным человеком, высоко ценившим научный труд ученым. Он скоропостижно скончался летом 2004 г., находясь в командировке в филиале саратовского университета, куда выезжал для чтения лекций. В моей памяти он остался улыбающимся, с ярко-голубыми, небесного цвета глазами, приглашающим заняться общей работой.

⁴ См.: *Козача В.В.* Социологические аспекты суггестивной функциональности: дис. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2001.

⁵ Цит. по: *Козача В.В.* Суггестивная функциональность (социологический аспект). С. 297.

⁶ См.: Там же.

Конференция по инженерной психологии под эгидой профессора Ю.М. Забродина. Сопредседатели заседания (слева направо) Ю.М. Забродин и А.А. Понукалин, секретарь – Т.Д. Калистратова. Выступает профессор Л.П. Доблаев. 49-я аудитория V корпуса СГУ. 1980 г.

Внушительным выглядит список Всероссийских конференций, проведенных в Саратове на базе СГУ по инициативе Ю.М. Забродина и А.А. Понукалина, по материалам которых были изданы сборники научных трудов. *«Правда, – вспоминал А.А. Понукалин, – начинали с небольшой брошюры: "Экспериментальная психология". Саратов: СГУ, 1980. Среди авторов: Ю.М. Забродин, В.Г. Зазыкин, Н.В. Крогуус, А.А. Понукалин, Р.Х. Тугушев, В.В. Козача, Ю.В. Пашнин и другие... Затем сборники стали более солидными и расширился авторский коллектив.*

1. Сборник "Проблемы психологической поддержки операторов человеко-машинных систем", 1983. Ред. Ю.М. Забродин, СГУ. Здесь представлены мате-

риалы одноименной Всесоюзной научной конференции Института психологии АН СССР совместно с СГУ. В этом сборнике Ю.М. Забродин опубликовал одну из капитальных работ: “Психологическое проектирование и анализ психической регуляции операторской деятельности”. В русле тематики сборника мы совместно с ним представили работу: “Психологическая поддержка операторов СЧМ”, что послужило началом нового периода научных исследований в лаборатории с целью разработки практических программ для космонавтов, психологией которых интенсивно занимались в Институте психологии под руководством Ю.М. Забродина...

2. Сборник “Проблемы психологии субъективных суждений и оценок”, 1984. Ред. Ю.М. Забродин, СГУ. Это был сборник по материалам следующей Всесоюзной научной конференции, проведенной у нас под председательством Ю.М. Забродина... Эта проблема заинтересовала также кафедру и был подготовлен и выпущен научный сборник под редакцией Л.П. Добраева “Проблемы оценивания в психологии” (1984), где он представил ключевую статью “К постановке проблемы оценивания в психологии”.

3. Сборник “Психические характеристики деятельности человека-оператора”, 1985. Ред. Ю.М. Забродин, СГУ. Опубликована фундаментальная работа, имеющая значение теоретического основания для развития многих направлений в практике решения психологических задач: Ю.М. Забродин. “Деятельность человека и ее психологическое проектирование (Проблемы психологического анализа и синтеза деятельности)”. Мы представили и совмест-

А.А. Понукалин и Ю.М. Забродин. Продолжение научной конференции на берегу Волги. Сентябрь 1979 г. Саратов

ную с ним работу: “Проблемная ситуация как характерологическая особенность операторской деятельности”. Опубликована и отдельная моя статья – “Факторы детерминации человеческой деятельности. Потребность, мотив, цель”. Вот так выглядел авторский коллектив: Бодров В.А. (ИП АН СССР), Орлов В.Я., Пахомов А.П. (ИП АН СССР), Агузум-цян Р.В. (Ереван), Пашнин Ю.В., Епифанов Е.Г. (ИП АН СССР), Чепляев В.Л., Чернышев А.П. (МВТУ им. Баумана), Шаповалов В.И. (Куйбышев), Шляхтин Г.С. (Горький), Голубинов В.В., Черняева Т.И., Страхов И.В., Носуленко В.Н. (ИП АН СССР), Денисов В.А. (ИП АН СССР), Харитонов А.Н. (ИП АН СССР), Козача В.В., Южанинова А.Л., Дикая Л.Г. (ИП АН СССР), Лученкова Е.В., Силантьев В.В.

4. Сборник “Измерение психических характе-

ристик человека-оператора”, 1986. Ред. А.А. Понукалин, СГУ. Здесь представлены статьи Ю.М. Забродина и многих сотрудников Института психологии АН СССР (в частности, В.Н. Дружинина), опубликована статья одного из ведущих психофизиологов страны Е.Н. Соколова (МГУ) и его коллеги Ч.А. Измайлова. Опубликованы статьи сотрудников нашей лаборатории и ныне работающих сотрудников кафедры психологии: Н.М. Авдеевой (Романовой), А.А. Карелина, Е.В. Лученковой (Рягузовой). Проблема психологических измерений на то время представлялась чрезвычайно актуальной, наша лаборатория этим занималась интенсивно в плане фундаментальных исследований, и в этом сборнике представлены две мои работы: “Понятие измерения в философии” и “Измерительная функция психики”.

5. Сборник “Субъективная оценка в структуре деятельности”, 1987. Ред. Ю.М. Забродин, СГУ. Одноименная Всесоюзная научная конференция вызвала интерес у многих, не занимавшихся инженерной психологией, в силу общности рассматриваемой тематики, имеющей фундаментальный характер и большое практическое значение. Ю.М. Забродин опубликовал очередную ключевую работу “Психическая функция оценивания и регуляция человеческой деятельности”. Были представлены статьи Л.П. Доблаева, Л.Г. Вяткина (чл.-корр. АПН СССР, заведующего кафедрой педагогики в то время), Р.Х. Тугушева, А.Л. Южаниновой, Т.Д. Калистратовой, Е.В. Рягузовой, Т.И. Черняевой, А.А. Карелина, Ю.В. Пашнина и других (сотрудников лаборатории). Совместно с Ю.М. Забродиним мы опублико-

вали статью “Психологические характеристики субъективного оценивания” и представлена моя работа: “Системообразующая функция оценивания”.

6. Сборник “Психологические механизмы формирования оценочных суждений”, 1989. Ред. А.А. Понукалин, СГУ. Проблемные направления исследований по теме представлены в статье: Понукалин А.А., Рягузова Е.В. “Психология субъективных суждений”. Опубликована также фундаментальная работа: Добраев Л.П. “Суждение и текст”. Авторский коллектив выглядел следующим образом: Кизиленко Л.Д. (Центр подготовки коммандиров), Орлов В.Я., Чепляев В.Л., Голубинов В.В., Тарасов В.Б. (ИП АН СССР), Южанинова А.Л., Тугушев Р.Х., Похилько В.И. (МГУ), Никонов А.В. (Институт медико-биологических проблем), Калистратова Т.Д., Силантьев В.В., Авдеева Н.М., Хомутов В.П. (заведующий психофизиологической лабораторией Военного училища летчиков), Козача В.В., Черняева Т.И., Пашнин Ю.В., Пахомов А.П. (ИП АН СССР), Карелин А.А., Кос Н.И. В соответствии с тематикой конференции мной была представлена статья: “Психологические механизмы формирования субъективных оценочных суждений”.

7. Сборник “Психология труда в условиях проблемных ситуаций”, 1996. Ред. А.А. Понукалин. Одноименная Всесоюзная конференция была проведена еще в 1989 году – период разброда и социальных катаклизмов. Это была последняя научная конференция такого уровня, которую я задумал и организовал. Идею заняться разработкой психологии проблемной ситуации предложил мне еще в первые годы

становления кафедры психологии Л.П. Доблаев, за что ему благодарен, поскольку впоследствии понял, что это одна из ключевых тем теоретической психологии, когда на очередном повышении квалификации на факультете психологии МГУ предложил А.М. Матюшкину опубликовать совместную статью в журнале “Вопросы психологии” (АПН СССР) на эту тему. Статья “Проблемные ситуации в психологической подготовке в вузе” была опубликована в № 2 за 1987 год. В конечном счете, появилась идея провести данную конференцию у нас, используя возможности В.Н. Носуленко, который был тогда ученым секретарем Института психологи АН СССР и возглавлял научно-практическую корпорацию в Академии наук. В конференции приняли участие: Ю.М. Забродин, А.М. Матюшкин (чл.-корр. АПН, директор Института общей и педагогической психологии АПН), В.А. Пономаренко (начальник Института авиационной и космической медицины МО СССР, чл.-корр. АПН, генерал), В.А. Бодров (заместитель директора Института психологии АН СССР. Кстати, с последним тесно сотрудничал доцент нашей кафедры, работавший и в лаборатории, В.Я. Орлов. Они впоследствии опубликовали монографию по одному из важнейших вопросов инженерной психологии: В.А. Бодров, В.Я. Орлов. Психология и надежность: человек в системах управления техникой. М.: Институт психологии РАН, 1998). В работе конференции приняли участие те, кто входил в основной состав сложившегося за эти годы коллектива, состоящего из представителей Института психологии, нашей лаборатории и кафедры психоло-

гии. Темы пленарных докладов. – В.А. Пономаренко “Проблемные условия деятельности и требования к профессионализму”. – Ю.М. Забродин “Экологический подход к психологии проблемной ситуации”. – А.М. Матюшкин “Психологическая структура и классификация проблемных ситуаций, возникающих в экстремальных условиях профессиональной деятельности”. – А.А. Понукалин “Проблемная ситуация как важнейшее условие психического развития личности”. Это была последняя из данной серии конференция, наступил период начала 90-х годов, когда казалось, что все погибло – нам месяцами не платили зарплату как преподавателям, не говоря уже о финансировании научных работ...

Эпоха конференций в СГУ, проводившихся по моей инициативе, завершилась фактически в 2002 г., когда я организовывал ежегодные конференции в СГТУ»¹.

«Подводя итоги развития школы Ю.М. Забродина в Саратове, – писал А.А. Понукалин, – следует сказать о том, что его вклад в психологию трудно не только переоценить, но и оценить до конца даже за тот период нашего плодотворного сотрудничества. Он первый поставил вопрос о разработке конкретно-методологических оснований современной психологии на фоне анализа существовавших на то время общенаучных принципов материалистической методологии. Ему принадлежит приоритет в разработке теоретических оснований практической психологии и механизмов ее организации в масштабах страны

¹ Понукалин А.А. Психологическая школа Ю.М. Забродина в СГУ. С. 6–10, 13.

(иерархия психологических служб). Масштабы его научно-организационной работы в должности заместителя директора Института психологии АН СССР поражали воображение. Фактически им была создана распределенная по всей стране структура центров психологических разработок, объединенных в единую научно-практическую школу»².

«В научном плане наибольший интерес для меня представляет философия “Единого” и в этом контексте – единая психологическая теория, в которой отражается идея синтеза физического и психологического аспектов знания о мироздании и миропорядке. Размышления по этому поводу основываются на понимании того, что физическая наука исчерпывает свои возможности описания глубин мироздания, т.е. имеет свой гностический предел, когнитивный порог, за которым эти глубины станут познаваемыми в рамках теоретической психологии, если удастся разработать категорию “Единого”. Собственно, это и есть итог развития психологического направления в познании, у истоков которого стояла тематика, порой вынужденная, нашей лаборатории в рамках научной психологической школы Ю.М. Забродина»³.

Таким образом, в результате многолетней работы в качестве материалистически ориентированного психолога (а позже и социолога) А.А. Понукалин пришел к открытию идеи «Единого», как когда-то идеалист-философ С.Л. Франк – к закону «Всеедин-

² Понукалин А.А. Психологическая школа Ю.М. Забродина в СГУ. С. 13.

³ Там же. С. 15–16.

ства». Теоретико-методологические корни и пути в науке у них были разными, а итоги схожи.

По мнению Л.Н. Аксеновской, работы А.А.Понукалина, Р.Х. Тугушева, В.В. Козачи, Е.И. Гарбера, С.И. Августевича заложили основы развития индустриально-организационной психологии (ИОП) в Саратовском государственном университете¹.

Поскольку в семидесятые годы я была студенткой, а с 1978 по 1998 г. (с 1995 по 1998 г. по совместительству) – преподавателем отделения психологии, смею утверждать, что в основе взаимоотношений коллег в те годы лежали уважение, доброжелательность, творческое сотрудничество, а работа с каждым студентом велась, как с единственным.

В 1988 г. Л.П. Доблаев принял решение уйти с заведования кафедрой психологии СГУ, оставаясь профессором кафедры. На образовавшуюся вакантную руководящую должность рассматривались два кандидата – доценты А.А. Понукалин и Р.Х. Тугушев. Наиболее авторитетные сотрудники кафедры поддержали кандидатуру Рашида Хасьяновича на должность заведующего кафедрой психологии СГУ. Его заведование, во время которого традиции, сложившиеся на кафедре ранее, продолжили свое развитие, длилось 20 лет. После ухода из жизни в 2008 г. Р.Х. Тугушева заведовать кафедрой стала Елена Владимировна Рягузова, подготовившая в свое время дипломную работу под руководством А.А. Понукалина (1980), а кандидатскую диссертацию «Психологическое конструирование ситуации в повседневных и экстремальных условиях» – под руковод-

¹ Аксеновская Л.Н. Указ. соч. С. 8–29.

ством Р.Х. Тугушева (2004 г.; докторская диссертация «Личностные репрезентации взаимодействия “Я – другой”» – 2012 г.).

В 2010 г. был образован факультет психологии СГУ, деканом которого и заведующей кафедрой общей и социальной психологии стала выпускница нашего отделения Людмила Николаевна Аксеновская, дипломница Р.Г. Селивановой (1985). В 1997 г. Л.Н. Аксеновская защитила в Санкт-Петербурге кандидатскую диссертацию по специальности 19.00.05 – Моделирование управленческого взаимодействия как метод оптимизации организационной культуры (научный руководитель – В.Е. Семенов), а в 2008 г. в МГУ по той же специальности – докторскую диссертацию «Социально-психологическая модель организационной культуры: концепция, методология, технология изменения (ордерный подход)» (научный консультант – Т.Ю. Базаров). В этих событиях усматривается начало нового этапа развития психологии в Саратовском университете², истоки которого обнаруживаются в саратовской психологической школе 40–80-х гг. XX в.

Таким образом, с уходом из жизни в 2008 г. Р.Х. Тугушева закончился, по сути, советский этап развития Саратовской университетской психологической школы и начался новейший этап, содержательное наполнение которого в большей степени стали определять уже ученики Л.П. Доблаева, Н.В. Крогиуса, Р.Х. Тугушева, А.А. Понукалина, И.Э. Стрелковой, Р.Г. Селивановой, Е.И. Гарбера, В.В. Козачи, А.Ф. Пантелеева, саратовские психологи четвертого и последующих поколений.

² См.: Аксеновская Л.Н. Указ. соч. С. 8–29.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В современной историографии науки понятие научной школы имеет множество значений и используется достаточно широко. Согласно подходу Е.З. Мирской научную школу можно связывать с личностью, кафедрой, городом, нацией или даже государством¹. В этом смысле науку психологию, развиваемую в Саратове, можно считать региональной саратовской психологической школой.

Кроме того, в рамках того же подхода есть смысл говорить как о самостоятельных институтах саратовских вузовской, университетской, а также невузовской научных школ. При этом общая научная школа вуза определяется не только психологической наукой, но и содержанием психологического образования. В связи с этим можно говорить о саратовской университетской психологической школе, а учитывая, что психология в Саратове развивалась не только в университете, но и в иных научно-образовательных учреждениях, – о саратовской вузовской многопрофильной психологической научной школе, а также саратовской невузовской научной школе (развиваемой в промышленных, транспортных и иных учреждениях региона).

История возникновения и развития саратовской региональной школы психологии в советский период прослеживается в работе через анализ научного творчества саратовских психологов.

¹ *Мирская Е.З.* Научные школы как форма организации науки. Социологический анализ проблемы // *Науковедение*. 2002. № 3. С. 8–24.

Преподавание психологии и научные психологические изыскания в Саратове были начаты в Саратовском университете в 1917/1918 учебном году профессором Л.С. Франком – философом, деканом историко-филологического факультета Саратовского университета (в прошлом – приват-доцент Петербургского университета). До 1921 г. Франк обучал в Саратове студентов основам философской психологии, а также руководил их научной работой, став, таким образом, родоначальником саратовской психологической научной школы.

С.Л. Франк, психолог первого поколения саратовской школы, был психологом третьего поколения петербургской университетской философской психологической школы, родоначальником которой считается М.И. Владиславлев (1840–1890) – профессор Санкт-Петербургского университета, создавший систему философско-психологического образования в Санкт-Петербургском университете, впервые в России сформулировавший понимание психологии как самостоятельной науки и проследивший историю развития психологических идей у разных философов (Платон, Аристотель, Декарт, Спиноза, Кант, Гегель и др.).

Психологом второго поколения петербургской психолого-философской школы стал ученик Владиславлева А.И. Введенский, воспитавший следующее поколение ученых в области философской психологии (Н.О. Лосский, А.П. Нечаев, И.И. Лапшин, С.Л. Франк и др.).

Знание как отечественной, так и зарубежной философской психологии, разработанная собственная

психолого-философская концепция, научное сотрудничество с коллегами, специализировавшимися в области философской психологии (А.И. Введенский, Н.О. Лосский) и экспериментальной психологии (А.Ф. Лазурский), а также психофизиологии (А.А. Крогиус) и патопсихологии (С.А. Суханов), знание и опыт обучения психологическим дисциплинам в Петербургском университете и других столичных вузах, – именно с таким научным и педагогическим багажом в области психологии прибыл Франк в Саратовский университет в 1917 г.

В 1919 г. Франк привлек к работе в Саратовском университете коллегу по кафедре философии Петроградского университета, доктора медицины А.А. Крогиуса, к тому времени психолога с европейским именем, родоначальника отечественной тифлопсихологии, специализировавшегося в области экспериментальной психологии, психофизиологии и педологии. Таким образом, Франк и Крогиус, представители двух ветвей петербургской психологической школы – философско-идеалистической и естественно-научной, – дворяне по происхождению, имевшие европейскую профессиональную подготовку, стали саратовскими психологами первого поколения. В их лице созданная саратовская психологическая научная школа начала развиваться в двух направлениях: философско-идеалистическом (С.Л. Франк) и естественно-научном (А.А. Крогиус). Появившиеся в Саратове у Франка и Крогиуса ученики (Г.П. Иванов, Н.В. Касаткин, Э.Л. Беркович), оставшиеся после окончания Саратовского университета работать на родной кафедре, продолжили развитие отечественной психологии

в русле научных парадигм своих учителей, представителей петербургской школы.

В 1930-е гг. в Саратовском университете, как и в других вузах страны, наступил период борьбы со старорежимной профессурой и их последователями. Этот вихрь разметал по стране саратовских психологов, и научная преемственность в саратовской школе была прервана.

Таким образом, истоками возникновения саратовской региональной психологической школы стали научные и учебные традиции Петербургского университета, а первый период ее развития (1917–1932), содержательно соответствовавший традициям петербургской психологической школы (несмотря на хронологические рамки, соответствующие советскому времени), фактически оставался периодом досоветской психологии.

С 1932 по 1938 г. в Саратове трудился прибывший из Ленинграда В.С. Мерлин, ученик выдающегося отечественного психолога, представителя ленинградской материалистической научной школы М.Я. Басова. В.С. Мерлин открыл новый, советский этап саратовской психологической школы. С 1937 по 1982 г. традиции советской психологии в Саратове были поддержаны И.В. Страховым.

В период 1971–2008 гг., начавшийся с момента возникновения под руководством профессора Л.П. Доблаева отделения психологии в Саратовском университете, саратовская советская региональная психологическая школа достигла своего расцвета. В это время на кафедре психологии СГУ выделялись несколько научных направлений: гуманитар-

ное (Л.П. Доблаев, И.Э. Стрелкова, Р.Г. Селиванова); психофизическое (А.А. Понукалин, Р.Х. Тугушев, В.В. Козача); эмпирическое (Н.В. Крогиус, Е.И. Гарбер, Р.Х. Тугушев, А.Ф. Пантелеев). Из отраслей психологии активно разрабатываются общая психология и психология личности (Л.П. Доблаев, Р.Г. Селиванова, Р.Х. Тугушев), психология труда (Е.И. Гарбер, В.В. Козача, С.И. Августевич), инженерная психология (А.А. Понукалин), социальная психология (И.Э. Стрелкова, Н.В. Крогиус, Р.Г. Селиванова, В.В. Козача).

Из названных в работе психологов каждый внес свой вклад в развитие психологической школы в Саратове. Так, одни были родоначальниками всей школы (С.Л. Франк, А.А. Крогиус) или ее отдельных этапов (С.Л. Франк – первого, досоветского этапа; В.С. Мерлин – второго, советского; Е.В. Рягузова, Л.Н. Аксеновская – третьего, новейшего); другие создавали оригинальные концепции (И.В. Страхов, Л.П. Доблаев, Н.В. Крогиус, А.А. Понукалин, Р.Х. Тугушев, В.В. Козача, Е.И. Гарбер, Р.Г. Селиванова).

В период советской психологии в Саратове эта наука не была исключительно университетской: наступил период активного становления отраслей психологии в специализированных вузах города (педагогическом, экономическом, медицинском, юридическом, педагогическом институтах). Наряду с вузовской психологией в Саратове начала активно развиваться индустриальная психология в лабораториях крупных промышленных предприятий (заводы оборонного объединения «Алмаз»: «Контакт», «Тантал», НИИ «Волна»; транспортного объединения

и др.), а также в психологических лабораториях для проведения профотбора в Саратовском вертолетном училище, областном Управлении системы МВД и др.

С окончанием периода советской саратовской психологической школы наступил этап ее новейшей истории.

2. О саратовской психологической научной школе можно судить не только исходя из географического критерия.

Анализируя содержание понятия научной школы в психологии, С.А. Богданчиков пришел к выводу о наличии существенно отличающихся разных его значений: 1) персональные («именные», определяемые по лидеру) научные школы (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Г.И. Челпанов и др.); 2) определяемые путем указания нескольких лидеров (научная школа Выготского – Леонтьева – Лурии); 3) определяемые через базовое учреждение – университет, институт, кафедру, лабораторию, сектор, факультет и т.п. (психологическая школа Московского университета); 4) задаваемые географически – московская, петербургская (ленинградская), грузинская, вплоть до советской психологической школы, т.е. до созданной в нашей стране в советский период оригинальной научной школы, называемой сегодня в широком смысле советская психология; 5) школы, фактически отождествляемые с крупными теориями, подходами, направлениями, концепциями (деятельностный подход, теория установки, реактологическая концепция и т.п.)¹. «...Итоговая картина,

¹ См.: Богданчиков С.А. Современные отечественные авторы о научных школах в советской психологии 1920–1930-х гг. (опыт детального

– пишет С.А. Богданчиков, – получается, конечно, интересная, но невероятно запутанная: советская психология (“школа-направление”, “большая школа”, “сверхшкола”) оказывается представленной главным образом московской и петербургской школами, состоящими, в свою очередь, из ряда “малых” школ – Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, школы Московского университета, Ленинградской школы и др. При попытке увидеть картину в целом пользы от такого бесконечного ряда школ, как бы вложенных одна в другую, совсем немного. Ведь понятие “школа”, взятое в предельно широком смысле, невероятно увеличивается по объему, но по законам формальной логики содержательно стремится к нулю: практически любая группа ученых-психологов может быть названа школой»¹.

Для того чтобы связать понятие саратовской школы с конкретными лицами, обратимся к мнению ученых, выделивших более тонкие, чем географические или хронологические, критерии формирования научной психологической школы.

Н.А. Логинова пишет: «Научные школы зарождаются, развиваются и умирают. Однако они не исчезают бесследно, поскольку вносят свой вклад в общее научное развитие страны и мира. Главным фактором появления научной школы и ее дальнейшего существования является творческая индивидуальность, производящая новые плодотворные идеи и соответствующие им научные программы. Но кроме соб-

критического анализа) // Методология и история психологии. 2009. Т. 4, вып. 2. С. 27.

¹ Там же. С. 28.

ственно научно-исследовательской деятельности, лидер научной школы воспитывает учеников-единомышленников, привлекает сторонников и соратников из уже состоявшихся ученых. Он обращается с инициативами в государственные и иные структуры в поисках организационной и финансовой поддержки. Лидер достойно представляет научную школу. Его признает научное сообщество данной области науки той или иной страны... Благодаря им [ученым-лидерам]... зародились научные психологические школы, объединенные не только географической принадлежностью, но происхождением, идейным и, так сказать, стилевым сходством»².

По мнению С.А. Лебедева, научная школа как коллективный субъект деятельности представляет собой коллектив исследователей, обладающий следующими признаками: 1) наличие научного лидера, конструктора новой исследовательской программы; 2) наличие учеников, последователей, приверженцев созданной лидером научно-исследовательской программы (объединенных либо в формальную научную группу, либо в «невидимый» колледж); 3) воспроизводство нескольких поколений (не менее трех) приверженцев данной программы; 4) эффективность программы, подтвержденная деятельностью ее приверженцев в условиях резко возросшей динамики современных научных коммуникаций³.

² *Логинова Н.А.* Дискуссионные вопросы о петербургской психологической школе // *Ананьевские чтения – 2016: Психология: вчера, сегодня, завтра: матер. Междунар. науч. конф., 25–29 октября 2016 г.: в 2 т.* СПб., 2016. Т. 1. С. 22.

³ См.: *Мазилев В.А.* Формирование научной психологической школы в Ярославле // *Ананьевские чтения – 2016: Психология: вчера, се-*

Проанализируем научные направления в саратовской психологии на соответствие указанным критериям. К ученым, породившим оригинальные психологические концепции именно в Саратове и имевшим определенную лидерскую харизму, можно отнести И.В. Страхова, Л.П. Доблаева, Н.В. Крогуса, А.А. Понукалина, Р.Х. Тугушева, В.В. Козачу, Е.И. Гарбера. Особенно отметим И.В. Страхова, подготовившего более трех поколений заинтересованных в его научной программе учеников. Именно о школе И.В. Страхова можно в полной мере говорить как о саратовской психологической школе.

3. О саратовской психологической школе можно говорить и как о реальном коллективе, и как о виртуальном сообществе.

В литературе выделяют научные школы разных типов. Так, *реальный неформальный коллектив* реализует собственную исследовательскую программу под руководством ученого, ее разработчика и включает ученых разных поколений, являющихся прямыми или косвенными учениками основателя школы. *Виртуальное сообщество* не принадлежит одному исследовательскому коллективу, но придерживается одной научно-исследовательской программы (научная школа как направление в науке)¹. Второй тип иногда называют «невидимый колледж», который в большинстве случаев не оформлен институционально и существует в виде сети связей между учеными, таких как ученик–учитель, коллеги по рабо-

годня, завтра: матер. Междунар. науч. конф., 25–29 октября 2016 г.: в 2 т. СПб., 2016. Т. 1. С. 24.

¹ См.: *Павельева Т.Ю.* Научные школы в системе науки: философский анализ: дис. ... д-ра философ. наук. М., 2012.

те, члены команды, выполняющие разовый проект, соавторы. В отличие от научной школы «невидимые колледжи» создаются самими учеными, которые выбирают форму связей и поведение, диктуемые только собственными научными интересами. «Невидимые колледжи» становятся «видимыми», когда ученые группируются внутри какой-либо границы, в качестве которой может быть совместный проект, участие в обязательных встречах и т.д.²

Как «невидимый колледж» советского периода саратовской региональной школы можно обозначить направление психофизики, развиваемое на кафедре психологии СГУ А.А. Понукалиным, Р.Х. Тугушевым, В.В. Козачей и их учениками под руководством Ю.М. Забродина (школа Забродина в Саратовском университете). «Невидимым колледжем» можно назвать также направление, развиваемое В.С. Мерлиным, Н.В. Крогиусом, А.Л. Южаниновой как продолжение ленинградской психологической школы М.Я. Басова и Б.Г. Ананьева. Условно говоря, «невидимо» и многообразно была представлена и московская психологическая школа в лице И.В. Страхова, Л.П. Доблаева, Р.Г. Селивановой, И.Э. Стрелковой, А.Ф. Пантелеева. «Невидимым колледжем» было и сообщество выпускников отделения психологии СГУ, курируемое Е.И. Гарбером.

Ну и, конечно, школой-направлением можно назвать индустриальную психологию, которая развивалась в изучаемый период как в вузах Саратова,

² См.: Бандурина И.А. Научные школы и невидимые колледжи в современной науке // Преподаватель высшей школы в XXI веке: сб. науч. тр. Ростов н/Д, 2011. Сб. 9, ч. 2. С. 193–198.

так и лабораториях крупных промышленных и транспортных организаций.

4. Не все направления, возникшие в свое время в саратовской психологической школе, получили свое естественное развитие, некоторые были прерваны. Н.С. Арсеньев, учивший в саратовском университете будущих психологов в 1918–1919 гг., размышлял о том, должна ли быть живая связь, живая преемственность духовной жизни и духовного творчества? Ответ был найден им безусловно положительный: «Не может поток течь вперед, если он отрезан от своих истоков, и не может расти дерево, лишенное корней. Без живой связи с прошлым прекращается творчески поступательная жизнь народа... Народ может и даже должен критически и вдумчиво-строго относиться к своему прошлому (как и к своему настоящему), но тем более должен он бережно чтить и любить те духовные питающие ценности, которыми он жил, те основы, из которых выросло лучшее, что он создал. Только то, что укоренено в почве, истинно динамично и жизненно»¹.

Предпринятая нами научная рефлексия пройденного саратовскими психологами пути в советский период и была направлена на осмысление истоков и преемственности научных и ценностных традиций, развиваемых нашими предшественниками и учителями в психологии, в целях выявления путей наиболее плодотворного дальнейшего развития саратовской психологической школы.

¹ Арсеньев Н.С. Из русской культурной и творческой традиции. Франкфурт н/М, 1959. С. 9.

**Список
научных трудов А.А. Южаниновой
(по состоянию на апрель 2018 г.)**

Диссертация

1. Стиливые особенности межличностного познания и характеристики общения: дис. ... канд. психол. наук. ЛГУ, 1988.

Статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях, утвержденных ВАК

2. Аудиовизуальные методы в преподавании судебной медицины, психиатрии и бухгалтерии в юридическом вузе // Вестник СГАП. 2004. № 3. С. 21–23 (в соавт. с В.Н. Кирсановым, В.В. Козловым, Г.Р. Колоколовым, Е.Е. Новиковой).

3. Проблемы классификации и систематизации судебной психологической экспертизы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер.: Акмеология образования. 2005. Т. 11, № 4. С. 68–74.

4. О судебно-психологической экспертизе морального вреда // Российский психологический журнал. 2007. Т. 4, № 1. С. 29–37 (в соавт. с В.Ф. Енгальчевым).

5. Предмет и задачи судебно-психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда // Судебная экспертиза. 2007. № 3. С. 79–86 (в соавт. с В.Ф. Енгальчевым).

6. Предмет и задачи судебно-психологической экспертизы психического воздействия // Вестник СГАП. 2007. № 1. С. 165–171.

7. Возможности судебно-психологической экспертизы противозаконного психического воздействия // Вестник психотерапии. 2008. № 26. С. 77–88.

8. Вопросы методологического обеспечения судебно-психологического экспертного исследования // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 109–113.

9. Вопросы методики судебной психологической экспертизы вербального экстремизма // Судебная экспертиза. 2008. № 3. С. 43–50.

10. К вопросу о структуре судебной психологической экспертизы // Российский психологический журнал. 2008. Т. 5, № 2. С. 39–46.

11. Определение научной обоснованности судебно-психологического экспертного заключения в системе его общей оценки // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 4. С. 72–76.

12. Способности к пониманию (осознанию) и руководству собственными действиями как судебно-психологические экспертные понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 3. С. 253–259.

13. Психолого-юридические критерии унижения чести и достоинства граждан и социально-психологическая судебная экспертиза // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9, вып. 4. С. 100–104.

14. Предмет и методологические принципы судебного социально-психологического экспертного ис-

следования преступной группы // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 99–103.

15. Проблемы расследования побуждения несовершеннолетних лиц к совершению самоубийства с использованием сети «Интернет» // Вестник Саратовской юридической академии. 2017. № 5. С. 236–241 (в соавт. с И.С. Гвоздевой).

Монографии

16. Сознание, бессознательное и групповая терапия психодинамической ориентации. Саратов, 2000. 60 с.

17. Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе. Судебно-психологическая экспертиза по делам о компенсации морального вреда. Саратов, 2000. Ч. 1. 80 с.

18. Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе. Защита чести, достоинства, деловой репутации. Саратов, 2002. Ч. 2. 104 с.

19. Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе. Сделки с пороками воли. Саратов, 2005. Ч. 3. 200 с.

Учебные пособия, разделы учебников

20. Мышление // Общая психология: учебник для вузов / под. ред. Р.Х. Тугушева, Е.И. Гарбера. Саратов, 2003. С. 195–207.

21. Социальный интеллект // Общая психология: учебник для вузов / под. ред. Р.Х. Тугушева, Е.И. Гарбера. Саратов, 2003. С. 377–394.

22. Мышление // Общая психология: учебник для вузов / под ред. Р.Х. Тугушева, Е.И. Гарбера. 2-е изд. М., 2006. С. 230–244.

23. Социальный интеллект // Общая психология: учебник для вузов / под ред. Р.Х. Тугушева, Е.И. Гарбера. 2-е изд. М., 2006. С. 438–459.

24. Программа государственной итоговой аттестации по направлению подготовки 030300 Психология. Саратов, 2014. С. 24, 44, 45, 58–60, 86–93, 107–110, 142, 143.

25. Основы юридической психологии: учеб.-метод. пособие. Саратов, 2015. 192 с. (в соавт. с Е.А. Вертягиной, Е.В. Стрельцовой).

Статьи, тезисы

26. К проблеме диагностики социального интеллекта // Психологическая наука и общественная практика: тезисы научных сообщений к VI Всесоюзному съезду психологов. М., 1983. С. 232–235.

27. Когнитивная и аффективная регуляция процессов самопознания и познания других людей // Психическая саморегуляция. М., 1983. Вып. 3. С. 67–69 (в соавт. с И.Э. Стрелковой).

28. Роль когнитивных и эмоциональных компонентов в регуляции процесса познания людьми друг друга // Эмоционально-волевая регуляция поведения и деятельности. Симферополь, 1983. С. 72–73 (в соавт. с И.Э. Стрелковой).

29. Социальный интеллект как специфический регулятор общения и взаимодействия людей // Психическая саморегуляция. М., 1983. Вып. 3. С. 407–409.

30. К проблеме диагностики социального интеллекта // Проблемы оценивания в психологии. Саратов, 1984. С. 63–67.

31. Особенности когнитивного стиля в связи с характером профессиональной деятельности // Мышление и общение в конкретных видах практической деятельности. Ярославль, 1984. С. 87–89.

32. Особенности межличностного оценивания и когнитивный стиль // Проблемы психологии субъективных суждений и оценок. Саратов, 1984. С. 94–99.

33. Психологические предпосылки успешности и устойчивости профессиональной деятельности руководителей и учителей // Психологическая устойчивость профессиональной деятельности. Одесса, 1984. С. 167–170.

34. К проблеме социально-перцептивных способностей // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. Л., 1985. С. 26-37 (В соавторстве с И. Э. Стрелковой).

35. Понятие социального интеллекта в системе психологических категорий // Мировоззренческие и методические вопросы современного научного познания. Саратов, 1985. С. 97–106.

36. Связь социального интеллекта с некоторыми индивидуально-личностными особенностями // Прикладные проблемы психологии личности. Саратов, 1985. С. 65–75.

37. Связь стилевых особенностей интерперсонального оценивания с личностными свойствами // Прикладные проблемы психологии личности. Саратов, 1985. С. 75–84 (в соавт. с Т.Д. Калистратовой).

38. Стилиевые особенности социальной перцепции и межличностного взаимодействия // Психологические характеристики деятельности человека-оператора. Саратов, 1985. С. 156–164.

39. Социальный интеллект и проблема профессиональной пригодности специалистов // Проблемы формирования профпригодности специалистов. М., 1985. С. 243–245.

40. Исследование сложностей когнитивной дифференциации и интеграции в связи с уровнем социального интеллекта // Когнитивные стили. Таллин, 1986. С. 159–162.

41. Эмоциональный компонент в структуре социально-перцептивной деятельности // Эмоционально-волевая регуляция поведения и деятельности. М., 1986. С. 40–41 (в соавт. с И.Э. Стрелковой).

42. Стил ь интерперсонального оценивания как фактор группового взаимодействия // Субъективная оценка в структуре деятельности. Саратов, 1987. С. 113–117.

43. Влияние когнитивной дифференциации на соотношение рациональных и аффективных приемов понимания в общении // Социально-психологические проблемы ускорения социального развития общества в условиях перестройки. М., 1989. С. 132.

44. Роль оценочных суждений о себе и других людях в коммуникативной самореализации личности // Психологические механизмы формирования оценочных суждений. Саратов, 1989. С. 41–43.

45. Типы затруднений в общении у лиц с низким уровнем когнитивной сложности // Психологиче-

ские трудности общения: диагностика и коррекция. Ростов н/Д, 1990. С. 21–23.

46. Когнитивная сложность и особенности группового общения // Первые международные научные ломовские чтения. М., 1991. С. 265–266.

47. Об активизации учебного процесса при изучении психологических наук // Формирование внутренних стимулов учения у студентов. Саратов, 1991. С. 20–22 (в соавт. с Р.Х. Тугушевым).

48. Стилъ познания и творческое продуцирование // Психологическое обеспечение подготовки будущих учителей. Саратов, 1991. С. 26–27.

49. Диагностика и коррекция межличностных отношений с помощью анализа сновидений // Психологическое исследование: психические состояния, характерологические особенности, педагогический такт и творчество. Саратов, 1992. С. 67–68 (в соавт. с Е.В. Гусевой-Гришуниной).

50. Проблема творческого потенциала в межличностном общении студентов // Психологическое исследование: психические состояния, характерологические особенности, педагогический такт и творчество. Саратов, 1992. С. 117–120 (в соавт. с И.Э. Стрелковой).

51. Отражение состояния здоровья человека в его сновидениях // Психолого-методические вопросы спорта, физической культуры и здоровья. Саратов, 1993. Вып. 4. С. 120–121.

52. Проблема взаимоотношения учителя с учениками в трудах Я.А. Коменского // Ян Амос Коменский и современная школа. Саратов, 1993. С. 74–75 (в соавт. с И.Э. Стрелковой).

53. Это вопль «Распни» докатился до нас... // Саратов. 1993. № 40. 16 марта (в соавт. с Р.Х. Тугушевым).

54. Биографический метод в работе психолога-практика // Психологические этюды: от классики к современности. Саратов, 1995. С. 209–214.

55. Исследование мыслительной креативности методом анализа сновидений // Вопросы практической психологии. Саратов, 1995. Вып. 2. С. 119–121 (в соавт. с Е.К. Калашниковой).

56. Символический компонент в групповой терапии психодинамической ориентации // Вопросы практической психологии. Саратов, 1995. Вып. 4. С. 88–90.

57. Социально-психологический аспект проблемы организованной преступности // Становление правового порядка в Российском государстве: реальность и перспектива. Саратов, 1995. С. 250–252 (в соавт. с Н.П. Хайдуковым).

58. Интеграция содержания сновидений методом анализа семантики его элементов // Вопросы практической психологии. Саратов, 1996. Вып. 7. С. 94–95.

59. Психологический анализ образа «Я» в сновидениях (по материалам группового тренинга) // Вопросы практической психологии. Саратов, 1996. Вып. 6. С. 90–93.

60. К вопросу о назначении судебной психолого-медицинской экспертизы в делах по нанесению морального ущерба гражданам // Методы психологии. Ростов н/Д, 1997. С. 253–255 (в соавт. с С.В. Утехиным).

61. Психология и экспертиза // Трибуна депутата. Саратов, 1997. № 7. С. 20 (в соавт. с С.В. Утехиным).

62. Групповой тренинг как форма обучения психоанализу // Проблемы обучения и воспитания военных кадров в вузах. Саратов, 1998. С. 53–54.

63. О производстве судебной психологической экспертизы по делам о защите чести и достоинства граждан // Актуальные проблемы сферы психологии и права. Калуга, 1998. С. 200–204.

64. Обучение психоанализу в условиях группового тренинга // Методика преподавания психологии и психологической поддержки населения. Саратов, 1998. С. 43–46.

65. Профотбор для системы прокуратуры // Методика преподавания психологии и психологической поддержки населения. Саратов, 1998. С. 112–113 (в соавт. с С.В. Утехиным).

66. Судебная психологическая экспертиза в делах по оскорблению чести и достоинства граждан // Психология и практика. Ярославль, 1998. Т. 4, вып. 3. С. 165–166.

67. О литературном творчестве Ф.М. Достоевского как форме самопознания // Достоевский и юриспруденция. Саратов, 1999. С. 53–57.

68. Проблема группового тренинга психодинамической ориентации // Социальная психология – XXI век. Ярославль, 1999. Т. 2. С. 462–465.

69. Судебно-психологическая экспертиза как средство защиты прав человека // Права человека: пути их реализации. Саратов, 1999. С. 130.

70. Двусторонняя судебно-психологическая экспертиза в делах о сексуальном насилии // Следователь сегодня. Саратов, 2000. С. 48.

71. Методика обучающего анализа в преподавании психологии в вузе // Современные образовательные технологии: проблемы и перспективы. Саратов, 2000. С. 101–103.

72. Защита чести, достоинства и деловой репутации – новый вид судебно-психологической экспертизы // Человек и право на рубеже веков. Саратов, 2002. № 1. С. 40–48.

73. Средства массовой информации и перспективы психического развития человека // Стратегия психического развития человека в современном обществе. Саратов, 2002. С. 75–77.

74. Судебно-психологическая экспертиза по делам о дорожно-транспортных происшествиях // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Саратов, 2002. С. 123–128.

75. Личность как предмет судебно-психологического экспертного исследования // Человек как источник криминалистически значимой информации. Саратов, 2003. Ч. 2. С. 204–206.

76. Проблема исследования преступной группы при производстве судебно-психологической экспертизы // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе. Уфа, 2003. С. 269–271.

77. Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних обвиняемых // Поддержка правосудия в отношении несовершеннолетних: метод. пособие. Саратов, 2003. С. 48–54. URL: http://www.juvenile-justice.ru/files/attachements/documents/227_368.doc

78. Понимание как психологическая категория и судебно-экспертное понятие // Язык: теория и практика преподавания. Саратов, 2004. С. 58–61.

79. Проблема возраста и судебная экспертиза несовершеннолетних обвиняемых // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Саратов, 2004. Вып. 12. С. 117–122.

80. Судебно-психологическая экспертиза в гражданском судопроизводстве // Социально-экономические и правовые проблемы борьбы с преступностью. Уфа, 2004. С. 123–125.

81. Тенденции развития судебно-психологической экспертизы // Психология системного функционирования личности. Саратов, 2004. С. 336–338.

82. Актуальные проблемы использования судебно-психологической экспертизы в гражданском судопроизводстве // Использование психологических знаний в интересах правосудия. Екатеринбург, 2006. С. 130–136.

83. Использование аудиовизуальных методов в преподавании экспертных дисциплин в юридическом вузе // Юридическое образование и наука в России. Саратов, 2006. С. 175–178 (в соавт. с В.В. Козловым, В.Н. Кирсановым, Г.Р. Колоколовым, Е.Е. Новиковой).

84. Методологические проблемы судебно-психологического экспертного исследования // Проблемы психологической науки в XXI веке. Саратов, 2006. С. 168–171.

85. Психологическая экспертиза по гражданским делам – новое направление судебной экспертологии

// Юрическое образование и наука в России. Саратов, 2006. С. 214–216.

86. Вербальная агрессия в публикациях СМИ и судебно-психологическая экспертиза: матер. IV Всерос. съезда РПО (18–21 сентября 2007 г.): в 3 т. М.; Ростов н/Д, 2007. Т. 3. С. 384–385.

87. Значение методологических принципов в судебно-психологическом экспертном исследовании // Альманах современной науки и образования. 2007. № 5. С. 273–275.

88. К проблеме повышения качества подготовки судебных экспертов психологов // Основные направления совершенствования качества подготовки специалистов: сб. науч. тр. IV Междунар. науч.-метод. конф.: в 3 ч. Саратов, 2007. Ч. 3. С. 245–248.

89. Некоторые особенности производства судебно-психологической экспертизы в гражданском судопроизводстве // Среднерусский вестник общественных наук: межрегион. науч.-образоват. изд. 2007. № 2. С. 36–39 (в соавт. с В.Ф. Енгальчевым).

90. Предмет и объект судебной психологической экспертизы по делам о защите чести и достоинства граждан // Проблемы региональной психологии: теория, практика, эксперимент: матер. регион. науч.-практ. конф. (5 апреля 2007 г.) Саратов, 2007. С. 235–239.

91. Проблемы методики судебно-психологической экспертизы психического воздействия // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–15 февраля 2007 г.). М., 2007. С. 455–459.

92. Способность к осознанию значения собственных действий как судебно-психологическое экспертное понятие // Психология сознания: современное состояние и перспективы: матер. I Всерос. конф. (29 июня – 1 июля 2007 г.). Самара, 2007. С. 554–556.

93. Статистические методы анализа текстов документов (на примере характеристик несовершеннолетних обвиняемых) // Язык, образование и культура: матер. II Межвуз. конф. Саратов, 2007. С. 191–195 (в соавт. с И.С. Гвоздевой).

94. Судебно-психологическая экспертиза природы информации, распространенной в СМИ // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–15 февраля 2007 г.). М., 2007. С. 404–408.

95. Судебно-психологическая экспертиза в общей системе судебных экспертиз // Альманах современной науки и образования: в 2 ч. 2007. № 7, ч. 2. С. 176–178.

96. Экспертно-психологическая оценка психического воздействия, оказываемого материалами СМИ // Социальная психология в образовании: проблемы и перспективы: матер. Междунар. науч. конф. Саратов, 2007. С. 311–314.

97. Биографический метод в работе психолога // Психология для руководителя: ежемесячное профессиональное издание. М., 2008. № 9. С. 82–85.

98. Вопросы обучения теории и практике судебно-психологической экспертизы в вузе // Образование в России: психологические, педагогические, меди-

цинские, экологические аспекты: матер. XII Всерос. науч.-практ. конф. Калуга, 2008. Т. 2. С. 184–187.

99. Особенности использования возможностей судебно-психологической экспертизы в правоприменительной деятельности // Психология обеспечения правопорядка и безопасности: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 21–23 мая 2008 г.). СПб., 2008. С. 365–367.

100. Проблемы использования судебно-психологической экспертизы в российском судопроизводстве // Альманах современной науки и образования: в 2 ч. 2008. № 6, ч. 1. С. 238–240.

101. Проблемы правомерности и научной обоснованности судебной психологической экспертизы возраста несовершеннолетних обвиняемых // Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (30–31 мая 2008 г.) // Вестник Луганского государственного университета внутренних дел им. Е.О. Дидоренко: в 3 ч. 2008. Специальный выпуск. № 5, ч. 2. С. 209–216.

102. Судебно-психологическая экспертиза материалов СМИ, направленных на возбуждение вражды и унижение человеческого достоинства // Использование достижений иных наук в криминалистике: матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (18–19 апреля 2008 г.). Краснодар, 2008. С. 364–368.

103. Активные формы обучения применению судебной психологической экспертизы по уголовным и гражданским делам // Современные методики преподавания учебных дисциплин в юридическом вузе:

сб. науч. ст. по матер. внутривуз. учеб.-метод. конф. Саратов, 2009. С. 21–24.

104. Методологические принципы судебно-экспертного исследования // Психология в вузе. 2009. № 1. С. 97–110.

105. Методические проблемы психологических исследований при проведении комплексных судебных психолого-лингвистических экспертиз вербального экстремизма // Актуальные вопросы проведения комплексных психолого-лингвистических исследований текстов в судебной экспертизе: матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Восток–Запад: партнерство в судебной экспертизе» (Калининград, 5–7 мая 2009 г.). Калининград, 2009. С. 63–71.

106. Особенности использования судебно-психологической экспертизы в российском судопроизводстве // Актуальные вопросы российского права и проблемы правоприменения в условиях современности. Саратов, 2009. С. 81–83.

107. Понятие надежности судебно-психологического экспертного исследования как системы // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь: тезисы докладов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню белорусской науки (Минск, 23 янв. 2009 г.) // Министерство внутренних дел Республики Беларусь; Академия МВД. Минск, 2009. С. 162–163.

108. Проблема установления уровня психического развития несовершеннолетних правонарушителей // Актуальные проблемы профилактики безнадзорности и правонарушений в подростковой сре-

де. Пути решения. Саратов, 2009. С. 15–19 (в соавт. с И.С. Гвоздевой).

109. Возможности судебно-психологической экспертизы и ошибки в практике ее применения // Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации. Калуга, 2010. С. 367–370.

110. Дискредитация личности в сообщениях СМИ как психотравмирующее событие и судебно-психологическая экспертиза // Психика и тело: научно-практические аспекты взаимодействия психического, физического, физиологического у человека в норме, при донологических состояниях и патологии: матер. II Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2010. С. 32–38.

111. Значение методологических принципов для судебно-экспертного психологического исследования // Человек и право – XXI век. 2010. Вып. 10. С. 34–41.

112. Особенности видовой классификации судебно-психологической экспертизы // Юридическая психология: стратегии современного развития: матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Саратов, 2010. С. 319–324.

113. Психолого-правовые признаки диффамации и судебно-психологическая экспертиза // Коченовские чтения «Психология и право в современной России»: сб. тезисов участников Всерос. конф. по юрид. психологии с междунар. участием. М., 2010. С. 107–108.

114. Специфика установления способности к сознательно-волевой регуляции несовершеннолетних правонарушителей // Интеграция юридической на-

уки и практики на современном этапе: сб. науч. тр. Саратов, 2010. С. 110–113.

115. Уровень психического развития несовершеннолетних обвиняемых и проблемы судебно-экспертных средств его установления // Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации. Калуга, 2010. С. 118–123 (в соавт. с И.С. Гвоздевой).

116. Установление признаков диффамации средствами судебно-психологической экспертизы // Защита прав и свобод человека и гражданина: реалии, перспективы: сб. науч. тр. Саратов, 2010. С. 125–129.

117. Особенности обучения юристов использованию судебно-психологической экспертизы // 125 лет Московскому психологическому обществу: юбил. сб. РПО: в 4 т. Т. 3 / отв. ред. Д.Б. Богоявленская, Ю.П. Зинченко. М., 2011. С. 364–367.

118. Социальная и юридическая психология: истоки развития на кафедре психологии Саратовского государственного университета // Опыт и перспективы развития университетской психологии в Саратове: матер. Юбил. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию кафедры психологии (9–10 декабря 2011 г.). Саратов, 2011. С. 198–204.

119. Судебно-психологическая экспертиза преступной группы: личностный и социально-психологические подходы: сб. ст. по матер. III Междунар. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (Москва, 25–26 января 2011 г.). М., 2011. С. 668–671.

120. Судебно-психологическая экспертология: исторический аспект // Право и его реализация в XXI

веке: сб. науч. тр. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Сарат. гос. юрид. акад. (Саратов, 29–30 сентября 2011 г.): в 2 ч. Саратов, 2011. Ч. 2. С. 153.

121. Критерии оценки научной обоснованности судебно-психологического экспертного исследования // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2012. № 1. С. 116–121.

122. Практика назначения и проведения психологической экспертизы несовершеннолетних обвиняемых // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика: матер. VIII (внеочередной) Междунар. науч.-практ. конф. (18–19 июня 2012 г.). СПб., 2012. С. 22–32 (в соавт. с И.С. Гвоздевой).

123. Тенденции развития и применения судебно-психологической экспертизы // Организационная психология: люди и риски: матер. университет. науч.-практ. конф. Саратов, 2012. С. 188–191.

124. Судебная психологическая экспертиза: положение в системе судебных экспертиз и процессы внутренней дифференциации // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2013. № 1. С. 67–74.

125. Особенности использования специальных психологических знаний при расследовании групповых преступлений // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2014. № 1. С. 74–78.

126. Методологические принципы судебно-психологического экспертного исследования преступной группы // Организационная психология: люди

и риски: матер. V рос.-амер. науч.-практ. конф. (29–30 мая 2014 г.). Саратов, 2015. С. 441–447.

127. Исследование преступного поведения серийных убийц в целях формирования оптимальной тактики раскрытия и расследования данного вида преступления // Научная дискуссия: Вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. LVII Международ. науч.-практ. конф. М., 2016. № 12. С. 133–154 (в соавт. с А.Б. Давыдовым).

128. Научные направления кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики Саратовской государственной юридической академии: история и актуальное состояние // Право, наука, образование: традиции и перспективы: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Сарат. гос. юрид. акад. (в рамках VII Саратовских правовых чтений, Саратов 29–30 сентября 2016 г.). Саратов, 2016. С. 680–681 (в соавт. с Г.Р. Колоколовым).

129. Особенности классификации судебной психологической экспертизы: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации» (Москва, 21 января 2016 г.). М., 2016. С. 327–331.

130. Особенности развития отечественной судебно-психологической экспертологии // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2016. № 1. С. 62–68.

131. Предмет и объект судебно-экспертных исследований материалов экстремистской направленно-

сти // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2016. № 2. С. 76–81.

132. Исследование новых форм серийных убийств путем доведения до самоубийства с помощью сети Интернет // Интернаука. 2017. № 5, ч. 1. С. 42–45 (в соавт. с А.Б. Давыдовым, И.С. Гвоздевой; авторство не разделено).

133. Использование деловой игры при обучении будущих юристов основам судебно-психологической экспертизы // Педагогический опыт: делюсь находками с коллегами: сб. метод. разработок. Саратов, 2017. Вып. 51. С. 387–391.

134. Психологические и психолингвистические признаки достоверности показаний по уголовному делу и судебно-психологическая экспертиза // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2017. № 1. С. 84–90 (в соавт. с И.С. Гвоздевой).

135. Судебно-психологическая экспертиза достоверности сообщаемых в ходе уголовного судопроизводства сведений: исторический аспект // Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей: сб. науч. ст. М., 2017. С. 53–57.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Южанинова Алла Леонидовна

**ИСТОРИЯ
САРАТОВСКОЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ШКОЛЫ В ЛИЦАХ**

Редакторы – *О.В. Мерзлякова, С.Н. Сисикина*
Корректор – *О.В. Мерзлякова*
Компьютерная верстка, дизайн – *О.А. Фальян*

Подписано к печати 12.12.2018. Формат 60х84¹/₁₆.
Гарнитура «SchoolBookC». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,46. Уч.-изд. л. 10,87. Тираж 500 экз.
Заказ № 101.

Издательство ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия».
410056, Саратов, ул. Чернышевского, 135.

Отпечатано в типографии издательства ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия».
410028, Саратов, ул. Вольская, 1.